

Наг Стернин

ОТНЫНЕ И В ВЕЧНОСТЬ

Червивое яблоко 3

18+

Наг Стернин

**Отныне и в Вечность.
Червивое яблоко 3**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Стернин Н.

Отныне и в Вечность. Червивое яблоко 3 / Н. Стернин —
«ЛитРес: Самиздат», 2016

Действие разворачивается на планетах Азера и Темная, где на специальном Полигоне из клона Рекса Азерского Координатор хочет создать для себя органическое тело. Противостояние его с Азерским достигает кульминации, покушения на Рекса срываются, захватить полный контроль над интерстарнетом не удастся. Клон Азерского выходит из-под контроля. Обитатели Темной принимают его за Светлого бога, вышедшего на борьбу с Темным Богом Вечности, и переходят на его сторону. Основная схватка должна состояться на Темной. Обе стороны готовят друг другу ловушки.

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	10
3	14
4	20
5	28
6	34
7	39
Глава вторая	46
1	46
2	51
3	57
4	63
5	69
6	78
7	82
Глава третья	85
1	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Глава первая

1

Вокруг буера кипела метель. Ветер непрерывно крепчал, но, погоняемые нетерпением, друзья не уменьшали парусности, хотя столкновение с любым препятствием на такой скорости могло закончиться для них плачевно. В Ахерон они ворвались сходу, не снижая скорости и, как ни странно, никем не замеченные. Впрочем, почему "странный"? Ничего странного. В такую погоду ни один разумный человек не станет высовывать из дома носа. Да и неразумный тоже не станет.

На предложение Люкса указывать дорогу, удивленный Скар, занятый снаряжением арбалета – он со всем возможным тщанием засовывал в гнездо нижнего лука разрывной болт – отвечал в том смысле, что, мол, не ошибешься, центральной площади – агоры с колодцем и колоннами у нас тут нетути, улица одна, увидишь двухэтажный дом, вот тебе и ратуша.

Ратуша представляла собой двухэтажный сруб с маленькими зарешеченными окнами на втором этаже, построенный со всеми доступными воображению местного начальства архитектурными излишествами в виде чего-то, напоминающего флагшток, и широкой лестницы, ведущей на крыльцо второго этажа. Оконца первого этажа были совсем крохотные и располагались очень высоко – при всем желании не заглянешь. Выхода наружу с первого этажа не было видно, да его и вообще не имелось, как вскоре выяснил Люкс. Крыльцо было снабжено островерхой крышей, опирающейся на деревянные столбы, долженствовавшие изображать собою колонны. Сбоку на крыльце была приляпана полосатая деревянная будка для часового, пустовавшая, по словам Скаврона, отнюдь не по случаю плохой погоды, а за совершенной ненужностью охраны. Взбираясь на крыльцо, Скар деловито наставлял товарища:

– Адептом займись я, извини, руки чешутся. А ты гляди по сторонам. За спину себе никого не допускай, следи за вертухаями и, главное, не церемонься. Это такой народ, стоит заеваться – тут же схлопочешь себе чем-нибудь острым между лопаток. А тебе твое тело надо бы и побережь. Оно тебе еще ой-как понадобится. Если что, сразу кулаком в репу, и очень тебя прошу, чтобы со всех сил. Даже если там башка всмятку – жалеть некого, они про жалость не понимают, у них, сволочей, у каждого личное кладбище. И если такой поставщик жратвы кладбищенским червям сдохнет, хорошим людям станет хоть чуточку вольготней жить.

На секунду замерев перед дверью, Скар осторожно ухватился за ручку, подергал. Дверь была заперта. Он покосился на Люкса. Люкс сосредоточился.

– Там такой коридор, в нем три двери...

– Это я знаю. – Скар говорил почему-то вполголоса, и из-за ветра слышно его было плохо. – Налево адептовое жилье, направо хозяйственные всякие... кухня, мыльня и все такое, а прямо магистратская зала, проще говоря, парадная пыточная, и из нее лестница на первый этаж, в клетки. В зале у них все приспособлено именно для этого дела, я имею в виду пытки, а не умные заседания. Дыба, козлы, горн для раскалить пыточное железо, тиски для ног-рук и все такое. В каких комнатах есть люди, это ты можешь сказать?

– Ни слева, ни справа я никого не... в общем, пусто. А вот в этой самой твоей магистратской пыточной люди есть. И на первом этаже есть.

– Ясно. Ну, тогда на счет три. Раз... два... пошли.

Мощного удара Люкса запоры не выдержали, и друзья, не задерживаясь в коридоре, ввалились в тускло освещенный факелами зал, в котором за большим столом бражничала компания мужичков.

Следует признать, что слова Скаврона о полной ничтожности спившихся и обленившихся вертухаев оказались не вполне справедливыми. Большинство стражников, и в самом деле, остались сидеть как громом пораженные, открыв рот и выпучив глаза, но двое отреагировали мгновенно и вполне адекватно. Сидевший во главе стола пузан, с грохотом опрокинув стул, проворно полез под стол, а примостившийся с другого края невзрачный мужичонка схватил со стола здоровенный тесак, которым честная компания разделявала жаренного гарма, и ловко запустил его в Скаврона.

Скаврон, глаз не спускавший с толстяка, был бы убит на месте, если бы Люкс в стремительном прыжке не перехватил летящий тесак и не переадресовал его прыткому стражнику.

Стражникам никогда еще не доводилось видеть ничего подобного. Человек на какую-то долю секунды будто размазался по залу, исчез в одном месте и тут же появился в другом, а их товарищ опрокинулся навзничь вместе со стулом с собственным тесаком во лбу. Медленно, как в гипнотическом трансе они полезли из-за стола и сгрудились в углу у дыбы, стараясь спрятаться друг за друга.

– Руки в замок за шею, – негромко скомандовал Скаврон. – Живо, живо, не сердите моего напарника, да и меня сердить не стоит, башки поотрываю.

Стражники, боязливо косясь то на мертвеца, то на Люкса, поспешили выполнить приказание.

– Люкс, – Скаврон, похоже, так и не заметил счастливо миновавшей его опасности, – ты тут их особо не пугай. И так дышать нечем.

Потом Скаврон медленно повернулся к толстяку, гипнотизируя его взглядом, и вкрадчиво спросил:

– Ты куда залез, дорогой? Вылазь. Морду тебе буду бить... Не-е. Я передумал, – сообщил он Люксу радостным голосом. – Что ж я один буду получать удовольствие? Так выйдет несправедливость. Госпожа начала с ним дантистом работать, ей и заканчивать, зубы у него пока еще имеются. Хорошие зубы. Мы с тобой сейчас ее и Кувалду из клеток выпустим и сюда пригласим. Пусть отведут душу. Потешатся. А я буду так, на подхвате. Ну, там, пару-тройку ребер сломать, глаз выдавить, то, се... суставчики у него, опять же, все целые. Ключи от клеток где? И не суйте мне репу за пазуху, что не знаете. У кого ключи, спрашиваю?

В голове всех без исключения стражников Люкс вдруг ощутил взмывший на волне панического страха образ некоего... чего?.. предмета?.. мебели?.. образ этот вдруг отделился от... всего, абстрагировался как-то и оказался... в общем, бюро такое стояло возле лестницы на первый этаж. Ближе к окну канцелярский стол, видимо, адептовое рабочее место, а за ним бюро. И Люкс, опередив стражников, с неожиданной для себя самого уверенностью сказал:

– В углу, вон в том бюро пошарь, в третьем снизу ящике.

– Ну, ты даешь! – покрутил головой Скаврон. – Никак привыкнуть не могу. Все время забываю, извини. В третьем снизу, говоришь?.. Ты тут покарауль пока вертухайское высокоблаговонное сообщество, я мигом.

Дверь на лестницу захлопнулась за ним со страшным грохотом. "Мы люди подневольные", – пискнул кто-то из стражи, но, сообразив, что этому, похоже, впаривать что-нибудь такое совершенно бесполезно, тут же и умолк. По приказу Люкса толстяк вылез из-под стола и присоединился к остальным. Эманации страха и тупой покорности, казалось, даже воздух в зале делали густо вязким и противным. О нападении никто из стражи и не помышлял. Все они с покорностью ждали решения своей судьбы.

Дверь распахнулась, из проема выскочил сияющий Скаврон, цепким взглядом быстро оглядел зал и, убедившись, что все в порядке, сказал, обращаясь к дверному проему:

– Сюда, госпожа.

В залу стремительно ворвалась... ну, да, именно ворвалась высокая – почти со Скаврона – женщина, закутанная с ног до головы в грязную мешковину. Следом за нею в дверцу

протиснулся тоже закутанный в мешковину уже просто огромный детина, габаритами своими если Люксу и уступавший, то уж точно ненамного. Беглого взгляда на него было более чем достаточно, чтобы понять, откуда появилось у него прозвище "Кувалда". Женщина, не глядя на пленников, подскочила к Люксу, остановилась в шаге от него и возбужденно заговорила ломким срывающимся голосом.

– Вы, конечно, светлый и все такое, я понимаю, Скар тут о Вас... Но и нас Вы поймите. Здесь в камерах нет ни одного по закону осужденного человека, сплошной произвол. Это убийцы. Это сволочи, подонки, мерзавцы и негодяи. Это настоящие слуги тьмы. Рассказать Вам, как они с живых людей сдирают кожу? Посмотрите, вон там, на столе у них все для этого обустроено. Вон, на дыбу посмотрите, на все эти щипцы, крючки, ножи и пилы, это для них обыкновенная работа. Да что я говорю, Вы и сами все знаете.

– Он не знает, – торопливо перебил ее Скаврон. – Я же сказал, он ничего не помнит даже про себя самого.

– Да-да, конечно, я понимаю. Но ты сказал, что он всех видит насквозь... Ведь Вы видите, правда?.. правда?.. Так поглядите, сколько на них крови! А что они говорят, когда пытаются, знаете? Так и говорят, ничего, мол, личного, это работа... сволочи! Ну, ладно, которые рядовые, куда ни шло. Сунем в клетку, выкинем ключ, когда-нибудь придут из Суома, выпустят. Пусть живут. Но адепт? Какое ему может быть милосердие? Это живодер и садист, отдайте его мне!

Адепт сорвался с места и кинулся к выходу. Он уже схватился за ручку двери, но тут раздался хлесткий щелчок тетивы, и в его затылок вонзился арбалетный болт. Ноги адепта подломились, и он всем телом грохнулся на пол. Скаврон не промахнулся.

– Вот сволочь! Какой легкой смертью умер, мерзавец! Ну, почему подонкам всегда везет? – с досадой воскликнула женщина. Потом бросила на Люкса вороватый взгляд и пробурчала себе под нос, так что Люкс еле сумел разобрать: – Хорошо, хоть покаяться не сообразил.

Из-за спины прислонившегося к притолоке Кувалды начали потихоньку выдвигаться еще какие-то личности в дерюге, вид имевшие типичных узников. Осторожно косясь то на Люкса, то на валяющийся у дверей труп адепта и непрерывно кланяясь, они бочком-бочком пробирались вдоль стенки к выходу. Когда последний из них исчез за дверью, Кувалда переглянулся со Скавроном, отлепился от притолоки и медленно прошелся вдоль строя стражников, пристально вглядываясь в их лица и постукивая пудовым кулачищем правой руки по раскрытой ладони левой. Стражники омертвели лицами и забыли дышать.

– Ну, в-вы, супермены хреновы, геть по клеткам, пока мы не передумали! Кто не успеет – я не виноват, считаю до трех, три уже было.

Стражники со всех ног кинулись к лестнице, забились в дверях, спотыкаясь друг о друга, награждая замешкавшихся пинками и затрещинами, и, прорвавшись, загрохотали сапогами по лестнице. Кувалда со Скавроном неторопливо проследовали за ними. Женщина бросила на Люкса какой-то затаенной, непонятный по выражению взгляд и нервно поежилась.

– Интересно, есть ли у этой сволочи в мыльне горячая вода? От меня, наверное, несет, как от целого стада гармов. Я пойду, взгляну... Вы велите, пожалуйста, мужикам выкинуть отсюда эту падаль к чертям собачьим, – сказала она, брезгливо обходя труп адепта, и скрылась за дверью.

Снизу выскочил Скаврон, невнимательно выслушал Люкса, пересказавшего ему свой разговор с его госпожой, пробормотал что-то вроде: "да, оно хорошо бы, помыться, но некогда", и завопил во всю глотку, призывая к себе замешкавшегося внизу Кувалду.

– Как думаешь, сколько у нас времени?

– Дня три – четыре, – ответил Кувалда, подумав.

– Вот и я считаю, что не меньше. Но и не больше. Надо собирать мужиков, кто может держать язык за зубами, и ковать из кости для всех нас четверых полный доспех. Расплатиться есть чем. И щедро.

– Нодя надо позвать, – оживился Кувалда.

– Вообще-то, Нодь знаменитейший мастер, оружейник и ювелир, – пояснил Скаврон Люксу. – Но как он багамутовую кожу под панцири выделяет, так не умеет никто. Видел, она вся покрыта костяными такими нашлепками? Так вот, он их аккуратно расковыряет, чтобы они налезали друг на друга как рыбная чешуя. Защитная нательная одежда из такой кожи клеится на рыбном клею, и получается она гибкая, легкая, движениям совсем не мешает, и под ней тебя никаким оружием не достать. Кожи этой у нас завалились, и на штаны хватит, и на рубахи для всех, да еще и останется с ба-альшим избытком.

– Правильно, – Кувалда стукнул кулаком по ладони и победительно оглядел друзей. – А что до кроя штанов с рубахами, Манон попросим, она и скроит, пока будем с костью возиться... Скроит, скроит, – добавил он, увидев, как дернулся при этих словах Скаврон, – она это дело умеет, да еще как!

Скаврон покосился на Люкса, нагнулся, выдернул тесак из головы мертвого вертухая и, ухватив за ногу, подтащил его к трупку адепта.

– Отчего бы и не скроить, если попросим? Госпожа...

– Это тебе она госпожа, – продолжал Кувалда с нажимом. – А мне она старый товарищ и свой парень. Просить ее не придется, сама предложит, и попробуй, откажись!

Скаврон досадливо сморщился и вздохнул.

– Кончай выпендриваться, ты как дитя малое, а еще умный мужик и образованный студюзус... Люкс, как госпожа выйдет, тоже помойся. Когда еще выдастся такой случай?

– Успеет, – махнул рукой Кувалда, – нам еще с костью возиться, так что время помыться у него будет.

– Я с вами работать, – сердито возразил Люкс и, смягчая сердитый тон, добавил шутливо: – Я, конечно, не умею, тут ты прав, но ничего, я научусь, я способный.

Скаврон без следа улыбки поглядел на него и кивнул головой, совершенно серьезно соглашаясь с высказыванием.

– Значит так, госпожа выйдет, договоримся, кому что делать. Времени у нас хоть и много, а все равно в обрез, можно сказать, совсем нет времени. А пока, слышь, Кувалда, давай-ко мы с тобой уберем отсюда эту падаль.

– Вдвоем? – удивился Кувалда. – А на кой хрен ты мне для этого нужен? Я что, без тебя не справлюсь?

– И то, правда, – охотно согласился Скаврон. – Только ты этого вместе с арбалетным болтом не выкини. Болт еще пригодится. А я заскочу на кухню, соображу пожевать что-нибудь на скорую руку. Вы тут, я так понимаю, совсем оголодали, да и нам с Люксом было не до еды. Доедать объедки вертухайского гарма, как вы, студюзусы выражаетесь, влом, но устроились они тут основательно, выпивки залейся, так что и на кухне, уверен, много чего имеется насчет пожрать.

Скаврон придержал дверь, пропуская вперед Кувалду, и следом выскочил сам. Люкс остался один. На него навалилась жуткая усталость, глаза стали слипаться, ноги отказывались держать тело. Люксу чудовищно захотелось спать. Он поднял с пола стул, утвердил посередине зала и сел на него верхом, потом устроил руки на спинке, голову на руках и закрыл глаза.

У Люкса был один из тех редких моментов, когда не болели ни позвоночник, ни голова, и даже плечо не изводило чесоткой. На душе было покойно. Легко было на душе, и, прежде всего, как он понимал, потому, что он уже не был одинок. В жизни Люкса появились друзья. Надежные друзья, если судить по Скаврону. Надо думать, они помогут ему обрести себя, помогут справиться с той странной забывчивостью, что появлялась после каждого сна. Помогут справиться с провалами сознания, которые с завидной регулярностью посещали его по нескольку раз на дню, помогут освоиться в этом чужом и даже чуждом мире... Университет, университет

ему нужен. Юг, столица, университет. Там медицинский факультет, там лучшие врачи, если они не вылечат, то кто?

Мысли его начали путаться, уплывать куда-то, и тут прямо над его ухом раздался смутно знакомый женский голос:

– Интересно, куда провалились эти охламоны? Простите, Люкс, Вы не знаете, куда могли подеваться Скар и Кувалда?

Люкс открыл глаза и... у него перехватило дыхание.

Она смотрела на него блестящими, оживленными и даже какими-то чуть ли не злыми глазами. Отмытая, босая, укутанная в просторный мешковато сидящий халат, со спутанной гривой мокрых блестящих волос, которые тщетно пыталась расчесать огромным костяным гребнем, она была прекрасна.

Ошеломленный Люкс пялился на нее во все глаза и молчал.

2

В истинном теле Генрик появлялся в Городе лишь на свидания с Жанет. Несмотря на то, что его личное участие в работе над объектами один и два было на какое-то время закончено, расслабиться и всласть гульнуть на воле он себе позволить не мог. Объект номер один преподносил сюрприз за сюрпризом, и вот-вот должен был начать функционировать объект номер два – а это был тоже, знаете ли, не подарочек.

Вернуть прежнюю студиозную жизнь оказалось даже не просто трудно, а просто невозможно, и, прежде всего потому, что она – жизнь – безвозвратно изменилась. Нет-нет, Генрик, безусловно, был для студиозного братства своим. И от прежней жизни у него еще оставались друзья, да и новые студиозусы более чем охотно шли на контакт и поддержание знакомства с такой запредельной знаменитостью. Еще бы, притча во языцах, легендарный Генрик-палаш, но... Генрик быстро разобрался, в чем дело. А дело было в том, что точкой соприкосновения между ним и нынешним студиозным братством являлся теперь лишь стол таверны. Но для того, чтобы быть полностью "в теме", гораздо важнее было делить с друзьями другие столы – столы аудиторий и лабораторий. Заглядывал Генрик и туда, как в истинном теле заглядывал, так и в фантоме, и к естественникам, и к теологам. Однажды, не удержавшись, разделал в диспуте самодовольного аббата – логоздоса, что говорится, как бог багамута. Впрочем, с естественниками он себе таких эскапад не позволял, и только внутренне бесновался от бессилия и полной невозможности передать настоящие и полноценные знания пытливым мальчишкам родной планеты.

Что касается самодовольного аббата, то если логоздосом он был никудышным и семинар свой вел из рук вон плохо, то вот как организатор проявил себя выше всяческих похвал. Солнечные часы на Водяной башне едва успели забросить тень в сектор "третьей лекционной пары", как расплата за "диспут" в виде полудюжины вооруженных мерзавцев окружила Генрика на крохотной площади в трабулах у Стены Капитулярия.

Окружающая публика кинулась врассыпную с похвальной скоростью, тут же и исчезнув в бесчисленных ходах, переходах и всяческих лазах с лазейками. Правда, один юный студиозус, лихо выдернув из потрепанных ножен выдавший виды, но вполне-себе приличный палаш, тут же и вознамерился "держать спину" Генрику. У Генрика, поначалу хихикавшего и всячески веселившегося, настроение стремительно испортилось, как только он опознал в юном студиозусе переодетую Жанет. А уж когда он увидел в левой руке особенно активного "нападанта" не обыкновенную дагу, а самый настоящий нейронный нож, тут уж он просто озверел. Так что нападавшим не повезло. Очень. И бедной Жанет стоило огромных усилий удержать Генрика от немедленных "оргвыводов" в адрес злополучного аббата.

Жанет была шалой. Жанет была веселой. Жанет была чудо как хороша в постели. Жанет всегда была готова к приключениям, проделкам, шалостям различной степени невинности и всевозможным экспериментам в любой доступной ее пониманию области. Но вот что Жанет, как выяснилось, прекрасно фехтовала, оказалось для Генрика абсолютной неожиданностью. Причем, фехтовала она в весьма прогрессивной манере, наводящей на мысли о хорошей школе Внешних Миров или – что характерно – об очень хороших личных тренерах... на худой конец.

Когда чуть позже они сидели за столиком и, потягивая репс, со смехом вспоминали перипетии пережитого приключения, Генрик спросил ее, откуда у нее столь необычная техника фехтования? Жанет пожала плечами.

– Я и не выдавала себя за невинную овечку, правильно ведь? Конечно, у меня были мужчины. Хорошие, – уточнила она и добавила, подумав, – много... Да, у меня никак не получается приемчик, которым ты срезал малинового петуха в трактире у Пузана. Покажешь? Кстати, знаешь, кто он такой, малиновый? Офицер из свиты наместника, имей в виду. Я его на Прат-

тере видала. Среди придворных. Разряженный как павлин, весь в белом. Девчонки рассказывали, что он с кучей дружков несколько раз толкся в трактире у Пузана и расспрашивал о тебе. И рука у него уже зажила, во – скорость, как на люпuse, представляешь?

Данное ей Генриком поручение Жанет выполнила со скрупулезной точностью. Комната, которую она отыскала, отвечала всем самым придирчивым требованиям: задний выход выводил прямо на опорную площадь целой системы трабул. Так что походы по местам повышенной значности могли теперь проходить в куда более комфортных условиях, чем в начале их знакомства.

Девчонка с самого начала оказалась Генрику крайне полезной и имела, в сущности, всего лишь жалкую парочку сколько-нибудь серьезных недостатков, а именно снобизм и любопытство. "Сферы" притягивали ее к себе как магнит железяку, а любопытной она была как целая стая юных крысят. Сильней всего ей хотелось даже не принадлежать, а быть, так сказать "вхожей". "В курсе" ей хотелось быть даже больше, чем "блистать" самой.

– В курсе чего? – недоумевал Генрик.

– Всего, – кричала Жанет сладким шепотом и прижимала к груди сжатые кулачки, глазки ее при этом просто сверкали и расширялись до пределов возможного, а кончик носа заострялся и бледнел.

Однако более всего Жанет занимала личность ее нового любовника. С одной стороны, считала Жанет, он был – вне всякого сомнения – местный. Его выдавали огромные "темницкие" глаза. Если бы он носил контактные линзы, это с неизбежностью выяснилось бы во время их бесчисленных постельных кувырканий. С другой стороны, на его висках имелись контакторы, впрочем, от постороннего глаза обычно тщательно укрытые магнитными волосяными накладками. Контактторы с несомненностью свидетельствовали о принадлежности любовника не просто к высшим слоям планеты – бери выше, много выше – он, судя по всему, принадлежал к самой верхушке имперцев, владык вселенной. Генрик видел, как трудно было девочке удерживаться от вопросов. "Кто ты такой и что тут делаешь?" сквозило в каждом ее взгляде и ежесекундно рвалось с губ. Но она крепилась. По крайней мере, первое время.

– Ты не утаешь поразить меня, – говорила она ему.

– Чем? – удивлялся Генрик.

– Всем, – с железной логикой утверждала Жанет. – Ты гениальный любовник.

– И только-то?

– Нет, – уточняла Жанет. – Ты гениальный фехтовальщик, я знаю, что говорю, и не спорь.

– Не буду, – соглашался Генрик. – Это все?

– Нет. Еще ты гениальный спорщик. То есть, такой спор дед называет научным словом полемика, как будто умное название сделает сам, так сказать, процесс меньшим занудством.

– Понятно. Значит, я гениальный зануда?

– Не зануда, а полемист, – логика у девочки была железной некуда, – как ты разделал того теолога? Как мясник гарма, право слово. Ко мне, кстати сказать, уже подъезжал секретарь их факультета. Декан теологический хочет с тобой встретиться. Предложение у него есть для тебя. Секретарь утверждает, что жутко выгодное. Тебе, конечно, наплевать и растереть, – Жанет покосилась на Генриковы виски, – но я обещала передать, оно мне надо с теологами бодаться?

Все поручения, которые он ей давал, Жанет выполняла великолепно. Выше всяческих похвал. Но, как вскоре выяснилось, был у нее еще один недостаток, крайне осложнявший общение. Жанет была патологической вруньей. Она врала постоянно, вдохновенно, врала по любому пустяку, причем, без малейшей выгоды для себя. Врала – и все. Из любви к искусству. И если Генрик, укоризненно качая головой, ловил ее на очередном заковыристом и совершенно бессмысленном вранье, она не сердилась, не обижалась, не пыталась отстаивать свою правоту. Она корчила на рожнице милую, совсем не виноватую гримаску – ну, что, мол, делать, так получилось – и тут же выдавала новую порцию не менее бессмысленного вранья, разобраться в

котором никакого интуитивизма не хватало. Если же он продолжал настаивать: зачем?.. чего ради и, вообще, какой смысл во всей этой репе?.. она обиженно надувала губки и говорила с досадливой укоризной: "Ну, Генрик, не будь занудой! "

"Не будь занудой!" – этот укоризненный призыв Генрик слышал всякий раз, когда ловил Жанет на вранье или еще каком-нибудь непотребстве. Уже после первой недели общения Генрик твердо усвоил, что – вот ведь какая странность – доверять ей, похоже, было можно, все его поручения она выполняла со скрупулезной точностью, высочайшей эффективностью и непременно в поставленные сроки, а вот верить ей нельзя было ни на грош. Весь его хваленый интуитивизм в общении с нею не мог ничему помочь, пасовал он, интуитивизм, поскольку и так было ясно, что все, что будет сейчас, вот сию секунду ею сказано, и даже – представьте себе – подумано, вранье, к тому же не факт, что имеющее хоть какую-нибудь цель.

В каком-то смысле общаться с нею было невероятно сложно. Эта врушка врала всегда, причем в абсолютном большинстве случаев не из корысти. От своего вранья она не получала никакой видимой выгоды. Это было, как быстро уяснил себе Генрик, если так можно выразиться, бескорыстное вранье, вранье "для просто так", вранье из любви к искусству, чистому искусству, искусству для искусства. Но, боже мой, какое это было очаровательное вранье, и как была очаровательна сама врушка!

Если же, уставши от тупой бессмысленности ее небылиц, Генрик ловил ее на них гневно, она все равно никогда не смущалась, не терялась, не извинялась и вообще "не!". Она кидалась в бой, причем, совершенно не озабочиваясь тем, что пять минут назад по тому же самому делу излагала прямо противоположную версию. Окончательно припертая к стенке – в начале их связи это происходило по десять раз на дню – она с досадливой укоризной опять-таки говорила свое неизменное: "Ай, Генрик, не будь занудой..." и тут же выдавала очередную репу, которая по степени неправдоподобности давала всем предыдущим сто очков вперед.

Иногда она принималась философствовать, и выглядело это примерно так.

Жанет:

"В общении с мужчиной я сначала стараюсь идентифицировать качества этого человека, а потом стать его полным отражением, но женского пола. Такое, правда, возможно только с мужчинами, которые мне очень нравятся. Большинство мужчин делятся на три категории: примитивных, которым нужен только секс; поумнее, которые хотят, чтобы их любили, и последняя группа – те, кто не только хотят быть любимыми, им еще нужно, чтобы эта любовь была самым большим и прекрасным чувством в твоей жизни. С такими сложнее всего, но это моя любимая категория".

Генрик:

"Во-первых, ты не находишь, что в этой сентенции по меньшей мере трижды противоречишь сама себе?.. А во вторых, такие мужчины никак не могут составлять "катеорию". Такой мужчина в жизни женщины может быть – и то, если ей очень-очень повезет – только один? "

Жанет:

"Не будь занудой, Генрик! "

Спросить человека прямо и бесхитростно о чем-то, ее интересующем, она была органически не способна. Когда у нее заострялся носик, а на рожице появлялось умозрительно-сосредоточенное выражение – ни дать, ни взять, такса перед крысиной норой – Генрик просто махал рукой и переключался на что-нибудь другое: Жанет вступила на детективную тропу. Гораздо проще было отвечать на ее уморительные вопросы и не препятствовать сделанным из его ответов предельно нелепым и, чаще всего, невероятно смешным выводам.

Вначале Генрик, пораженный их предельной несуразностью, принимался сквозь собственный истерический хохот разъяснять ей всю нелепость происходящего. Он говорил ей: "Да спроси же ты прямо. Я либо отвечу, либо не отвечу... это проще и быстрее. Эффективнее, в конце концов. Если я не захочу, ты все равно ничего не узнаешь". В ответ ему говори-

лось, что, во-первых, ничего такого для себя интересного она тут никогда не видела, ничего у него никогда не спрашивает и даже с гордостью не обращает внимания, что у нее такой таинственный и загадочный любовник. Во-вторых, стоило только ей на него подналечь, как он тут же все ей всегда и про все рассказывал, скрыть ничего не мог, хоть и вертелся, как омус, в раковину которому накапали лаймонового соку. В-третьих, ее обижает, что он относится к ней несерьезно, ни во что ее не посвящает, ни во что не ставит и, вообще, держит за дуру. А уж к себе пригласить под землю, чтобы хоть одним глазком... в конце же ему с предельной укориженностью предлагалось сакраментальное "не быть занудой".

Казалось бы, для интуитивиста Генрика, которого уже черт знает, с каких пор, ни одна живая душа обмануть даже и не пыталась, общение с подобной личностью должно было представлять сущее мучение. Так ведь нет же! Нет! А заканчивались все эти их диалоги с неотвратимостью падающих на наковальню кузнечных молотов двумя чуть ли не ритуальными фразами.

Жанет, с гордой чванливостью вздернув носик, говорила:

– Вот видишь, милый, тебе я позволяю то, чего никогда не позволяю другим!

Генрик, откровенно ухмыляясь во весь свой большой рот, отвечал:

– Нет, дорогая, не вижу.

Что касается городских дел, то теперь – на всякий случай и вообще – Генрик держал в городе своего фантома чуть ли не постоянно. Что значит: на всякий случай и вообще? На всякий случай – это как раз понятно. Раз появившись в университете, Генрик уже не мог исчезать надолго во избежание лишних вопросов. Что касается "вообще", то фантом был занят делом, которое Генрик считал достаточно важным. Из своей прошлой студийной жизни он хорошо знал университет и совсем неплохо ориентировался в значных местах города. Он был одним из лучших знатоков системы трабул, как университетских, так и рыночных. Но – как с удивлением сейчас обнаружил – совершенно не знал жизни городского дна. А вот это было уже чревато. Призрак ротации расслабляться не позволял. Вот в фантоме Генрик и занимался ее изучением.

3

В кузнице было не то чтобы темно, нет, конечно, факелы горели и горн и все такое, но видно было плохо. А уж воздух был просто омерзительным. В углу в огромном чане из обожженной глины в отваре из кенгуровых плевальных мешков вызревала кость. Дверь в кузню, плотно закрытая по случаю лютых холодов, тем не менее, то и дело открывалась, пропуская внутрь молчаливых Скавроновых подручных, тащивших охапки нарубленной кости, которую они отправляли в чан по мере его опорожнения. Подручные, в чаянии нешуточного вознаграждения, старались изо всех сил.

Время от времени Скаврон подходил к чану и, старательно отворачиваясь от ядовитых испарений, извлекал щипцами пластину кости, рассматривал, зажимая нос, чтобы не вдыхать лишнего, и либо бросал ее обратно в чан на дальнейшее вызревание, либо отправлял на накопальню под могучие удары молота Кувалды. Кувалда делал черновую, самую тяжелую предварительную обработку, уплотнял поковку кости, а потом перебрасывал ее кузнечным умельцам для чистовой обработки. Умельцы делали уже практически готовые, как их называл Люкс, "детали планера" по эскизам, которые Люкс же и нарисовал. Почти двое суток Люкс не отходил от стола, боясь заснуть и забыть пришедшую ему в голову идею планера – летающей машины, на которой, как он уверял своих новых друзей, можно будет спуститься с полюсов вниз, в долину, стартовав прямо с водопада.

Идея эта пришла Люксу в голову – вместе с лютой болью, как и положено – во время похода к обрыву, который друзья предприняли с разведывательными целями. Они хотели посмотреть, насколько замерзает Ахерон в районе водопада, и возможно ли там спуститься вниз в долину по льду.

Результаты похода были совершенно обескураживающими. Ледяная гора, в которую, как они надеялись, обращался водопад в холода, отсутствовала напрочь. Дело было то ли в скорости течения, то ли вмешивались еще какие-то привходящие факторы, но еще за много километров до водопада Ахерон был полностью свободен от ледяного покрова. Черная зеркальная абсолютно ровная поверхность воды казалась совершенно неподвижной, пока в ней не обнаружится какой-нибудь посторонний предмет, например, обломок льдины. Скорость, с какой этот предмет проносился мимо наблюдателей, мягко говоря, впечатляла.

В то же время, берега Ахерона, подходы к водопаду, вся земля и все скалы вокруг него были покрыты сплошной ледяной коркой. Даже приблизиться к разлому нечего было и мечтать.

– Да, – вздохнула Манон, – плохо дело. Придется идти через фраторию. А там надо еще найти надежного человека. К кому попало не подойдешь: ребята, мол, помогите смыться в долину, багамутовой костью платим.

– А если сделать планер? – вдруг сказал Люкс, но, увидев, что друзья уставились на него в полном недоумении, добавил, уже корчась от боли, привычно наваливающейся вместе с хорошей мыслью, – пошли назад. Есть идея.

В ратуше он из страницы, выдранный из пыточной учетной книги, соорудил бумажного голубя и перед глазами ошеломленных товарищей запустил его в воздух. Голубь мягко спланировал на пол.

– Если соорудить нечто подобное, но только, разумеется, соответствующих размеров, можно спланировать вниз. Я знаю конструкции таких аппаратов и умею ими управлять... кажется... Да нет, – добавил он, подумав, – в самом деле, умею. Каркас сделаем из кости, она легкая и прочная. А вот насчет того, чем каркас обтянуть – это я надеюсь на Вас, Манон. Найдется здесь в кладовых прочная ткань вроде парусины? Хорошо бы ее еще чем-нибудь пропитать для водостойкости и прочности.

Обращаясь к Манон, он, как всегда, смотрел в сторону и совершенно по-детски краснел. Хорошо хоть не заикался, а то поначалу случалось и такое.

Друзья смотрели на него во все глаза и молчали.

– Люкс, Вы и в самом деле полагаете, что это возможно? – спросила, наконец, Манон. – Ткань, это ерунда, что ткань, конечно, отыщем ткань. И рыбный клей для пропитки найдется, чтобы воду не пропускала. Вот так, как этот Ваш "голубь" и полетим? А опуститься на воду мы сумеем? Там внизу большое озеро, вокруг сплошной лес, так что садиться можно только на воду. Костей не соберем, если что.

– Сумеем, сумеем, не сомневайтесь. А если ткань не будет пропускать воду, я планер сделаю трансформером, чтобы внизу его можно было пересобирать в лодку. Все у нас получится. Только для старта надо будет выждать момент, когда ветер стихнет. Спустим планер на воду, Ахерон тут широченный, течение зверски быстрое, разгонимся и прямо с водопада уйдем в полет. Только вы, друзья, пока чертежей не кончу, мне спать не давайте. Боюсь. Вдруг забуду, что надо делать и как.

Пока Люкс проектировал планер и рисовал детали, которые предстояло изготовить из кости, Скаврон с помощниками занимался изготовлением оружия. Четыре палаша были уже практически готовы – с ювелирной точностью подобран вес сообразно физической силе будущего владельца, выверен баланс клинка, и теперь бывший оружейных дел мастер и златокузнец Нодь занимался выделкой рукоятей. Мастер был настоящий, не какой-нибудь самозванец. В прошлом Нодь был полноправный член гильдии, его богатство кое-кому настолько не давало спокойно спать, что в итоге мастер очутился тут, на полюсах.

Первый законченный клинок оказался оружием, предназначенным для Манон, и был он подлинным произведением искусства. Смотреть его сбежались все, и если бы не Скаврон, мужики уж точно пожгли бы себе руки – каждый, позабывши про кислоту, обязательно хотел вцепиться в палаш руками. Наорав на всех невзирая на лица, Скаврон разогнал друзей и помощников по рабочим местам, а клинок для, так сказать, завершения технологического процесса отправил в горн, где уже обретались даги, арбалетные болты, метательные ножи, наплечные защитные пластины для доспехов и всякие прочие походные необходимости. Что уж там делал огонь с костью, известно было разве что богам светлым и темным. Только после именно такого обжига становилась кость ослепительно белой с серебряным отливом, тогда же приобретала она и все свои удивительные свойства вроде сверхъестественной крепости и, как уверяла молва, способность противостоять даже ударам дьявольского оружия кромешников.

С того момента, как оказывались поковки в печи, не то что посторонним – всем вообще за исключением Скаврона с Нодем и близко к ним запрещалось подходить. Любопытствующим, когда таковые находились, Скаврон, косясь на насмешника Кувалду, объяснял сквозь зубы недовольно, что кузнечный бог Тор вложил в изготовленное огромной силы дурную мощь, снимать которую нужно умеючи и очень осторожно, чтобы не наделать в поселке бед.

Недоверчивая Манон, которой нестерпимо хотелось поскорее завладеть своим красавцем палашом, да и прочим доспехом – уж больно красивой она надеялась в нем выглядеть – кинулась за разъяснениями к Кувалде. Кувалда под свирепыми взглядами Скаврона и Нодя объяснял, что багамутная раскисленная и прокованная кость по неизвестной пока науке причине обретает способность поглощать силу огня... да и солнца тоже, добавил он, подумав, каковая сила, если ее в землю аккуратно не спустить, то наделать она может страшных дел, все равно как молния.

Наступательное вооружение – палаша, арбалетные болты, даги и все такое прочее поспевало значительно быстрее, чем вооружение оборонительное. Материал для чешуйчатых доспехов, который готовил все тот же Нодь из бывшего буерного паруса, запаздывал. Никто в кузне обрабатывать багамутную кожу не умел, а в самом мастере – не иначе как на доспехах для Манон – вдруг проснулся ювелир. Нодь уперся – по крайней мере, доспехи для Люкса должны

быть не хуже. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы среди ссыльных не нашелся еще один златокузнец. Придирчиво осмотрев его работу, Нодь с легким сердцем смог перевалить на него изготовление эфесов, ножен и вообще всяческую гравировку, качество которой для доспехов, по его словам, было еще ой-как важно!

Комплекты защитной одежды из кожи с багамутового брюха скроила, естественно, Манон. А вот расплющивание костяных бородавок так, чтобы они налезали друг на друга и не оставляли на теле ни одной незащищенной щелки, это уже была работа Нодя. Он же рыбным клеем склеил между собой отдельные полотнища выкроек и закрепил на них дополнительные нащепки из монолитной кости в местах, наиболее подверженных ударам вражеского оружия. Доспехи получились выше всяческих похвал.

Однако самой главной работой было, естественно, изготовление планера. Сборку каркаса, а потом и его обтяжку Люкс планировал проводить сам, но фактически вся эта работа легла на плечи Кувалды и Скаврона. Когда изнемогающий от усталости и бессонницы Люкс сунул, наконец, последние чертежи в руки Манон, он просто свалился со стула и заснул прежде, чем его голова стукнулась о доски пола.

Люкс был громаден и невероятно тяжел. Манон и не пыталась сама перетащить его на кровать. Спустившись в кузню, она позвала на помощь Кувалду. Вдвоем они перетащили Люкса в спальню адепта, и поскольку он, Люкс, не помещался на адептовой кровати, скинули постель на пол, стащили с Люкса одежду и принялись устраивать его прямо тут же, на полу. Однако уложить Люкса оказалось делом отнюдь не простым. Ноги его, не поместившиеся на постели, да еще и торчавшие из-под одеяла, выглядели, как ни странно, совершенно беззащитно и даже трогательно. Кувалда поглядел на Манон укоризненно, высказался в том смысле, что надо бы тут все обустроить как следует, видишь же – мерзнет... человек... и исчез, прихвативши последние чертежи.

Манон укутала ноги Люкса какими-то одежками и осторожно присела на краешек постели. Перед нею, беспомощно запрокинув голову, лежал самый... ну да, чего уж там, конечно же, самый красивый и могучий телом из всех виденных ею... вот только кто? Человек, как только что сказал Кувалда, или Бог, ипостась Бога, как упорно утверждает Скаврон?

Сон Люкса был беспокойным, дыхание трудным, воздух со свистом продирался сквозь плотно стиснутые зубы. Было ему, со всей очевидностью, очень больно, он метался и стонал. Манон подняла его голову, устроила ее у себя на коленях и стала поглаживать пальцами лоб, брови, виски. Люкс заворочался, завозился, устраиваясь поудобнее, уткнулся лицом в – ах! – самый низ ее живота и вдруг затих, расслабляясь.

Все рассказываемое Скавроном было удивительно, убедительно, но допускало, как выразился скептик Кувалда, и другие толкования. В конце концов, Люкс вполне мог оказаться человеком из таинственной страны Шамбалы, лежавшей, по преданию, за проклятым лесом и безжизненной пустыней Негов. У тамошнего народа, говорят, экстрасенс на экстрасенсе сидит и экстрасенсом погоняет. Или, возможно, он с какого-нибудь корабля из Внешних Миров. Даже для простонародья существование Внешних Миров давно не было такой уж страшной тайной, не говоря о пакаторах, студиозусах или людях благолепных профессий. А Манон – судя по всему – и по происхождению, и по положению была из самых, что ни на есть, наиболее благолепных. Да и исчезновение сердечного друга Генрика в свое время, как она полагала, без этих... иномирных... не обошлось. Это было не только ее мнение. Кувалда именно так и думал, он сам ей как-то об этом проговорился, размякнувши в постели душой и телом. К самой идее бога он, как и все студиозусы – естественники, относился скептически, а профессию и слушателей теологического факультета называл не иначе, чем "теолухи". Всем Люксовым сверхъестественным способностям он старался найти рациональное объяснение, но вот как можно было бы рационально объяснить рассказ Нодя? Нодь человек серьезный, зря трепаться не станет.

Нодь третий год обретался на полюсах и по здешним понятиям считался уже старожилом. Намерения Скаврона с товарищами уйти в побег не были для него тайной. Еще год назад он примкнул бы к ним, не задумываясь. Сейчас, оценивая свои силы трезво, он боялся стать для друзей лишь помехой и обузой, но вот помочь им в святом деле побега считал себя просто обязанным. Потому и примчался в ратушу по первому зову.

Столкнувшись в пыточной зале с Люксом, Нодь побледнел и судорожно обмахнулся накрест большим пальцем, хотя никогда раньше в особой религиозности замечен не был. Люкс, пребывавший в глубокой задумчивости, вежливо кивнул незнакомцу и вышел за дверь, а трио заговорщиков уставились на мастера с откровенным изумлением. Нодь подошел к ним неровной походкой – ноги вдруг перестали его слушаться – и почему-то шепотом стал расспрашивать, кто это такой есть, да откуда взялся, и все такое. А после сам принялся рассказывать, и от его рассказа, по крайней мере, у двоих присутствующих одновременно поехали крыши. Третий – Кувалда – только покрякивал в особо заковыристых местах рассказа, находя в нем подтверждение рассказам старого товарища, Скаврона. Диким. Несуразным. А главное – входившим в неразрешимое противоречие со всем, что составляло стержень его мировоззрения, с наукой.

Оказалось, что какое-то время тому назад, бывши по торговым делам во фраттории, Нодь умудрился впутаться в странную и таинственную историю. И к той истории их новый товарищ имел самое непосредственное отношение.

– Остановился я, как всегда, на подворье у кривого Молохая, – рассказывал Нодь. – Вот в харчевне при молохаевом странноприимном доме я его впервые и встретил.

– Кого? – обмер Скаврон.

– Спутника твоего, кого же еще? – удивился Нодь непонятливости собеседника.

– Ты что несешь? – Скаврон отмахивался руками, будто боясь услышать из чужих уст то, в чем ранее сам себя, да и других тоже, уверял с таким пылом. – Когда-когда? Во фраттории?

– То-то и оно!

– Может, ты просто обознался? Может, кто похожий?

– Ты на себя похож? Ну, вот и он тоже. Похожий... его можно с кем-нибудь спутать? И много ты видел таких, как он?

Нодь, как оказалось, пришел в харчевню странноприимного дома перекусить после повернувшейся перепродажи партии кости. Вот там-то Люкс и подсел к нему за столик. Слово за слово, они разговорились. Как выяснилось, Люкс появился во фраттории неведомо откуда, ничего о себе не знал и не помнил, и искал караван на юг. Оказался он человеком открытым, доверчивым и прямодушным, был, судя по всему, серьезно болен, и оттого Нодь ощутил настоятельную потребность ему хоть чем-нибудь помочь. Контрабандисты, с которыми Нодь вел свои костяные дела, назавтра собирались назад, в долину. Нодь общался с ними не в первый раз, и считал их – конечно с поправкой на профессию – людьми исключительно надежными. Решив, что и им в дороге не помешают лишние крепкие рабочие руки, он велел Люксу подождать его здесь, в харчевне, а сам отправился к своим конфиденстам для переговоров.

Выслушав его, контрабандисты с понимающим видом переглянулись между собой и высказались в таком смысле, что об этом человеке земля полнилась слухами еще в прошлый их приход, и что помогут они ему охотно. Насчет прошлого прихода Нодь сперва ничего не понял, но в подробности вдаваться не стал. Контрабандисты народ к излишней доверчивости не склонный, согласились помочь незнакомцу – и ладно, что еще надо? Вот только не успел Нодь их друг с другом свести. Когда он вернулся в харчевню, то застал там только похоронщиков, убиравших трупы людей в серых балахонах и засыпавших песком кровавые лужи.

Оказалось, что незадолго перед его приходом в обеденную залу ввалилась целая куча хватких мальчиков в одеяниях серых монахов, с которыми было и несколько кромешников. Мальчики эти, слова не говоря, набросились на Люкса и стали пытаться его повязать. Вот тут-

то Люкс и задал им работу, переломав об них все скамейки, а ими самими сокрушив чуть ли не все столы в харчевне.

– Свидетели этого небывалого дела говорили, что нипочем бы серым с вашим Люксом не справиться, если бы они не знали его слабого места! – продолжал Нодь возбужденно. – Есть у него, оказывается, такое слабое место, и вам, друзья мои, это надо знать и оберегать. Волосы его слабое место. Среди нападавших случился некий серый аббат. Собственно, он ими и командовал. Жуткий тип, говорят, с глазами убийцы. Так вот он прыгнул с галереи вашему Люксу на плечи. Сзади, со спины. А дальше никто и не понял, что произошло. Смотрят – стоит аббат со скальпом в руках, а сам Люкс валяется на полу мертвый.

– Мертвый?!

– Мертвей некуда.

Скаврон победительно покосился на дверь, в которую только что вышел живехонький Люкс.

– Ну, а дальше что?

Мертвое тело серые уволокли, а аббат, хмыкнул, плюнул прямо на пол, да и пошел себе ни на кого не глядя. И рожа у него была та-акая... Думаю, он хотел Люкса непременно взять живым.

– Что ж серые в харчевне никого не тронули? – удивилась Манон. – Они ж свидетели.

– А что им убивать, трудиться? Мы все для них так и так мертвецы. Но вот еще, дорогие мои, что я хочу вам сказать. Может, вы не слышали, есть такое предсказание о явлении на землю бога Света со своими оруженосцами в грозные времена темного засилья. Что значит, зачем? Для борения и окончательной победы светлых сил. Так вот, любому дураку видно, что грозные времена темного засилья уже наступили, что борьба эта уже идет. Получается, что Свет уже и раньше пытался войти в наш мир. И я еще скажу. Ты, Кувалда, можешь скалиться, сколько тебе угодно, но это судьба. Это она вас выбрала. Быть вам оруженосцами Люкса-Света, и рыцарями его. И как она, судьба, ловко так подгадала: чуть ли не от всего общества, так сказать... Манон – пакаторша, Скар, кузнец – человек труда, а ты, оглобля стоеросовая, студизус, человек мысли.

– Ну, ты даешь! – рассмеялся Кувалда, но в смехе его не было и следа от прежнего уверенного скептицизма. – А что же нет тогда среди нас аристократа, купца... моряка, в конце концов?

– Это ты даешь! Сам-то ты кто такой? Ты студизус, но ты же и моряк. Кто нам рассказывал, как болтался на купеческих корытах по Балатону, на учебу зарабатывал?

– Может, ты еще в рыцари Света дикого степного викинга определишь? А то, знаешь, в этой компании разбойника явно не хватает.

– Не я. Это Судьба. Судьба решает, кто ей нужен для окончательной победы и уничтожения тьмы.

– Окончательная победа над тьмой, – вздохнул Кувалда. – Эх, вы, мыслители! Свет и Тьма неразделимы. Не существуют они друг без друга. И есть между ними вечное единство и вечная же борьба. Сам подумай – как бы ты узнал, что есть свет, если бы не было тьмы? Но вот одно меня всегда удивляло. Серость. Ни свет она, ни тьма, всегда корыстна, всегда подла, а хорошо для нее только приносящее выгоду. Оттого и склоняется чаще всего на сторону Тьмы, что свет бескорыстен, и выгоду подлую втихую не обещает и не дает. Нет для серости ничего ненавистнее бескорыстного идеалиста. Убить не сможет – посадит на полюса. Не выйдет посадить – оклеветает, с грязью постарается смешать, пусть и без доказательств, а всячески обгадить и оболгать хоть бы голословно. Потому – как ты словами не блуди, а не заставишь идеалиста поверить, что хорошее – плохо, а плохое – хорошо. Не заставишь его признать, что все на свете продается и покупается, что быть стервой – самое оно для порядочной женщины, что публичное сквернословие есть высший шик, а беспорядочный крысиный свальный блуд

есть самое достойное времяпрепровождение. А уж гнусничать над людьми идеалист и сам не станет, и серому не позволит. Не волнуйся, друг, человек он, бог или отражение божие на земле, но в обиду мы его не дадим.

4

Планер был готов, стоял на берегу Ахерона, прикрепленный к вбитым в мерзлую землю кольям, и был он невероятно красив – большая белая птица с раскинутыми в стороны крыльями. Осталось только груз закрепить в его корпусе в указанных Люксом местах – небольшой запас еды и выдержанную в кислоте кость. Кость была заранее скована в плотные, удобные для транспортировки пластины и помещена в попарно связанные пакеты из рыбьей кожи – как известно, рыба кожа, если и не держит саму кислоту долго, то от ожога закисленной костью, пока совершенно не расплзлась, защищает вполне удовлетворительно. Однако беглецы так умотались к концу работы, что единогласно решили дать себе хотя бы небольшой отдых перед прыжком в неизвестность. Заколебавшемуся сначала Кувалде Манон со Скавроном, не стовариваясь, украдкой показали на Люкса – почерневшего, осунувшегося, и совершенно непонятно как державшегося на ногах. Да и самому Кувалде отдых был нужен не меньше, чем остальным.

К полету все было готово. Надо было только дождаться затишья, которое обычно бывает во время бури перед сменой направления ветра. Ждать оставалось недолго, по уверениям старжила Нодя, максимум сутки. Ветер уже начал весьма ощутимо стихать.

Люкс спал, как и повелось последнее время, пристроившись головой на коленях у Манон. Заснув, он всегда начинал стонать и метаться. Но стоило Манон положить его голову себе на колени и начать поглаживать пальцами его лоб, переносицу или виски, как стоны и метания волшебным образом прекращались. Люкс расслаблялся, затихал, и сон его становился если и не слишком глубоким, то много более спокойным.

Манон уговаривала Скара с Кувалдой тоже подремать, уверяя, что сама спать не хочет и охотно подежурит. Но сон ни к кому не шел, так что друзья просто отдыхали. Впрочем, назвать так состояние, в котором они пребывали, можно было лишь при очень вольной трактовке смысла слова "отдых". Хотя каждый старался это всячески скрыть, нервничали все, валиться вниз с обрыва Ахерона при всех заверениях Люкса в успехе все равно было жутко. Вот они и перекидывались незначущими и ненужными словами просто потому, что молчать было еще страшнее.

Кувалда участия в разговоре, пожалуй что, и не принимал. Конечно, он произносил какие-то слова, отвечал на вопросы, но, если бы собеседники попросили повторить только что заданный ему вопрос или даже его собственный ответ, он вряд ли сумел бы это сделать. Мысли его были заняты Манон. Манон и Люксом. Люкс был в Манон по уши влюблен, это было видно невооруженным глазом. Что касается Манон, то относилась она к Люксу с пугливым пиететом, чувство, которого он не скрывал – да и не пытался – ей льстило, и как-то странновато радовало. А вот было ли в ней чувство ответное – это вопрос.

Нет-нет, Кувалда ничуть не ревновал Манон к Люксу, хотя она ему, вообще-то, всегда нравилась. В прошлые студийные годы она была подруга Генрика и свой парень, так что прихлопнуться за ней ему тогда и в голову не приходило. Да и недостатка в подружках он никогда не испытывал. Потом была встреча на полюсах. Несмотря на то, что они с Манон быстро оказались в одной постели, Кувалда не питал относительно нее особых иллюзий. Их союз был направлен на побег. В случае удачи Манон надеялась отстоять свои пакаторские права. Появись она в родном замке Монпари живой и невредимой, никто из властимущих и пикнуть не посмел бы – на полюса Манон попала не по решению суда, официально она считалась загубленной Скавроном с разбойниками. С другой стороны, Манон, даже если бы очень захотела, не смогла бы доказать, что попала на полюса в результате злонамеренной интриги – чьей?.. вот то-то и оно! Кувалда же был именно сослан, сослан за длинный язык, а что общего могло быть там, внизу, у беглого преступника и почтенной пакаторши? Мысли были тяжкие, мысли были

грустные, а Манон, между тем, говорила, впрочем, без особой убедительности в голосе: "Мы тебя спрячем, правда, Скар?.." – обсуждали, оказывается, его, Кувалды, судьбу после побега.

– Нет, госпожа, – отвечал Скаврон, – я тебе в этом деле не помощник. Мне быть таким же бездомным изгоем, как и Кувалде.

– Но я же живая! Мы докажем, что ты не виноват.

– Это в твоём деле я не виноват. А ключник? А жена моя возлюбленная? В их-то деле я уж точно буду виноват. Ключник – он мой. И женушка моя нежная, любвеобильная, она тоже моя!

– Наши. Общие.

– Нет, госпожа. Твои руки должны быть чистые. Разве что полюбоваться можешь на ключникову смерть, и то издалека. Там будет много желающих упрятать тебя обратно не полюса. Верно, Кувалда?

– Что?.. А-а, да-да, это точно, им только дай повод, – рассеянно отозвался Кувалда.

– Ну, и куда ты после этого пойдешь? Что станешь делать?

– К лесным братьям, куда же еще? Другой дороги у меня нет.

Дверь грохнула с такой силой, что все подскочили на месте, а Манон едва не свалила на пол голову Люкса.

В комнату ворвался Нодь и завопил прямо с порога:

– Собирайтесь, быстро. Уходим. На окраине отряд серых и кромешников. Не вертухаи – зондера. Волки. Десятка два, но, может, я не всех видел. Командир – серый аббат, морду прячет, но, я думаю, это тот самый... Сцапали меня и сразу в зубы: где верзила? – верзила, это ты, Люкс – один верзила, или при нем люди?.. сколько людей?.. здешние или чужие?.. Я отговорился незнанием: никого не видел, и даже слыхом ни о каких верзилах не слышал. А аббат меня кулаком взашей, пойдешь, сукин сын, и разузнай. А то, говорит, шкуру обдеру. Этот обдерет. Убийца. Холодный такой. Вкрадчивый. И голос тихий. Оставаться мне теперь никак нельзя, так что я с вами, если возьмете. Все при доспехах? И то, слава богу.

– Как же это тебя влипнуть угораздило, Нодь? – всплеснула руками Манон.

– Очень просто. В поселке на улицу никто носа не кажет. Моя хибара с краю, вот кромешники меня первого и сгребли. Чего вы расселись? Живо, живо. Надо спешить... э, э, Кувалда, ты куда?..

Кувалда, схвативши со стола огромную бутылку спиртного, метнулся к лестнице на первый этаж.

– Трезвыми вертухаев зондерам сдавать никак нельзя! – проорал он на бегу. – И кость надо забрать.

Уже выскакивая за дверь, Манон вполголоса сказала Скаврону:

– А, может, черт с нею, с твоей женой? Пусть живет? Что ж себя из-за такой дряни губить? Лесные братья на этом свете долго не заживаются.

– Нет, госпожа. Я все равно, считай, что мертвый. Только мстью и жив. Выгорел я.

– Живее, живее, – отчаянно погонял Нодь. – Кувалда, зараза длинная, ты где?!

Однако, как выяснилось, они уже опоздали. Совсем не так прост оказался серый аббат, и Нодя он явно проследил. На первой ступеньке лестницы торчал поджарый, крепкий зондеркнехт, в руках сжимавший нечто вроде арбалета без лука, а слева шагах в трехстах от ратуши волчьей рысью бежала целая толпа зондеров. Следили, видимо, двое – один остался сторожить, второй позвал подмогу.

Поджарый вскинул свое оружие, но несколько мгновений колебаний – впереди шел Люкс, которого велено было, как видно, категорически брать живым – стояли ему жизни. Сзади щелкнула тетива, и он покатился с крыльца со стрелой в горле.

Слава богу, растолковывать Люксу ничего не пришлось, основное он и сам помнил – с памятью у него последнее время стало заметно лучше – а остальное, что не помнил, могло пока подождать.

– Манон и ты. Нодь, живенько помогать Кувалде с костью. Закрепите ее на планере, как я говорил, и ждите нас, – негромко скомандовал Люкс и, извлекая из ножен палаш, неторопливо зашагал навстречу набегавшим врагам. – Мы со Скармом пока с этими потолкуем.

Нодь, не говоря ни слова, развернулся и исчез за дверью. Манон медлила.

– Делай, что тебе говорят, женщина! – в корне пресекая возражения, рывкнул Скаврон, торопливо перезаряжавший арбалет.

Манон – тушите свет! – от такого обращения только и сумела изумленно пискнуть.

– Простите, госпожа, но не стойте Вы столбом, скорее за костью и к реке, – выкрикнул Скаврон и, справившись с арбалетом, во второй лук которого он вогнал теперь тоже разрывной болт, в два прыжка догнал Люка. Манон, раздираемая противоречивыми чувствами, беспомощно смотрела им вслед. В это время дверь ратуши с грохотом распахнулась, и на крыльцо вывалились Кувалда с Нодем, сгибающиеся под тяжестью огромных тюков. Кувалда бросил беглый взгляд на неторопливо шагавших Люкса и Скаврона, крикнул Манон: "Помоги Нодю" и, скользя ногами по льдистой дороге, помчался к реке. Нодь и Манон поспешили следом.

Увидев, что Люк и Скаврон неторопливо идут им навстречу посередине улицы, преследователи с бегу перешли на шаг и рассыпались полукругом по всей ее ширине – фланги вдоль домов постепенно выдвигались вперед, середина отставала. Те зондера, что были впереди, в руках держали такое же странное оружие, как и первая жертва Скаврона. В голове у Люкса проскочило совершенно дикое слово "игломет", а следом за волной боли, прокатившейся по позвоночнику, пришло неизвестно откуда понимание принципа его действия.

– Окружают, Люкс. В кольцо берут.

– Вижу. Опустит забрало, сейчас иглы ядовитые полетят.

От приотставшего ядра зондеркнехтов отделился один, о котором – уж точно – иначе, чем "громил", и сказать было нельзя. Ни ростом, ни прочими размерами он почти не уступал Кувалде, и даже, пожалуй, самому Люку. А уж уродлив был настолько, что от одного вида его богомерзкой рожи хотелось сплунуть. Вразвалочку, предельно нагло и даже не без вальяжности он двигался навстречу друзьям.

– Осторожнее, Люкс, у него чертов кнут. Может, стрелой шибануть?

– Не надо. Этого я возьму сам. Как сойдемся, стреляй по флангам, чтобы зондера к середине улицы шарахнулись. Сначала по дальнему, потом сюда, вправо.

Верзила – зондеркнехт остановился, широко расставив ноги. Из коротенькой палки, которой он все это время небрежно поигрывал, вылетела пара тонких, нестерпимо ярких почему-то зигзагообразно изломанных лучей, и там, где они коснулись земли, в стороны с треском полетели куски льда, обледенелой почвы, и взлетели вверх клубы пара. Люкс, не останавливаясь, но и не ускоряя шага, продолжал идти вперед. Зондеркнехт вскинул руку и движением, на самом деле похожим на удар кнута, хлестнул лучами по ногам Люкса.

Дальнейшее произошло так быстро, что Скаврон успел выпустить только одну стрелу, второй стрелять было уже не по кому. Лучи каким-то странным образом обвилились вокруг Люкса. Вся его фигура потеряла четкость, контур ее как бы размылся и задрожал, возникло и стремительно усилилось до нестерпимой яркости пульсирующее сияние, окруженный сиянием Люкс вскинул руку и... раздался оглушительный треск, будто бы рядом ударила молния. Впрочем, в каком-то смысле именно это и произошло. Сияние стремительным потоком со всего тела рванулось к его руке, стекая на вытянутый в направлении зондеркнехта палаш. С палаша сорвалось нечто, более всего напоминавшее шаровую молнию, зондеркнехт рассыпался мелкой черной пылью, слева грохнул взрыв разрывного болта и... все кончилось.

Остатки зондеркоманды стремительно удирали по улице, однако медлить было нельзя. Вдруг перед ними был лишь не в меру ретивый передовой отряд? Могли и от реки отрезать, и планер сжечь. В голове прыгали несвоевременные мысли о чудовищной силы накопителе

энергии, формулы какие-то лезли в голову. Жаль, конечно, но пришлось Люксу выкинуть их из головы. Надо было, спешить, и не о том следовало думать.

Через несколько минут Люкс со Скавроном были уже у планера, где их дожидались совсем измаявшиеся друзья.

– Что это там грохнуло? – нервно спросил Кувалда, но Люкс со Скавроном только отмахнулись, потом, мол, все потом.

Люкс быстренько прикинул, куда надо было посадить Нодя, чтобы не нарушить баланс летательной машины, и планер мог нормально лететь – сидеть ему весь полет теперь предстояло на коленях у Кувалды – и велел всем быстро занимать места.

– Э-эх, ветер сильноват-таки, – сказал Люкс, с сожалением качая головой. – Ну, да ладно, Где наша не пропадала! Справимся.

Справились, и в самом деле, за какие-нибудь десять – пятнадцать минут. Не без неприятных происшествий – планер зацепился левым крылом за ледяной торос у самой кромки воды – но справились. Планер отвалил от берега и, подхваченный стремительным течением Ахерона, заскользил к водопаду. Вот тут-то его пассажирам стало по-настоящему страшно.

– Друзья, – сказал Люкс добродушно, – вы бы... это... вы глаза закройте, что ли. А то ваш страх на меня давит прямо-таки мегатонно.

– Ага, разбежался, – заявила Манон, тем не менее, отчетливо лязгая зубами, – давит на него, видите ли, каким-то метоном. Перетерпишь. Можно подумать, мы тебе по пять раз на дню по воздуху летаем. Что же нам потом всю жизнь себя поедом грызть, что могли на землю с высоты птичьего полета смотреть, но струсили и глаза зажмурили? Похлебай нашего страху, раз своего не имеешь, метон несчастный.

Берега проносились мимо с умопомрачительной скоростью, становясь все выше и выше. Рев водопада стремительно нарастал, он уже даже не ревел, он грохотал, смешиваясь с собственным эхом прямо в человеческих головах, раздирая изнутри барабанные перепонки – до боли в ушах, до зубной боли. Мгновение, и планер ворвался в плотный колючий туман, где исчезло все, кроме этого вязкого грохота, колючий туман вдруг сменился снежной круговертью, все внутренности рванулись вверх, в горло, тело стало легким, как пушинка, потом вес снова навалился, вдавливая в сидение, вокруг крутились уже и снег, и град, и дождь, планер затрясло, как телегу на ухабах, грохот водопада куда-то исчез и... настала тишина.

– Мы летим?.. – почему-то шепотом спросила Манон. – Мы летим, да?

– Летим, – весело отозвался Люкс, никому, кроме Манон, почти невидимый в вязком сыром тумане.

– Но мы же ничего не видим, – сказала Манон с очень смешной и очень детской обидой в голосе.

– Оно и понятно, – отозвался Люкс, – снизу из долины поднимается воздух теплый и влажный, сверху опускается холодный и сухой.

Все завозились, задержались, заговорили разом, нервно, не слушая друг друга. Кувалда просил Нодя не вертеться и сидеть спокойно, потому что тот и так уже отсидел ему, Кувалде, все, что можно и нельзя, метон чертов, и что разбиваться он, Кувалда, хотел бы в более комфортных условиях. Нодя бормотал себе под нос, что он не летит, а сидит, причем крайне неудобно, что кресло из Кувалды никакое, что сам он метон, и что если уж падать, то скорее бы. Манон чуть не плакала, что из-за проклятой круговерти вокруг ничего не видит, и поверить в то, что летит, просто не в состоянии. И только Скавроном, чья вера в Люкса была абсолютно неколебима, предлагал всем успокоиться, не дергаться и полностью положиться на своего пилота.

– Спокойно, – говорил он друзьям с какой-то даже и снисходительной бодростью в голосе, – все будет тип-топ. Это мы ничего не видим, а Люкс все видит, и все идет хорошо. Верно, Люкс? Ведь, правда, ты все прекрасно видишь?

– Правда, хотя, вообще-то, это не зрение. Это что-то другое. У меня в голове вертится слово "радар", но напрягаться и вспоминать, что оно значит, я не хочу – голова разболится, только головной боли мне сейчас и не хватает для полного счастья.

Планер трясло и дергало уже не так сильно, как раньше, но Люкс, похоже, тоже начал нервничать. Во всяком случае, как казалось Манон, он то и дело поглядывал в сторону левого крыла, и даже, вроде бы, качал головой. Кроме того, от него исходило явное, и все усиливающееся беспокойство.

– Вот что, друзья, – сказал он, в очередной раз покосившись на левое крыло, – мы идем на посадку. Проверьте, хорошо ли все вы привязались. На озере волна, посадка будет жесткая. Сгруппируйтесь, как я вам говорил... нагнитесь, в общем.

– Ой-ой, смотрите, смотрите, – совсем по-детски завопила вдруг Манон, тыча пальцем вниз. Посмотреть было на что: планер выскочил из туч, и у воздухоплателей перехватило дух от открывшейся им потрясающей панорамы прекрасного озера, дальний край которого терялся в тумане, а ближний представлял собою огромный залив, глубоко вдававшийся в лесистый, золотой от осенней листвы берег.

Берег вдруг провалился куда-то вниз, перед глазами мелькнуло небо в туманных клочьях, потом снова вынырнул берег, но уже гораздо ближе – Люк разворачивал планер, заходя на посадку по ветру вдогон волны. Поверхность воды стремительно рванулась навстречу, зарыбила и всхолмилась волнами. "Сгруппируйтесь, я кому сказал!" – орал Люкс, друзья поспешно нагнулись, обхватывая колени руками. Снизу что-то с силой забухало в планер – раз, другой, третий, целая серия ударов, впрочем, постепенно слабевших и редевших. Планер било, мотало, качало, и после особенно заковыристого удара он замер в относительной неподвижности, качаясь на волнах, но прекратив, наконец-то, это свое сумасшедшее движение вперед.

Бывшие воздухоплатели распрямились и огляделись.

Осень.

Вокруг была прекрасная, пышная осень, и никакой зимы.

Зима осталась на полюсах.

Планер находился в заводи у самого устья неширокой протоки между островом и крутым берегом, сплошь заросшим огромными стволами древовидного папоротника. С наветренной стороны от озера заводь отделяла широкая песчаная коса. Каким образом Люксу удалось загнать планер в эту заводь, было совершенно непонятно. Во всяком случае, они, конечно же, не перескочили через косу. Горловина заводи была почти перекрыта зарослями камыша, в которых планер – ага! – и проделал широченный дугообразный проход. В заводи было довольно тихо, а по озеру ходили вполне приличные волны. Но ведь они сели! И вполне благополучно! Что ж, все эти экстравагантные предположения о сакральной сущности их нового товарища получили очередное убедительное подтверждение.

– Ну, Люкс, ну... я просто даже и не знаю... – Скаврон крутил головой в комическом восторге, совершенно позабывши о до сих пор так лелеемой невозмутимости и непоколебимой уверенности. – Такой путь! Так быстро! Самая тяжелая часть дороги позади. Мы в долине! В долине мы, вы это понимаете, обормоты, мы на воле!

Темняне с визгом и воплями набросились на Люкса, пытаясь свалить его с ног и вывалить в песок. Но даже для них четверых задача была непосильной.

– Да прекратите же вы, сумасшедшие, – в свою очередь орал и отбивался Люкс. – Кончайте безобразничать. За дело, друзья, за работу! Надо трансформировать планер в лодку. Да прекратите же, в самом деле.

Трудно сказать, что заставило друзей прекратить возню, укоризненные слова Люкса или полная невозможность не только его повалить, но даже просто сдвинуть с места. Шел мелкий дождь, дул довольно сильный ветер, но, по сравнению с полюсами, погода была просто райской.

Пусть каждого из беглецов переполняла радость, но – Люкс, безусловно, был прав – время для дуракаваляния было самое неподходящее.

– Кувалда, бери с собой Манон и Нодя, – торопил Люкс, – сходите-ка вы в лес, нарубите и притащите сюда стеблей хвоща. Мы со Скармом займемся трансформацией планера в лодку, а лодке нужен настил, чтобы обшивку не повредить ногами и вообще. Вот из хвоща настил и сплетем, хвощ гибкий. И листьев папоротника захватите. Мы из них попробуем соорудить навес от дождя, и на настил накидаем сверху. Для удобства.

То, что получилось в результате трансформации, по единодушному мнению всех четырех темнян, было похоже на что угодно, но только не на лодку. Черт знает, на что это было похоже. У созданного фантазией Люкса чуда-юда было целых три корпуса, жестко скрепленных друг с другом. Два крайних представляли собой поплавки из поставленных на ребра крыльев, а средний, собственно, и приспособленный для экипажа, был сооружен из несколько переделанного фюзеляжа. Парус тоже был какой-то несерьезный, но управляться с ним оказалось гораздо удобнее и легче, чем с обычными парусами. Кувалда мог судить об этом с полным знанием дела – в поисках средств на обучение в университете ему, как известно, приходилось хаживать по Балатону матросом на купеческих судах.

Больше всего времени заняла возня с поврежденным левым крылом. Но трудности с трансформацией ремонтными работами не ограничились. Основательно повозиться пришлось и с мачтой, и с парусом, а уж настил вообще довел друзей до белого каления. Работы продолжались до поздней ночи и захватили еще изрядную часть утра следующего дня.

Однако же, созданное ими плавательное средство было способно передвигаться по воде. И это было главное, поскольку обе бравших начало в озере реки с некоторой натяжкой можно было считать текущими на юг. Альтернативный сухопутный маршрут проходил бы через девственный лес по совершенному бездорожью, болотам и всяческому бурелому, и, без сомнения, был бы во много раз труднее, медленнее и опаснее.

Большая из рек, Рона, в паре сотен километров от озера круто сворачивала на запад и текла по территории Франконата, верховным повелителем которого был, как выражался Скаврон, "всемиловивейший Манонов сюзерен Франкон Луи девятнадцатый". Меньшая, Фуга, отклонялась к юго-востоку, входила в бассейн Рейна и текла по Бошскому Гегемонату. Вопрос был в одном, по какой из них плыть? А решение этого вопроса напрямую определялось ответом еще на один вопрос – кардинальный и основополагающий – что считать конечной целью путешествия. А цели у друзей, если и совпадали, то – по крайней мере, по видимости – не во всем и лишь частично. Люксу, как он полагал, были нужны знания, университет и, следовательно, Вупперталь, столица Гегемоната.

Манон хотела вернуть себе свой замок Монпари и другие владения. Теперь, когда она вырвалась с полюсов, шансы – и неплохие – у нее были.

Скаврона интересовала, прежде всего, месть. Дальше он не загадывал.

Для Нодя все произошло так неожиданно и стремительно, что он просто не имел времени задуматься о будущем.

Что касается Кувалды... Кувалда полагал для себя самым разумным пробраться в крупнейший во Франконате морской порт Марсалу и наняться на корабль, плывущий куда-нибудь в Бразил или Чину.

Впрочем, вопрос о маршруте разрешился сам собой, когда, никого ни о чем не спрашивая, Люкс направил суденышко, которое он называл странным именем "тримаран", в Рону, и сказал друзьям со смущенным выражением на лице:

– Ну, не бросим же мы Манон, правда? Ей одной Монпари не вернуть. Поможем, тогда уж и разбежимся каждый по своим делам. Так что плыть по Роне нам будет удобнее. По воде, если повезет, можем дойти до самого Арля, там раздобудем гиппов, и дальше пойдем верхами.

Судно скользило по темной воде с удивительной скоростью, и было оно, несмотря на свои три корпуса, очень вертким и легко управляемым. Кувалда, наблюдавший за тем, как Люкс играючи управляется с этой на первый взгляд нелепой конструкцией, вынужден был, пусть и скрепя сердце, признать, что всем известным ему кораблям и яхтам эта каракатица дала бы сто очков вперед.

Как бы в подтверждение этим его мыслям, Люкс вдруг заложил вираж такой крутизны, что был бы просто невозможен для любого темницкого судна. Скаврон, судорожно вцепившийся в первую же подвернувшуюся под руку деревягу, завопил в перепуге:

– Эй, эй, Люкс, ты что творишь, метон несчастный? Так и за борт вывалиться недолго!

– Извини, – Люкс сокрушенно покачал головой, – но там, под водой, коряга... Вот еще одна, что же делать? Поплавки распорем, здесь уж и не починишь. И вообще, сам ты такое слово. Что это еще за метон?

– Ну, ты даешь, – удивился Скаврон. – Сам говорит, а сам спрашивает!

Никаких коряг сверху не было видно, но в том, что они под водой имелись, сомнений ни у кого не было. За время не столь уж и давнего знакомства удивляться чему бы то ни было в отношении Люкса друзья давно отучились.

– Кувалда, друг мой, – Нодь, поглядывая на Люкса с осторожностью, понизил голос чуть ли не до шепота, – я хочу тебя спросить об этих самых знаниях, про которые вы с Люксом все время говорите. Зачем ему переться к черту на рога в сам Вупперталь? Стоит ему там объявиться, его тут же и схватят! Библиотека, книги... Ты – студиозус, университет превзошел от и до, и пока что не было ни одного вопроса, на который ты бы не нашел ответа. Почему ты не можешь ему помочь? Почему он все время говорит о библиотеке? Что там такого в ней особенного? Он что же, собрался там искать записи про себя самого? Но если в книгах что-нибудь о нем написано, почему ты этого не знаешь? Все это как-то странно.

Кувалда сидел хмурый, упершись взглядом в стеклистые, даже на вид холодные речные струи за кормой.

– Что ж ты молчишь, – толкнул его Нодь локтем в бок, – скажи что-нибудь?

– Всех книг не читали даже библиотечные хранители. Да и, вообще, библиотека место не простое. Слухи ходят всякие. Поговаривают о тайных хранилищах, тайных подземных ходах-трабулах, таинственных подземельях и все такое. Рассказывают, что один студиозус из водосборной башни по пьяному делу умудрился по странной каменной внутрстенной трабуле угондуть в подземный... дворец, не дворец... вот только ноги он оттуда еле сумел унести... правда, потом все равно утонул в водосборной башне. А как туда попал, этого никто понять не может. Вообще, слухов и рассказней про библиотеку гуляет жуткое количество. Думаю, далеко не все тут просто ля-ля и всяческая репа за пазухой, дыма без огня не бывает. Так что совсем меня не удивляет, что Люкс туда стремится.

– Не знаю, как об нем думать, – сокрушенно сообщил Нодь Кувалде. – Бог он, или просто такой светлый человек, но это же ведь просто дитя малое. Добрый, доверчивый. Ласковый, что твой жеребенок. Его любая сволочь вокруг пальца обведет, одурачит и предаст. А если у него и на самом деле миссия? Что тогда? Не окажемся ли мы сами последние сволочи и подонки? Нельзя его отпускать одного, пропадет, а?.. как думаешь?..

– Так и думаю, – хмуро сказал Кувалда. – Ладно. Давай Манон поможем, а там видно будет.

– Что будет видно? Что видно? – рассердился Нодь. – Я понимаю, у Манон со Скавроном важное дело: восстановление справедливости, месть, то, се. А у нас-то с тобой что? Мы люди вольные, легкие, от обязательств свободные. Нет, ты как знаешь, а я Люкса не брошу. Я пойду с ним.

– Это ты свободен от обязательств, – в свою очередь рассердился Кувалда. – А я поклялся, что буду рядом с Манон, пока ей нужен. Что буду ее защищать и заслонять собой.

Что не успокоюсь, пока не станет она снова полноправной хозяйкой в Монпари. Так что стою я сейчас враскорячку, поскольку считаю, что нужен обоим. Слава богу, Люкс сам предложил сначала ей помочь. Снял с моей души камень... по крайней мере, на какое-то время.

Собеседники умолкли.

Люкс твердой рукой направлял тримаран вдоль крутого правого берега, заросшего по самую воду непролазной зелено-коричневой путанкой хвощей. Между ним и Кувалдой с Нодем на дне у самой мачты, устроившись спиной друг к другу, посапывали во сне Манон и Скар. Снова зарядил мелкий дождик, которому теперь – ох, уж это человеческое непостоянство! – беглецы уже вовсе не радовались.

– Вот я еще что думаю, – еле слышно пробормотал Нодь себе под нос, так что Кувалда скорее угадал, чем расслышал произносимое, – надо бы нам для верности клятвой себя связать.

5

Генрик поднялся к себе в аквариум и первым делом высветил на компьютере данные по объекту номер два. Ну, вот и все, финита ля рекламшоу. Компьютер зафиксировал факт передачи Аны-Сурии Гольденцвиксу. Акт был скреплен личными электронными подписями Ответственного секретаря сэра Флая – куратора Проекта, самого Генрика – исполнителя работы и сэра Гольденцвикса – лица, принимающего объект для проведения заключительного этапа операции "Троянский конь". С момента "актуализации" этого документа утверждающей подписью сэра Советника от информации сэр Гольденцвикс становился "персоной, полностью отвечающей за сохранность и правильное функционирование вышеозначенного объекта номер два", как с удовлетворением заметил этот зануда Флай. Утверждающая подпись сэра Советника на документе "наличествовала". Поскольку буквально за несколько часов до "изъятия" Генрик тайно ввел в фант маньячки программу самоуничтожения, он мог считать себя благополучно выскочившим хотя бы из этой ловушки. Ну, а чтобы выскочить из зоны ответственности за будущий провал, к акту была приложена памятная записка для лица, в распоряжение которого передавался объект номер два – шедевр казуистики и предмет тайной гордости Генрика. В записке описывалось начавшееся стремительное изменение всех параметров модели и наметившееся резкое повышение соответствия модели оригиналу, предлагалось этот процесс всячески поддерживать, культивировать и направлять, а также выражалась готовность оказывать уважаемому сэру Гольденцвиксу в этом деле всяческое содействие в виде консультаций, а также и всего, что может потребоваться впредь. Ну, а если уж уважаемый сэр Гольденцвикс за помощью не обратится... он даже и дочитать записку до конца не сумеет, а дочитает, так не поймет... да... так вот, сам он, дурак, и виноват.

Генрик включил громкоговорящую связь.

– Всем направленцам, связанным с объектом номер один. Последние данные телеметрии модели получены?

Направленцы наперебой поспешили дать утвердительный ответ.

– Когда будут готовы результаты? Я хочу знать обо всех изменениях в фанте и клонбоди четвертой модели к моменту последнего сеанса связи с объектом.

Сотрудники пообещали передать результаты расчетов в течение ближайших двух – трех часов, а кое у кого – в частности, у первого аналитического отдела – обработка результатов была уже завершена, и отчет представлен в аквариумный компьютер в готовом к анализу виде. Карл есть Карл.

Из головы Генрика никак не желала выветриться эта сладкая парочка – Графенбергер со старым другом Лисом, который теперь уже вовсе и не старый друг Лис, а аббат серого ордена Изегрим. Вот какие метаморфозы могут с людьми произойти за каких-нибудь три года. А он, Генрик, еще поедом себя ел за неэтичность по отношению к друзьям. Что бы ни произошло, – ярился он... Впрочем, не без вполне осознаваемой доли фальши... – но старого друга Кувалду я в беде не оставил бы, это абсолютно точно.

Переглянулись между собой два проходимца очень многозначительно. Вполне может быть, конечно, что в нем говорила неприязнь, но Генрик был готов побиться об заклад, что они затевали нечто предосудительное и, уж во всяком случае, планами его темной светлости не предусмотренное. Да и поспешность, с которой Графенбергер выделил Лису-Изегриму флаттер – личный! – наводила на размышления. Нет-нет, дело было нечисто, хорошо хоть, что напрямую его, Генрика, это не касалось.

День оказался совершенно сумасшедшим. Безумным оказался день, даже если рассматривать его на фоне... ай, да если честно, то возникает все тот же один-единственный вопрос – стоило ли выдираться из кожи вон, стоило ли карабкаться наверх, чтобы заполнить такую

жизнь? По трупам карабкаться, буквально по трупам... а что?.. разве не на нем труп конкурента-аналитика и два потенциальных трупа силовиков?

Генрик поймал себя на этой мысли и чуть не расхохотался. С чего бы это он вдруг стал корить себя именно за этого жмурика, будто бы не было на его совести других? Впрочем, понятно было, в общем-то, почему. Всех других он убивал собственноручно. Пусть даже и не всегда в честном поединке палаш против палаша, пусть и по найму, пусть и из-за угла, но – сам! Не прибегал он раньше к презренному интриганству.

Меняются обстоятельства, заставляя нас менять методы, – думал он. – Мы меняем методы, методы меняют нас. Чем выше он поднимался по служебной лестнице, чем масштабнее становились решаемые задачи, тем меньше у него оставалось времени на собственно творческую работу, и тем больше становилась его зависимость от сотрудников, на которых невольно приходилось ее перекладывать. Талантливых, энергичных и инициативных сотрудников... А они тоже очень хотели залезть наверх, вот в чем фишка-то, уважаемые сэры. При том методе смены руководящих кадров, который повсеместно практиковался в Империи – так называемой "ротации" – расслабляться, пускать дело на самотек, было чревато. Так и судьбу Грота запросто можно было повторить.

Между тем, работа со второй моделью снабдила его опытом, всю ценность которого переоценить, а, тем более, наплевать на который и забыть, было просто невозможно. Наоборот, этот опыт следовало всесторонне обдумать, обобщить и распространить на все сферы лабораторной жизни и – прежде всего! – на управление.

Ведущие сотрудники лаборатории должны находиться под его неусыпным вниманием и контролем, и если для этого понадобится собственная сеть сексотов – он ее создаст, черт побери. Потенциальных конкурентов и соперников он обязан выявлять на самой ранней стадии, задолго до того, как им самим мысль о соперничестве впервые придет в голову. К этому моменту они должны стать полностью от него зависимыми, находиться в его руках до такой степени, чтобы их можно было сокрушить одним движением мизинца левой ноги. Он должен стать для них старшим другом, отцом, покровителем и конфидентом большим, чем родимая старая добрая бабушка. Первый кандидат в такие "друзья" у него уже имеется, это как раз Карл, на которого уже изволил обратить благосклонное внимание сам его темная светлость.

Вообще-то, Генрик не случайно применил именно метод "игры на доверие" к Ане-Сурие. Он интуитивно всегда понимал ценность такого рода отношений с ключевыми игроками в покере жизни. Карл тоже не исключение, он уже и сейчас смотрит Генрику в рот. Что очень хорошо на перспективу. Впрочем, по отношению к Ане-Сурие этот метод нельзя было считать вполне удачно сработавшим. Заигрался он, Генрик, с нею так, что теперь уже и не поймешь, чьи интересы в том, что он делал, в конечном счете, превалировали, его или, все-таки, ее. Подспудно она воспринималась им как человек, как личность. Да она и была, строго говоря, очень яркой и сильной личностью, пусть и в отложенном фантоме.

Внизу в большом зале, между тем, обозначилась унылая фигура Карла. Карл понуро болтался под аквариумом, явно желая, но не решаясь привлечь к себе внимание шефа. Поскольку с какой-нибудь ерундой он никогда не решился бы обеспокоить высокое начальство, Генрик передал ему на коммуникатор приглашение подняться наверх.

Генрик смотрел в его унылую постную рожу, а Карл мялся, вздыхал и упорно не желал смотреть в глаза, и на сердитое начальственное: "Ну?" озадачил Генрика абсолютно идиотским заявлением.

- Не понимаю! – простонал он, с отчаянием мотая головой из стороны в сторону.
- Чего?
- Законов природы.
- Как?! – поразился Генрик, даже поперхнувшись от неожиданности.
- Ну, вот, законы природы, законы природы... а что это – законы природы?

Генрик озадаченно молчал.

– Почему они действуют? – агрессивно пояснил Карл. – Не как действуют, это-то законы, как раз, и описывают, а именно почему? Что заставляет всякие там события или, скажем, явления протекать определенным образом и всегда одинаково? Поневоле задумаешься о какой-то высшей силе, которая диктует. Обо всем повелевающим боге задумываешься. Бог велел, вот они и соблюдают. Говорят, что люди науки, если они не только могут логически рассуждать по готовой схеме, а еще и умеют мыслить, обязательно являются атеистами, так что же я, и в самом деле, дурак какой-нибудь? А у Кулакоффа, мне рассказывали, даже есть такое присловье: лишних гипотез не изобретай... сволочь.

– Лишних сущностей, – машинально поправил его Генрик, – и это не Кулакофф, это...

– Сущностей, – согласился Карл. – В нашем случае это одно и то же. И какая разница, кто это первым сказал? Я лично услышал это от... была у нас в университете такая легендарная личность, звали его Кувалда.

– Как?! – чуть ли не взвыл Генрик.

– Кувалда. Прекрасный парень из вечных студизусов, но не бездельник, просто кончал второй факультет, медицинский. Я всегда привык, что человек бывает если уж большой и сильный, то дурак, а если умный, то хилак. А этот огромный такой, и все равно умный, как я не знаю кто, зззараза! Так вот он говорил, что для объяснения картины мироустройства бог и есть как раз та самая лишняя гипотеза, и что без нее все прекрасно можно объяснить. А вот хренушки! Нужен пример? Пожалуйста. Все знают, что существует закон больших чисел и всякая разная там вероятность и статистика. Придете Вы, к примеру, в казино, возьмете кости и усядетесь их кидать...

Карл умолк на полуслове и уставился куда-то в угол аквариума.

– Ну, и что? – тупо спросил совершенно сбитый с толку Генрик. Мало того, что этот идиот огорошил Генрика Кувалдой... как кувалдой по голове, право слово... Он еще и нес ахинею, которая – как интуитивисту, Генрику было это совершенно ясно – не так уж и интересовала любезного Карлушу. Во всяком случае, тут было еще что-то, гораздо более глубинное и доминантное.

– Извольте ли видеть, вероятность выпадения каждой грани игральной кости совершенно одинакова! И почему бы это вдруг? – снова агрессивно заговорил Карл. – Почему не выпадает, скажем, только двойка? Или только шестерка? Почему?

– А с какой стати? У костей все грани равноценны. Чтобы такое могло случиться, грани должны иметь различную природу и по-разному взаимодействовать с окружающим пространством. А они одинаковые и нейтральные. С какой такой радости твоей двойке чаще выпадать? Вот если противоположная грань будет магнитная, а стол железный – тогда другое дело. И кончай молоть языком и морочить мне голову. Переходи-ка ты, друг любезный, к делу, ради которого изволил ко мне припереться. Кой черт тебе в этих законах природы? Ты же совсем не ради законов природы пришел. У тебя ко мне нечто вполне реальное, и прекрати крутиться вокруг да около.

Генрик внимательно посмотрел на Карла и ухмыльнулся во весь рот. Однако разошедшийся Карл не сумел вовремя остановиться.

– Что же это такое получается? Если я верю в бога, значит, я кретин получаюсь, по-вашему?

– Кончай базарить, я тебе сказал. Конечно, кретин, но не потому, что веришь, а потому, что забываешь – я интуитивист! У тебя ко мне очень важный и, пожалуй, опасный разговор. Даже два разговора. Ты уж хотя бы решил для себя, готов ли ты к беседе со мной на эти твои опасные темы, или нет?

– Вы правы. Да. Конечно. Это – да. Но Вы не правы... то есть... вы же думаете, что я сейчас трушу и Вас боюсь. А я не Вас боюсь, а боюсь Вас... подставить боюсь, одним словом.

Я имею в виду... ну... в общем-то, про Изегрима с Графенбергером. А что касается личного поручения его светлости, если бы он не предупредил меня, что вырвет язык, я бы вообще и не подумал бы про что-то тут не так.

– Что-что такое с Изегримом и Графенбергером? – насторожился Генрик. – Выкладывай. Главное, чтобы никто не знал, кроме нас с тобой, тогда и опасности никакой не будет. А мы вместе подумаем.

– Я тут невольно подслушал... – Карл покраснел, – ну, может быть, не вполне невольно, но я такое узнал! Вы думаете, Изегрим вылетел на полюса, чтобы там, как он говорил, все подготовить для Фетменовой ужасной этой великанши? Как бы ни так. Великанша, мы же с Вами оба это знаем еще с первого совещания, изегримову группу захвата ни в грош не ставит, да и аббата самого тоже. Она согласна пойти на дело только со своими людьми, а их раскидали по всему Гегемонату, их еще надо сюда вытащить и вместе собрать. Вот Графенбергер с Изегримом и сговорились схватить объект сами, не дожидаясь, пока великанша соберет своих биопов и прилетит в Ахерон. Графенбергер сказал – победителей, не судят. А если объект возьмет Фетменова баба, для них это полный абзац и конец карьере. Графенбергер так и выразился – полный абзац для будущего и сплошное сослагательное наклонение для карьеры, сплошное, извините, "ах, если бы...". Вот я теперь и не знаю, что мне с этими знаниями делать?

Генрик помолчал, переваривая информацию. Графенбергер пошел ва-банк, что с его точки зрения кажется совсем не таким уж и глупым, он же не понимает, с кем его подчиненным предстоит иметь дело. Да и Лис вряд ли понимает. Вряд ли он осознает, насколько четвертая модель мощнее третьей. Правда, и брать ее они собираются на полюсах, а не в долине. Допустим, они сделают так...

Минуту-другую Генрик наскоро просчитал варианты, потом повернулся всем телом к Карлу.

– Давай посмотрим варианты. Допустим, ты идешь и рассказываешь все, что слышал Советнику. – Карл в ужасе замахал лапками. – Отпадает?... правильно, пошли дальше. Допустим, это сделаю я. Хозяин спросит меня, откуда я это узнал... что я должен буду ему сказать? – Карл окончательно сник. – Понятно, это тоже отпадает. Что же остается? Побеседовать с ОС или ВБ? И секретарю, и Безопасности на наши игры плевать, кто возьмет объект им до фени, до факела. И, пока не сказано "ату его!", диареили они на полигонные дела. С другой стороны, вообще промолчать – значит проявить нелояльность к Хозяину. У Изегрима с его балбесами неизмеримо больше шансов провалить операцию, чем у биопши. Но кто сказал, что они провалят, или не провалит она? Доложить об их замысле – предотвратить провал операции? Так он, может, будет, а, может, и нет. Но! Вот уж для тебя совершенно точно это значит поставить крест на своем будущем. Графенбергер с Изегримом, как пить дать, отопрутся. Сведения твои, во-первых, недоказуемы, во-вторых, добыты самым предосудительным путем. Выглядеть будешь не просто дурак-дураком, а кое-кем похуже. Учти, никто ушастых не любит: сегодня ты подслушал теологов, а завтра кого? А теологи обязательно найдут способ отыгаться на шустике, что сорвал им последний шанс. Дальше. Допустим, ты промолчал, и провал состоялся. Тебя совесть замучает? Или как? Конечно, будь ты интуитивист в полной силе, мог бы сказать тому же Ответственному секретарю, что проинтуичил мерзавцев... чего обрадовался-то?... чего уставился на мои контакторы?... или ты хочешь меня в это дело втравить, а потом надеешься шантажировать?... да не пугайся так, шучу.

Бледный Карл достал трясущейся рукой платок из кармана и вытер потный лоб.

– Шутки у Вас, шеф...

– Ладно, считай, что ты меня уговорил. Ответственного секретаря и ВБ я возьму на себя. Скажу, что проинтуичил, находясь в это время в онлайн контакте с твоим фантомом, и поэтому ты тоже можешь мои слова подтвердить. У тебя есть сейчас действующий фантом?

– Семидневный...

– Вот и превосходно. Кого из своих отделских сексотов знаешь наверняка?.. Ага, ну так вот сейчас пойдешь и на их глазах разыграешь шоу, да так, чтобы любой телетаксерный шоумен от зависти удавился.

– Какое шоу? – пролепетал совершенно сбитый с толку Карл. – Не понял.

– Ну, ты и тупица! Ты примешь в себя свой фант из семидневного фантома – непременно через большой лабораторный ментошлем, и непременно на глазах у сексотов. Почему через ментошлем, а не через контакторы? Все очень просто, ты через контакторы пока не умеешь.

– Вы забыли, шеф! Еще на прошлой неделе я... а-а... ага, ага, понял.

– Как только примешь фант, тут же схватишься за голову и опрометью помчишься ко мне. Да, смотри только не забудь сначала уничтожить своего фантома и его управляющий фант в компьютере. Это ка-те-го-ри-чес-кое условие! Сексоты обязательно влезут в твой компьютер, чтобы поглядеть, с чего это ты так всполошился. И не надейся, что твой пароль является для них тайной.

– А что я скажу ВБ? Он же спрашивать начнет?

– Черт тебя возьми! Скажешь, что сам не понимаешь, почему, но у тебя вдруг появилась железная уверенность, что Графенбергер с Изегримом на твоих глазах сговорились провести операцию по захвату модели, не дожидаясь капитан-биопши. И – такой ужас! – интересы у них самые шкурные.

– Ага... ага... сам не понял, с чего бы это я вдруг решил... вот к Вам и побежал, чтобы разобраться... фантом-то с Вами был в контакте, так что Вы уже, наверное, в курсе, вот и я сразу к Вам. Логично, логично.

– Чеси живее пятками, логик. Впрочем, стой. Что там у тебя за второе дело?

– Ах, да. Его светлость поручил мне под строжайшей тайной провести расчеты очень странные. А у меня там получается сущая белиберда. Бред какой-то.

– Что за расчеты?

– Что будет с фантом человека, просуществовавшим в фантоме год и более.

– Но это известно. Уже через сорок дней человеку будет кердык.

– Речь идет не о человеке, а о фантоме.

– Странная постановка задачи. Кому интересен такой фантом? Впрочем... так-так-так... и что у тебя вышло?

– Я же говорю – белиберда и бред. Я и так считал, и эдак, все равно ничего не получается. Какой-то бессмысленный набор формул, который просто не укладывается в концепцию фанта, как записи состояния человеческой личности.

– Не укладывается в концепцию, говоришь? – Генрик с предельным напряжением своих способностей интуитивиста начал встраиваться в эмоциональную сферу собеседника... Нет, он и в самом деле не понимал всего значения сделанного открытия. И наталкивать его на это понимание не следовало, а если и следовало, то очень осторожно. Генрик принялся с преувеличенным вниманием копаться в ящике своего стола и, как бы между делом, самым небрежным тоном спросил:

– От меня-то ты чего хочешь?

– Может, я перекину свои выкладки к Вам на компьютер, а Вы посмотрите?

– Ну, ты и балбес! – делано удивился Генрик. – А если Советник тебе специально подсунил неразрешимую задачу для проверки на вшивость? Если он смотрит, может ли тебе доверять? Он же тебе сказал – протреплешься, язык вырву. ВБ, небось, уже постарался, и твой комп жучками обвешен, как бубонная крыса блохами. Засчет твоих художества, что тогда? Просто скажи хозяину, что в рамках сегодняшней науки задача, по твоему мнению, не имеет решения... что, собственно, из твоих слов и следует.

– Замечательная мысль, шеф! – с энтузиазмом завопил Карл.

– Но сначала проделай все со своим фантом, понял? Все, как договорились! Смотри только, стереть не забудь. А то ты у меня и верный, и порядочный, и очень умный парень, но дура-ак! Каких мало.

Когда обрадованный Карл убежал скрупулезно выполнять предназначения начальства, которое – какое счастье! – являлось при этом ему еще и лучшим другом и покровителем, Генрик, изнасиловав себя, уселся за отчетную документацию по второму объекту. Дело это было на редкость мерзкое, гнусное, тупое и совершенно ненужное по сути, но совершенно необходимое с административной точки зрения. Документальная отчетность существует сама по себе, ничему не помогает, а только мешает, и искусство любого руководителя – особенно научного – в том и заключается, чтобы составлять официальные технические задания и всякие прочие планы, подлежащие начальственному контролю, таким образом, чтобы они не мешали работать. И жить! Чтобы господам чинушам, которые в сути дела не понимают ни бельмеса, но желают непременно руководить и контролировать, можно было всегда выдать все необходимые отчетные документы вне зависимости от результатов. Работа идет сама по себе, отчетная документация сама по себе. А что она документация отнимает черт знает сколько времени у дела... оставалось утешаться той самой наипошлейшей мыслью, что не ты первый, не ты и последний, раз уж таковы имперские порядки. При полном, безраздельном и абсолютно неподконтрольном здравому смыслу засильи чиновничества разве могло быть иначе? В конце концов, человек, если только он не хочет всю жизнь проходить с грязным пузом, должен выглядеть таким, каким хочет его видеть окружающее общество... точнее, начальство.

6

Конечно, знать в деталях положение на Трассе Генрику не полагалось, но плохим бы он был научным руководителем Проекта, если бы не отслеживал, насколько возможно, тамошние дела. Бывший Лис, а ныне Изегрим умотал на полюса. Вопрос, почему это вдруг объект свернул с дороги и ускорился, как будто бы не существовал в природе... во всяком случае, Генрика ни о чем подобном никто не спрашивал. Вокруг царила сплошная тишина да благодать, и – ежу понятно – чем дольше они тут царили, тем громче будет "бэмс", когда грянет гром-с.

После того, как усилиями Генрика связь с телеметрическими датчиками клонфилтра была восстановлена, информации о состоянии объекта, увы, не добавилось. Магнитная буря на полюсах продолжала бушевать с прежней силой. Аппаратура ловила сигналы, по словам специалистов ЦПТМ, в совершенно неудобоваримом виде, и последние даже, вообще, не с полюсов. Никакие программы для их обработки положительных результатов не давали. Кое-кто в ЦПТМ высказывал совершенно крамольные и на редкость идиотские мысли: сигналы, мол, вообще не сигналы, и источник их совсем не объект. Графенбергер, после стандартной операции по раздаче слонов и пресловутых "оргвыводов" в адрес верхушки ЦПТМ и всяческих "сомневантов", даже не скрывал садистского наслаждения, веля передать все застрявшие в ЦПТМ записи "этому умнику из лаборатории, а то у него еще все зубы целые".

Генрик направил копии переданных ему сигналов в оба аналитических отдела и получил, как и следовало ожидать, два диаметрально противоположных результата.

Второй аналитический из трех допускающих расшифровку сигналов отбросил все, кроме последнего, третьего как "слишком короткие, чтобы нести осмысленную информацию в виде абортированных файлов типа новообразований сознания". Третий же сигнал, по отдельному мнению, ни в коем случае не являлся продуктом вмешательства клонфилтра в развивающуюся психику объекта, а представлял собою ни что иное, как приборное эхо от разрыва бластерной энергетической корпускулы... Что касается вопроса, откуда на полюсах вдруг объявиться бластеру при полном запрещении на планете высокоэнергетического оружия, аналитики, истекшая ядом самых тонких улыбок, на какие только оказались способны, высказывались в том смысле, что в таком случае на полюсах в славном городе Ахероне посреди зимы, выюги и магнитной бури случился зверской силы разряд молнии, причем непременно шаровой.

Зато первый аналитический отдел отбросил "за полнейшей смысловой неинформативностью" именно третий сигнал, а вот из двух других сделал весьма далеко идущие выводы.

Карл Виддер со всей присущей ему скрупулезностью обработал оба "осмысленных" сигнала, сумевших пробиться сквозь все помехи магнитной бури, по его словам, в более или менее "пристойном" виде. Эти сигналы были настолько засорены помехами и так коротки, что и специалисты ЦПТМ тоже сочли их испорченными фрагментами не прошедших полностью больших передач. Зато чертов Карлуша, обладавший сверхъестественным чутьем на необычное, уловил в этих сигналах некую завершенность, что делало их совершенно не похожими на невнятные обрывки.

Основательно повозившись, Виддер сумел расшифровать сигналы, по какому случаю незамедлительно впал в ступор. Выйдя из него, он с паническим визгом кинулся к Генрику.

Генрик только что вернулся с очередной встречи с Замом по режиму и Внутренней Безопасностью, которых он с упорством маньяка терроризировал своими садистскими прозрениями по поводу намерений мерзавца Изегрима вкупе с сэром генералом серого ордена. Оба деятеля не знали, на что решиться, как реагировать и реагировать ли вообще, пребывая по этому случаю в состоянии перманентного стресса, каковое состояние Генрик в них старательно и культивировал.

Карлуша Виддер, называемый Генриком – и не только про себя – исключительно "юным дарованием", ворвался в аквариум с жалобным блеянием.

Разобравшись в существе дела, Генрик со всей возможной унылостью вынужден был констатировать тот прискорбный факт, что основания для паники у подопечного "юного дарования" были, так сказать, самые основательные.

Результаты расчетов параметров, переданных базисными системами клонфилтра, со всей очевидностью показывали, что объект номер один находился в состоянии торможения, то есть попросту спал. Те же расчеты утверждали, что аналитические системы клонфилтра воспринимают это состояние всего лишь как пограничное с бодрствованием. Карлу это противоречие казалось абсолютно неразрешимым. Он делал отсюда вывод, что клонфилтр сломался, и в то же время неким непостижимым образом продолжал отслеживать состояние клона.

– Что-что-что такое с клонфилтром? – блеял он, глядя на шефа белыми от ужаса глазами и ожидая от него немедленных счастливых озарений, – что же это он, и в самом деле, не работает?.. он же включен – вот, смотрите, шеф, где-где-где же вычищенные фрагменты-то?

Генрик с ненавистью глядел на "юное дарование". Известие было не просто неприятное, а чреватое неприятностями, причем крупными. Заставить Карла наплевать и забыть было невозможно. То есть, одному этому гениальному кретину заткнуть пасть это бы, конечно бы, полпустьячка. Но нельзя же предложить не вякать и помалкивать в тряпочку, целому отделу, тем более что – вне всякого сомнения – новость эта стала уже достоянием каждого сексота лаборатории. Умолчание было даже уже не просто чреватое. Это как самому сунуть голову под топор.

– Что смотришь на меня, как дитяти на мамину сисю? – вызверился Генрик. – Давай сюда расчеты. В деталях давай, а не только выводы!

Расчеты были хороши. Экономны, красивы, местами даже изящны и трудны настолько, что самому Генрику приходилось чуть ли не напрягаться, чтобы проследить за ходом мысли даже по готовому решению. Особо не вдаваясь в подробности, Генрик довольно быстро усвоил самое главное – расчеты были точны. Противоречия, сформулированные в выводах отчета, как принято говорить канцелярским языком, "имели место быть".

Пришлось вернуться к самому началу и просмотреть их с предельной внимательностью. И вот тут-то Генрик уловил одну особенность, со всей очевидностью не учтенную аналитиками. Противоречие отнюдь не было неразрешимым. Идиоту Карлуше опять, как и в случае с фантомом долгожителем, для окончательного правильного вывода не хватило одного малюсенького шага.

Во всем, что касается логических построений, гениальному придурку просто не было равных. Вцепившись в какую-то проблему, он не успокаивался, пока не высвечивал в ней прожектором своей незаурядной логики малейший затененный уголок. Но когда над горою фактов требовалось воспарить, когда, оттолкнувшись от этой горы, надо было сделать интуитивный прорыв в неведомое, этот барашек терялся, принимался в ужасе блеять и кидался к мамочке, роль которой отводил все тому же Генрику.

Клонфилтр был настроен на доминанту. Доминанта пронизывала всю мыслительную деятельность объекта. Она при торможении отключалась в самую последнюю очередь. И когда отключалась доминанта – только тогда, и никак не раньше – начиналось абортирование сознания в клонбоди.

Но в четвертой модели доминант было две.

Две!

Две, кррретины!

И для того, чтобы клонфилтр приступил к чистке, требовалось отключение обеих доминант.

Что же следовало из этого факта?

Для того чтобы клонфилтр воспринимал спящего бодрствующим, человеку достаточно было спать в объятиях женщины. Телесный контакт с женщиной вполне может воспрепят-

ствовать отключению доминанты, если этой доминантой является сексуальная озабоченность. Обними бабу и дрыхни себе без задних ног. Чтобы клонфилтър начал давать сбои, достаточно появления в жизни объекта любой бабенки, совсем не обязательно красивой или любимой... сексуальная озабоченность и об этом позаботится.

Генрик, мысленно пожав плечами, изобразил на лице полное понимание, сочувствие и разделенную тревогу

– Вот что, парень, – сказал он, тыча в хилую грудь визави железным пальцем с такой силой, что Карл содрогался всем своим худеньким телом при каждом тычке, – твою тревогу я понимаю и разделяю. Разумеется, теоретически возможно, что сигнал в такую бурю мог дойти до нас, потеряв по дороге большой фрагмент данных. А именно – абортированные файлы. Однако чтобы таких дефективных сигналов было два... Вероятность есть, конечно, но она очень мала. Слава звездам, его светлость приказал изъять объект с трассы, так что паниковать, вроде бы, не следует, рано паниковать. Получим тело, все тут же и выясним в лучшем виде. Но подстраховаться все-таки следует. С этого момента ты лично возглавляешь группу быстрого реагирования при ЦПТМ, кто бы в нее ни входил. Это приказ. Будешь отлавливать и анализировать последующие сигналы, вдруг теолухи опять напорчат или подсунут репу.

Карл кивал головой и соглашался.

– Шеф! Д-ой! Теолухи-то? Они ж обязательно!

– Но для нас, для лаборатории, суть проблемы вовсе не в этом. А вдруг действительно сбоят клонфилтър? Если да, мы должны знать – почему это вдруг? Поэтому между делом проведи-ка ты анализ возможных причин подобных отказов клонфилттра. С чем это вообще может быть связано? Вон, второй аналитический обнаружил в районе Ахерона выстрел из бластера. А если объект был поблизости? Клонфилтър вполне мог быть если и не разрушен, то поврежден.

– Что Вы такое говорите, шеф, – завопил мгновенно разволновавшийся Карл. – Какой еще выстрел углядела там сисястая стервоза из второго? Вы на запись поглядите, там же эхо звучит впереди разряда, это выстрел, по-ейному? А даже если бы и выстрел? Вы на даты поглядите. Сначала ЦПТМ получил оба наших сигнала, и только потом ихнее эхо.

– Ладно-ладно, – отмахнулся Генрик с деланной рассеянностью. – Не выстрел, так что-нибудь еще. Если это клонфилтър, то должно же быть какое-нибудь основание?

Слово было выбрано не случайно, и сказано пусть вроде бы и рассеяно, но с нажимом. Основание... основа... фундамент... Фундаментальные основы фильтрации сознания! Вот оно! Краем глаза Генрик увидел, как дернулась и насторожилась вдруг физиономия "дарования". Генрик почувствовал, что в Карле, овладевая всем его существом, пошли – покатались мыслительные процессы, причем покатались они в нужном направлении.

Прекрасно, – подумал Генрик. – Что все дело во второй доминанте, должно стать известно его темной светлости, но – упаси боже! – не от меня. Тому, кто это ему сообщит, не поздоровится, вот пусть сексоты и постараются. Или, на худой конец, этот вундеркинд, хотя, лучше бы, конечно, сексоты. Они все равно сволочи, а парень талантливый, жалко придурка. Предложил-то вторую доминанту ввести в объект сам Советник. То есть, идею высказала фетменова биопша, но без его прямого приказа никто бы и пальцем не пошевелил. А меня еще черт дернул тогда возражать.

– Так что ты давай, анализируй фундаментально, – продолжал он рассеянно, делая вид, что мысли его заняты чем-то другим. – Да. Вот именно. Покопайся и поищи. Но имей в виду, что причина может оказать огромное, и даже решающее влияние на дальнейшую судьбу... и все такое... Да. Важное дело. Может быть, самое важное из всех наших нынешних дел. Причина должна быть обязательно найдена. Вот что, подключи-ка ты мне к этой проблеме и второй аналитический, хоть ты и считаешь тамошнюю ВрИО грудастой стервозой, выскочкой и душой. Как только будешь у себя, копии расчетов передай туда. Обязательно. Пусть думают.

– Эта Вам придумает, шеф! У нее в теле главный орган вовсе не голова, а нижний бюст. Вот там она талант... как утверждают.

Глаза у Карлуши полыхали огнем, а рот сжался в такую узенькую щелку, что губы как бы исчезли вовсе. Что ж, – решил Генрик, – объект доведен до нужной кондиции. Он теперь землю будет рыть... придурок. Но – не объяснять же ему, в каком смысле причина эта самая будет влиять на судьбу? А подключить оба отдела, пожалуй, мысль на грани гениальности. Все будут стараться и интриговать. Кстати, это подхлестнет сексотов в обоих отделах доложить результаты напрямую Советнику, по крайней мере, сексотов того отдела, что окажется в отстающих. А этому остолопу обязательно надо будет сказать, небрежно, но внушительно, чтобы не вздумал вылезти без... скажем так, детальной проработки. Сексоты должны докладывать Темной светлости. Сексоты!

Рассеянным движением руки, со словами: "Работайте, сукины дети, работайте", Генрик выдворил Виддера из аквариума. Выдворенный сломя голову помчался к себе в отдел проверять мелькнувшую во время разговора идею о возможном-таки влиянии на клонфильтр второй доминанты. А Генрик, философски пожав плечами – аппаратные игры имеют свои законы – принялся обдумывать непростую вещь. Как бы это, себе самому не навредивши, поскольку держать Советника за дурака было чревато... да... так вот, высказаться при нем в том смысле, что и он, Советник, на достопамятном предпусковом совещании в целесообразности второй доминанты выражал... э-э... сдержанное сомнение. Нет. Нет-нет, не сомнение, слово не то. Колебался – вот нужное слово. Именно колебался. Тем более что он действительно колебался, пусть и по другой причине. И еще одно обстоятельство требовало незамедлительного обдумывания: как сообщить темному сиятельству о бластерном выстреле? Этот выстрел... или то, что было за выстрел принято, в будущем могло сослужить ему, Генрику, ха-арошую службу.

Однако в тот самый момент, когда идея начала выстраиваться в некую схему разговора, диким мявом, отличающим вызов его темной светлости, взвыл коммуникатор. Советник в категорической форме потребовал незамедлительно явиться на платформу подземки для приема очередного – уже третьего по счету – объекта воздействия.

– Я и сам там буду, – сварливничала темная светлость. – Так что не вздумай явиться в фантоме. Шкуру спушу.

Тушите свет! – в изумлении сказал себе Генрик. – Что же это должен был быть за объект, чтобы встречать его заявился сам Советник?

– Одну минуточку, ваша светлость, – торопливо сказал Генрик, пока связь не успела прерваться. – Это, конечно, не мое дело, но поверьте, чтобы спросить у меня самые основательные... эти... основания...

– Короче! – рявкнул Советник.

– Я о Брунгильде этой самой... как бы ускорить ее отбытие на отлов модели?

– Умотала еще вчера.

– Ага, ага... ну, что ж, прекрасно, – с преувеличенным облегчением вздохнул Генрик.

– А ну-ка, выкладывай, – потребовал Советник. – Хитрец. Шоумен хренов. Лох ты, а не шоумен, хоть и считаешь себя гением по этой части. Ну? Что там у тебя за пазухой?

– Мне Ваши беспочвенные свирепости странны и даже обидчивы, – Генрик подпустил в свой голос максимум обиженных интонаций. – Просто мне тут Графенбергер передал записи последних сигналов, которые в ЦПТМ не смогли расшифровать. Три сигнала. Над двумя мои лобастики еще работают, очень уж поврежденные оказались, а вот третий – тушите свет!

– Когда я тебя, сукиного сына, приучу к лаконичности? Говори по существу!

– Это не сигнал клонфильтра, ваша светлость. Мне докладывают, что это похоже на эхо разрыва энергетической корпускулы. Сам я как раз сейчас собирался запись внимательно проанализировать, но вот теперь придется отложить. Как только подумаешь, что в Ахероне кто-то мог шмалять из бластера... Непонятки там сплошные, брат, брат надо объект с Трассы как

можно скорее и тащить его сюда, в лабораторию. Не-ет, ваша светлость, теолухи что-то темнят, правы Вы были тысячу раз, когда колебались вводить ли в объект вторую доминанту.

7

Едва борт вагона успел дематериализоваться, как сэр фантом-Советник от теологии птичкой выпорхнул на платформу и, галантно содрогаясь, предложил руку ее светлости госпоже эмиссар – Советнице. Выглядело это при его габаритах достаточно комично, так что сэр Советник от информации с удовольствием позволил себе иронически ухмыльнуться. Впрочем, его светлость "от мракобесия" не остался в долгу, с великолепным пренебрежением эту ухмылку проигнорировал.

Следом за леди эмиссар-Советницей из вагона вылез сэр Советник от науки, пребывая изволивший в своем обыкновенном гневливом – "черт побери вас всех!" – состоянии. Ушарив глазами в толпе встречающих Генрика, он сделал ему знак подойти, сопроводив его своим неизменным звукосочетанием "пст!". Уже в следующее мгновение у Генрика на руках оказался очередной "чрезвычайной важности объект", теперь уже за номером три, а в голове сопроводительный файл. Объект представлял собой здорового малого с поверхности, которому предстояло вживить контакторы (-...смотри, сволочь, никаких тебе фифти на пятьдесят, чтобы он после операции остался жив и здоров, не погляжу, что ты не мой, кишки на палку намотаю!..). Файл же содержал задание, совершенно несуразное по степени дикости.

Вслед за вживлением контакторов, которые позволяли бы иметь с объектом номер три постоянную связь, в том числе, в режиме "онлайн", Генрику предстояло вживить в него клон-фильтр, который, ни много, ни мало, должен был препятствовать развитию в объекте интуитивизма! Начальству – как выяснилось, его, Генрика, собственному горячо и даже до поросычьего визга страстно обожаемому сэру Информанту – работоспособный объект был необходим срочно, для сиюминутного использования. Оный факт начальство до сведения его, Генрика, довело небрежно и невнимательно, будучи всецело занято своей очаровательной гостьей. Как оказалось, сэр Советник не желал дожидаться организации в объекте адаптированной к контакторам личности. Его, сэра Советника, вполне устраивала работа с объектом как с отложенным фантомом, а дальнейшая судьба верзилы ничуть не интересовала, поскольку объект был расходным материалом и предназначался для одноразового использования.

Конечно, можно было бы организовать изготовление нормального клона с этой стоеросовой дубины, и дальше работать уже с ним. Но, судя по ментограмме, малый был снайпером от бога, а что в этом смысле получилось бы из клона, это был еще вопрос, может быть, нечто вполне себе заурядное.

Объект держал в руках чемоданчик со снайперскими причиндалами. Ему, как понимал Генрик, предстояло и здесь, в лаборатории, тренироваться в стрельбе, хотя на кой, извините, хрен был нужен снайпер при имеющемся раскладе заданий руководства, было не вполне даже и понятно, а, следовательно, тревожно. После незабываемого "утверждения на самом верху" Генрик полагал себя понимающим цели Координатора и, как следствие, способным предвидеть задачи, которые тот будет ставить. Неожиданности в таком деле настораживали и пугали, поскольку указывали на серьезные недостатки в знаниях и – опять же, как следствие – на возможность серьезных ошибок. Что чревато. Недостаток необходимых знаний не менее опасен, чем избыток излишних. Может, он и в самом деле угадал, и этот третий будет Ану-Сурию на мушке держать?

Общий настрой, так сказать, атмосферу встречи "заклятых друзей и соперни... – мильпар-р-рдон – соратников" Генрик счел бы подчеркнуто прохладной. Что привело все эти "светлости на службе Тьмы" сюда, да еще одновременно? Совершенно оборзевши, Генрик остороженько приоткрыл для себя психику высоких посетителей... – хотя слово высокий в применении, скажем, к сэру Теологу звучало предельно комично – да тут же внаглую и влез в

голову каждого, пусть и неглубоко, на эмоциональном уровне, глубже у него, увы, пока получалось не часто, да и чревато могло бы быть, чревато...

Однако ничего, кроме взаимной неприязни и острого, со странным оттенком болезненности, интереса к объекту номер один, он ни в ком не обнаружил. Впрочем, как чувствовал Генрик, красотку – эмиссаршу, пожалуй, больше интересовал объект номер два, с которым эмиссарша намеревалась иметь обстоятельный личный контакт. Это было более чем странно: никто не удосужился ей сообщить, что Ана-Сурия уже была окончательно сдана барону Гольденцвиксу и находилась, скорее всего, в пути на Азеру. Если не уже на Азере.

На какое-то время мысли Генрика снова оказались заняты Анной-Сурией. По безоговорочному и безапелляционному суждению Генрика, именно на Гольденцвиксе – субъекте сварливым, чванливым и, к тому же, предельно вздорном... то есть, вздорном до такой степени, что Генрику оставалось только дивиться, как это серьезные люди могут давать подобному существу серьезные поручения – так вот, именно на нем, на господине бароне, наверняка будет лежать, по крайней мере, пятьдесят процентов вины за ее неизбежный провал. С острым удовольствием Генрик оглядел всю эту, так называемую, элиту, кое-кто из представителей которой даже не имел контакторов. Погодите, ребятки, – подумал он. – Вы еще даже не знаете, что вас ждет, а мы для себя уже и соломку стелим. Да, контакторы есть ни с чем несравнимое благо для тех, у кого они есть, естественно.

С первых минут встречи инициативу захватила ее светлость эмиссар-Советница, всячески демонстрировавшая свою "главность".

Была она чуть ли не на две головы выше сэра Советника от теологии и, в отличие от него, прибыть изволила в истинном теле. Впрочем, и сэр Научник, хоть и не уступавший ей в росте, смотрелся с нею рядом много менее внушительно, чем обычно. Решительности в ней было, хоть отбавляй, категоричности и того более, весь ее облик как будто бы говорил окружающему миру: "Ну, и чего это вы все – да, да, все до единого – тут такое и почему?.. А ну-ка, сознавайтесь, паршивцы поганомордые, в чем вы тут виноватые?! А вот я всем вам – мерзавцам – сейчас тут ка-ак вставлю, ка-ак всех вас – мерзавцев – на чистую воду разом и рылом, рылом во все ваше, что у вас тут!.." Красива она была обалденно, таких Генрик еще вообще никогда не видел, ни Манон, ни даже Жанет не годились ей в подметки. Впрочем, нет. Оригинал объекта номер два – эта да, эта, должно быть, была не хуже. Как минимум.

Что касается Генрика, то он вначале на личного эмиссара сэра Координатора практически совершенно невольно и чуть ли не автоматически сделал стойку... а напрасно. Как тут же и выяснилось, оба сопровождающих, брюнет и блондин, и по розам, и по повадкам типичные гвардейские офицеры из "благолепий", выполняли при дамочке отнюдь не только адъютантские обязанности. Интересно, как они над нею трудились? По очереди, или оба сразу? Во всяком случае, нахмурились они оба разом и разом же свирепо зашевелили усами, а сама красуля эмиссар – Советница Генриковы поползновения надменно проигнорировала... впрочем, очень может быть, и в самом деле, просто их не заметив.

Секунды не мешкая, вся четверка господ Советников проследовала в резидентс-рум сэра Информанта, где вновь прибывшие, отказавшись от предложения хлебосольного хозяина (– Не изволите ли отобедать, господа?.. тогда, быть может, аперитив?.. кофе?.. чай?.. все натуральное, земное, господа...-) дружно изъявили желание немедленно заняться делом.

Сэр Информант весело поглядел на своих сотрудников – совершенно обалдевшего от такой чести Фетмена, Ответственного секретаря Флая, Генрика, и прочих, пребывавших рядом в полной боевой, так сказать, готовности. Генрик в ответ тоже улыбнулся, а вот Флай с Фетменом так и потянулись вперед, ловя возможные начальственные указания, и, не дождавшись оных, тем не менее, разом решительно похлопали глазами.

– Итак, с чего начнем? – обратился Информант к коллегам. – Что вас интересует? Если психофизические параметры объектов и всяческие прочие заумности вроде кривых адапта-

ции фанта к клонбоди... и так далее... в вашем распоряжении сэр Научный актуализатор. Что касается непосредственного, чувственного, так сказать, "органолептического" контакта с объектами, то извините, господа, мне это слышать странно и удивительно. Объект номер один находится на Трассе, изымать его с Трассы, мягко говоря, нецелесообразно. Что касается объекта номер два, я вообще о нем ничего не знаю. За разъяснениями обращаться надо не ко мне, а к здесь присутствующему сэру Теологу, доверенное лицо которого, оказавшееся – как ни странно! – моим подчиненным, давно уже забрало у меня этот объект. Я полагаю, уважаемый сэр Теолог охотно обеспечит вам эти разъяснения... если сможет, разумеется.

– Но посмотреть-то на ваш "объект номер один" нам хотя бы можно, – сварливо осведомилась эмиссар-Советница.

– Для Вас, леди Боди, не существует ничего невозможного. Стоит Вам только пожелать, как все вокруг готовы тут же кинуться, так сказать... э-э... к исполнению. И это радует.

– З-зараза, – явственно пробурчал Советник от науки. – Нет, ну каков, черт побери, подлиза!

– Я не подлиза, – улыбнувшись, продемонстрировал идеальную остроту своего слуха сэр Информант. – Ни в коем случае. Я, может быть, самую чуточку льстец, но Вы, уважаемый сэр, никогда не сумеете почувствовать разницу... вот леди Боди – другое дело.

Секретарь Флай за время этой перепалки успел развернуть от стены до стены виртуальную панораму: плоской как стол снежной равнины, на которой всю свирепствовала снежная буря... причем гостям знать, что это всего лишь старая видеозапись, было абсолютно не обязательно.

Равнина была совершенно пустынна, только ветер, только снег и... боже, как же там, наверное, было холодно! Эни невольно содрогнулась.

– Ну, – сказала она, по-прежнему игнорируя "сервов" и обращаясь исключительно к равным по рангу, сейчас это был сэр "Льстец" – так и где же он, пресловутый объект номер один? Я его не вижу.

Господин советник от Информации поглядел на своего Ответственного секретаря и пошевелил указательным пальцем левой руки. Флай подбежал на цыпочках, суетливо суча ручками и искательно заглядывая в лица небожителей.

– Итак? – сквозь зубы процедила Эни, снисходя на сей раз и до серва.

– Вот он, – суетился Ответственный Флай, тыча пальцем в темное пятнышко в углу панорамы. – А вот это, это и это тоже, это все автоматические устройства слежения. Они там летают и информируют сюда. И картинку тоже они передают... Может быть, желаете увеличить?

– Сам-то ты как думаешь? Тут что-нибудь видно?

– Я ничего не думаю, – неожиданно показал зубы Флай. – Я только выполняю распоряжения.

Пятнышко придвинулось, разрослось и превратилось в полуодетого мужчину весьма крепкого, возможно даже могучего сложения – просто рядом не было ничего, с чем его можно было бы сопоставить. Эни шумно перевела дух. Лицо ее покрылось красными пятнами, на лбу выступила испарина.

– Да, – протянула она после долгой вязкой паузы. – Похож. Очень. На первый взгляд совершенно неотличим.

– А на второй? – со всем ему отпущенным сарказмом осведомился Советник от науки.

– А на второй отличим вполне, – кивнула головой Эни, уже успевшая вернуть себе невозмутимость. – Человек, да будет Вам известно, уважаемый сэр, это отнюдь не только тело, что бы по этому поводу ни говорила ваша яйцеголовая многомудрость.

– Просто поразительно, каких выдающихся успехов может добиться натуральная блондинка, если ей вставить... что следует! – Советник от науки по-гурмански покрутил головой. – Я имею в виду контакторы, господа. Естественно.

– Сэр! – покачал головой Информант. – Это уже лишнее. Вы, извините, переходите всяческие границы.

– Оставьте его, сэр... Лъстец. Он хотел сказать глупую банальность. Что-то типа того, что мысль-де эта вполне достойная лучшего ученика младших классов гидропонной школы. Ну и пусть бы сказал. Зачем мешать человеку выставлять себя дураком? Если уж ему так хочется?

– Га-га-га, – заржал Теолог, радуясь посрамлению своего "метафизического" врага. – Ученым крысам выставлять себя дураками не надо. Они и есть самые настоящие дураки. Они без приборов даже с которой стороны на бутерброде масло не определяют!

– Зато теологи выжмут масло даже оттуда, где его отродясь не бывало, хоть бы и из вакуума, – язвительно парировал Научник. – Что касается тебя, уважаемая...

– Господа! – воскликнул Советник от информации, с укоризненным пафосом вздев кверху руки. – Господа адепты первого дня! Господа приматы! – и эти самые "приматы" и "адепты" подействовали на присутствующих как ведро холодной воды, опрокинутое на разгоряченные головы. В руме тут же явственно ошутился призрак сэра Координатора.

– Давайте внесем в наши, как бы это... в наши общения и всяческие действия побольше конструктива, – продолжал Информант, очень довольный произведенным эффектом. – Мы призваны делать одно дело. Давно известно, господа, что когда долго чем-то занимаешься, у тебя как бы замасливаются глаза. Ты привыкаешь. Ты перестаешь различать мелкие детали, а в деле, которым мы занимаемся, как учит нас Его Величие, нет, и не может быть мелочей. Поэтому для меня так важен любой свежий взгляд, особенно если таких компетентных и... словом, как здесь присутствующие. Так что если у леди Боди нет вопросов к сэру Теологу по поводу столь поспешного изъятия из моей лаборатории объекта номер два, то я хотел бы...

– У леди Боди есть такие вопросы, – сварливо заявила Эни. Она, конечно, видела, что ей забрасывают наживку, но расценила слова сэра Информанта скорее как пас, чем как червячок на крючочке. – Разве сэру Теологу не известно, что Его Величие поручил мне оценить степень готовности объекта номер два к непосредственному контакту с Рексом Азерски? Я хорошо знаю их обоих. Я и только я могу оценить степень соответствия объекта номер два прототипу – Сурие Бюллер – и, следовательно, готовность объекта к контакту. И что же? В самый последний момент я узнаю, что объект направлен на задание, не дожидаясь меня... Я удивлена. – Она вонзила в Теолога острый, напряженный взгляд, а теолог сделал самое удивленное лицо, какое только сумел. Они вместе некоторое время старательно демонстрировали друг другу и окружающим свое крайнее недоумение, а Генрику вдруг показалось, что ему лично сэр Теолог даже, вроде бы, и подмигнул. Потом Теолог, разглядывая леди Боди недоуменно, наклонил голову вправо, наклонил голову влево, и раздумчиво сказал:

– Простите, сударыня, но я, право же, представления не имею, где Вас до сих пор, миль пардон, черти носили. Разве Вы не знаете, что все отведенные на подготовку сроки уже истекли? Да и в чем, собственно, дело? При всем моем уважении к Вашему знанию и мнению, я никак не могу полагаться только на Вас. Господин Координатор меня не поймет, как бы это сказать, весьма тягостно... и не обязательно только в случае неудачи. Так что я вынужден предварительно обкатать объект на натурных испытаниях. Объект должен вжиться в обстановку, пообщаться со старыми знакомыми прототипа, ну и так далее. Бедлам, что творится сейчас в тамошних подземельях, мне только на руку, но этот бедлам отнюдь не вечен. Азерски умеет заставлять людей работать. Что же касается Вашей "высочайшей" миссии, то я объект в анти-вселенную, что ли, загнал? Красотка находится всего лишь на А-зе-ре. На вашей Азере. Так и где проблема? Где препятствие для Вашей миссии? Она, эта самая ваша Азера, отнюдь не состоит из антивещества. Кто мешает Вам лично посетить объект? Чай, не аннигилируете. Я поселил ее на шестом, богемном. Поживете рядышком недельку – другую, основательно все и проанализируете. Заодно бедной девочке адаптироваться поможет. Адресочек дать?

Морда у Теолога сияла радостным самодовольством, что твой начищенный биопий сапог. Эни хмыкнула. Он думает, что поставил ее в безвыходное положение. Что она, только что в ужасе с Азеры вырвавшись, ни за что не решится туда вернуться. Типичный неоконтакторенный кретин, для которого каждая работа в фантоме есть из ряда вон выдающееся событие, а работу фантома в режиме "онлайн" это ничтожество и представить себе не в состоянии.

– Ладно-ладно, – сказала она, многообещающе улыбаясь в его меднотазную физиономию, – Ваши мотивы мне предельно ясны, уважаемый сэ. Адресок ваш мне, естественно, ни к чему. Вы забыли, а может, и просто не знаете, что азерскую базу для нее готовила я лично, причем в качестве резервной я предусмотрела для нее свою собственную ячейку шестого уровня. Я с удовольствием поработаю с "бедной девочкой" на Азере... – она немного помедлила и с наслаждением выговорила чуть ли не по буквам, – в фантоме. Там у меня расположена дизайнерская студия, господа. Так что и предлога для встреч искать не надо. Рекламная дизайнерша просто работает с моделью, вот так. И еще, чтоб Вы знали. Я, собственно, только что оттуда. И занималась я на этой моей Азере как раз проблемами адаптации "бедной девочки", в отличие от Вас, именно лично. Так что – никаких проблем.

Сэр Теолог принял удар, не моргнув глазом, даже сиять не перестал... разве что глаза сузились и озлели.

– Вот и прекрасно. Что ж, уважаемая леди Боди, недоразумение можно считать исчерпанным. Не так ли?

– Не так, – отрезала Эни. – Я, конечно, подготовила почву для появления объекта на шестом уровне. Окружающие не будут особо удивлены чудачествами и промахами так называемой Сурии. Но Рекс? Что, если объект случайно встретится с Рексом, когда еще не будет к встрече готов? Кто берется предсказать, как Рекс себя поведет? И кто будет отвечать за весьма возможный провал, как Вы думаете? Ваша поспешность пахнет интриганством. Я вынуждена буду об этом доложить Его Величию.

Все присутствующие замолчали и с преувеличенным вниманием принялись рассматривать панораму снежной пустыни, где объект номер один героически боролся за собственную жизнь. Зрелище и в самом деле было захватывающее, постепенно оно полностью завладело вниманием присутствующих. И тут Генрик почувствовал, что кто-то легонько тянет его сзади за рукав. Он оглянулся. Сзади вплотную к нему стоял Теолог.

– Давно хочу выразить тебе свое восхищение, – тихонько шепнул Теолог. – Ты был очень хорош. Там, у Координатора. Очень. Я, знаешь ли, не сразу... а когда понял, по своим каналам навел о тебе справки. Думаю, ты и сам понимаешь, что с твоим хозяином у тебя скоро начнутся проблемы. А я, имея в виду, умею ценить тебе подобных. Помоги мне, и я помогу тебе. Мои высоколобые утверждают, что вживание контакторов и фильтра для третьего объекта требуют прорву времени. Это так? Забудь про всякие научные осторожности. Сколько времени это займет у тебя? Мне это важно знать. Очень.

– Но этот объект не Ваш.

– Вот именно.

Да, дела складывались очень-очень интересно! Сэр Теолог чего-то боялся, но чего? Конкуренции он боялся, вот чего, и совсем не в Ану станет целиться верзила – снайпер, а в деле неизбежно предстоящей ротации у Генрика, похоже, мог появиться могущественный покровитель. Генрик искоса глянул на шефа, но нет, шеф не слушал, шеф увлеченно любезничал с госпожой Советницей... а вот она косилась.

– В штатном режиме два месяца, – прошептал Генрик. – Но я управлюсь максимум за неделю. Ваши ученые не учитывают одноразовость объекта. Это же, в сущности, просто фантом, отложенный за пределы девяти суток.

– Господин Теолог, – сварливо вмешалась Эни, истолковав интерес Теолога к Генрику превратно, – не одного Вас интересуют вопросы научно-технического порядка. Я вот тоже

хотела что-то спросить, но успела уже забыть, что именно, пока Вы там приватизировали технических специалистов.

– Телесное оформление бессмертия, бессмертия гения, господя, – обратилась она уже ко всем членам высокого собрания, – а ведь именно об этом у нас сейчас идет речь, очень даже затрагивает каждого из нас. Я уж не говорю о том, что объекту номер один предстоит стать первой материальной оболочкой, первой, так сказать, человеческой ипостасью Темного божества.

– Эта телесная оболочка ничего существенно не добавит гению Его Имперского сиятельства, – ехидно вмешался Научник и мстительно добавил, – странно, что Вы этого не понимаете. Он и сейчас уже бог... практически.

– Практически... – мечтательно просмаковала Эни. – Теоретически он, значит, не бог. Это Вы заявили, не я. – Научник побледнел, дернулся что-то сказать, но перебить себя Эни не позволила. – Дело в том, уважаемый сэр пока-еще-адепт, что освоение Его Величием этого тела есть последняя точка в обретении им не статуса божества, статус – тут Вы правы – он и сейчас имеет, правда, не практически, а фактически... чувствуете разницу? Он обретет здесь, среди людей, истинную, полновесную и полносодержательную осязаемую божественную суть. Я сама тысячу раз слышала от Его Величия, что наука сейчас беременна божеством. В самом буквальном смысле слова. А какой отсюда следует вывод? Процесс развития и даже самого существования науки завершается к той самой матери, о которой пишут на стенах тоннелей. И завершается он рождением ею Абсолюта. Бога! – Эни злорадно хихикнула. – Парадокс в том, что эта самая наука, если она настоящая, конечно, а не псевдо, всегда была антиподом веры. Она исключала из обихода само понятие "Бог" как нонсенс и лишнюю сущность в картине мироздания. Один яйцеголовый в древности, как рассказывал мне Его Величие, так прямо и заявил: "Лишних сущностей не изобретаю". А, по мнению другого яйцеголового, гипотеза существования Бога как раз и является совершенно излишней. Он чванился, что для объяснения картины мира в этой гипотезе не нуждается. И вот – надо же – такая неприятность! Рождая Бога, наука убивает саму себя. Ибо там, где есть Бог, науке нет места... и наоборот.

– Это дилетантский максимализм! – изо всех сил не сдавался Научник. – А я, кстати, черт побери, говорю лишь, что это тело ничего не добавляет к величию Его Величия. Величие, черт побери, есть совершенство по определению! Что, черт побери, может дать тело духовной сфере?!

– Как это что? Это при контакторах-то и их возможностях? Интуитивизм, по-вашему, пустяк? У божества я вижу четыре, так сказать, атрибута: бессмертие, вездесущность, всеведение и всемогущество. Бессмертие и всемогущество – с этим все ясно. Вездесущность, я имею в виду практическую сиюминутную вездесущность – ее сейчас обеспечат старнет, фантоматоры, клоны и донорские тела, которых может быть сколько угодно, любых, не обязательно человеческих. Вы такого задания еще не получили? Советую предвосхитить. Азерски и здесь намного опередил имперскую яйцеголовость, он имеет та-акую крысу, знаете ли, сама видела!

– Дилетантизм, дилетантизм, и еще раз, черт побери, дилетантизм! – с отвращением воскликнул Научник. – Вы, милейшая, как и всякий дилетант, не можете уловить, оценить... да и просто понять, наконец... разницу между тем, что декларируется в политических целях, и абсолютной научной истиной. Всеведение и вездесущность как категории божества есть вещи не реальные, а декларируемые. Сколько и чего бы Вы ни знали, всегда найдется нечто за пределами вашего знания и разумения, даже если учитывать паразитную сеть, которую мы сейчас общими усилиями создаем для Его Величия внутри старнета. Как бы широко не распространились фанты, клоны и всякие прочие тела, всегда будут находиться места, где их нет. Черт побери! Есть некие аспекты, в которых Вы не разбираетесь вследствие простого, ха-ха, блондинства, причем не столько блондинства волос, сколько блондинства мозга! Вы, сударыня, блондинка, и этим все сказано.

– Да Вы сами, сударь мой, ничего не понимаете в деле, которым Вам поручено заниматься. Что касается Вашей горячности – дилетантизм, там, блондинство и все такое – в общем-то, я Вас могу понять. Когда цикл замкнется, когда начнет твориться – и записываться! – новая мифологическая история Вселенной, сэрам Советникам со всею очевидностью предстоит стать апостолами Темного Бога, как уже тут было сказано, адептами первого дня творения. Но вас же тринадцать, сэры! Если я не ошибаюсь, я не слишком-то сильна в теологии, вас должно быть двенадцать. Я – женщина и эмиссар, я не в счет, у меня свое предназначение. Так что по всем канонам один из вас должен стать – ну, или должен быть назначен, какая, в сущности, разница! – предателем, своего рода Иудой... а кто, по-вашему, более всего подходит для этой роли, если учесть все, что мы с Вами тут сейчас так плодотворно обсудили? Наука как таковая должна, просто обязана быть дискредитирована, а ее носители... да не трясь ты так, это будет еще не завтра. Живи. Наслаждайся жизнью... пока... ибо твое есть не царствие небесное в материальном мире, но ад или, в лучшем случае, чистилище в старнете, умник.

Эни смотрела на бледного Научника совершенно по-людоедски. Научник только беззвучно открывал рот и потел. Впрочем, все ее собеседники были совершенно раздавлены, глаз с нее не сводили и только оными глазами растерянно хлопали. Что касается Генрика, то и он стоял в абсолютном ошеломлении. Все происходящее открыло ему не то чтобы новую, неожиданную сторону картины мироздания, нет. Просто эта дефектная красotka – почему вдруг ему пришло в голову слово "дефектная"?.. а-а, потом, потом... – так вот она только что на его глазах уложила в эту самую картину мироздания ключевой, краеугольный камень, которого до сих пор ему, Генрику фатально не хватало.

Пока проходила эта немая сцена, сэр Информант наклонился к его уху и еле слышным шепотом велел немедленно пройти в ЦПТМ.

Придя в пультовую, Генрик узнал ошеломительную новость. Даже две. Во-первых, на полюсах из бластера и в самом деле стреляли. Только – как уверяли зондера Изегрима – не они, а в них. А во-вторых, объект номер один снова ускользнул. Исчез, испарился, пропал. Причем под самым носом у зондеркоманды Изегрима, которая, как уверял аббат, хотела всего лишь заблокировать объект у обрыва. Однако же, к моменту появления в Ахероне капитана Брунгильды объекта на месте не оказалось. Ну, все, тушите свет!

Глава вторая

1

Как и в недавнем прошлом, пространство вокруг Азеры, снова было битком забито кораблями, и они все прибывали и прибывали. Однако теперь это были не грузовики Объединенных Компаний. Все, что в окрестностях Сола могло хоть как-то перемещаться в пространстве – от вполне современных конвертопланов до допотопных корыт – было мобилизовано для перевозки бывших эмигрантов обратно на родину.

Дул противный ветер и было холодно. Но это совсем не мешало прибывающим радоваться и восторгаться, и выражать свой восторг самыми экстравагантными способами. Они обнимались и целовались прежде, чем познакомиться. Они плясали и пели. Они предлагали незнакомцам выпить из своих карманных фляжек и кричали "ура". Они кричали здравницу Рексу Азерски и госпоже комтессе, они кричали "да здравствует чистый воздух", "слава Азере" и, наконец, они просто кричали. Кричали – и все.

Челноки опускались один за другим. Пассажирские терминалы были забиты до отказа. Транспорт планеты – как воздушный, так и наземный – не справлялся с толпами прибывающих, толчея возрастала, ликование тоже. Инфоры не работали, и это многократно усиливало всеобщий бедлам. Служащие космопорта орали в мегафоны, стараясь разбить толпу на землячества для удобства отправки людей в их родные провинции и поселения.

Подземный терминал порта во время военных действий и мятежа тоже был разнесен вдребезги, так что прибывающие в Город должны были добираться до шлюзов шахтокварталов наземным транспортом. Однако до сих пор ни Ане-Сурие, ни Гольденцвиксу не встретился ни один служащий, предлагающий поездку в Город, а сами они спрашивать туда дорогу не решились: а ну как восторженная толпа примет их за врагов со всеми отсюда вытекающими последствиями? Гольденцвикс заметно нервничал... идиот. Это ей, Ане-Сурие в случае поимки и разоблачения грозило, в лучшем случае, долгое-предолгое заключение... естественно, где-нибудь в компьютере, один Координатор, что ли, такой умный? Все они, властимущие, одним миром мазаны, большие и маленькие, вежливые и хамоватые. Уж в этом-то теле Рекс ее ни за что не оставит. Разве он допустит, чтобы в теле, даже просто клонированном с его разлюбленной Сурии, блаженствовала какая-то самозванка? Да он за ухо вышвырнет ее из этого тела, а после еще и руки вытрет. Об штаны. Из брезгливости. А то еще наплюет на всякие виртуалии и устроит ей смерть. Как и предупреждал Генрик – реальную смерть, с болью, ужасом и... с чем там еще? Рекс настоящий мужик, это вам не Гольденцвикс, который – вот он, трясется, как подтаявшее желе. Ему-то чего бояться? Вышлют как нежелательного иностранца, и все. Холодное, лощеное, высокомерное и напыщенное сволочное ничтожество... ах, жалко – ну, не могла она по своей воле приказывать ноготкам, ах, как жалко!

Из толпы к Ане-Сурие, размахивая руками, метнулась какая-то женщина, Знакомая прототипа? Очень может быть, не могла же Ана-Сурия знать всех ее знакомых. Ну, вот вам и незапланированная проверка. Гольденцвикс побледнел еще больше, хотя, казалось бы, куда уж?

– Сударыня! – возопила женщина, мертвой хваткой вцепившись в рукав пальто Аны-Сурии. – Какое счастье, что я Вас встретила! Вы тоже хотите домой? Вас тоже не пускают? Прекрасно, присоединяйтесь к нам, нас две, будете третьей, пара плазменных ружей у нас есть, так что не пропадем. Вам тоже предлагают погостить в Гнезде?... нет?... значит, еще предложат. Они говорят, что у нас там бандиты пока на свободе, и пугают. Это нас-то, тьмутараканок! Ха! Испугали ежа голой... голым цвиксом, извините! Да я еще девчонкой с сетью один на один на гамадрила выходила. Давайте объединяться. Отыщем какой-нибудь транспорт и рванем к

своим мужчинам, им там без нас плохо, да и вообще, что путного могут сделать мужики без женщин?

– Боюсь, что Вы ошиблись, – сказала Ана-Сурия, несколько ошеломленная таким напором. – Я не из Тмутаракани. Я родилась в Москве, а сейчас и вообще городская.

– Да? – дама споткнулась на полуслове и очень удивилась. – Вы уверены?.. Боже, что я несу? Простите меня. Значит, Вы не из наших мест?.. не тмутараканка? Как же так, у Вас очень-очень знакомое мне лицо. А меня не хотят пускать к мужу. Конечно, в другое время я бы с огромным удовольствием погостила в Гнезде недельку – другую. Представляете, самые, что ни на есть, сливки общества, это вам не нувориши какие-нибудь, не гламур полублатной... ох, простите, я Вас, кажется, узнала, Вы...

– Тс-с, – прошептала Ана-Сурия, прижав палец к губам. – Я бы не хотела обращать на себя внимание. Мне не нужна излишняя гласность.

– Да-да, конечно, я понимаю... я знаю, я помню, Вы еще в старые времена порвали, так сказать, и примкнули к Зеленому движению демократическому. Я читала, я восторгалась, я ставила Вас в пример! Да. И вот теперь Вы проявляете скромность, Вы не хотите обращать на себя внимание, Вы не хотите почестей, хотя, разумеется, заслужили. Ах, как это благородно, как достойно! – с пылким чувством возглашала дама, прижав руки к груди. – Я просто счастлива, что моя ошибка, так сказать, позволила мне познакомиться с Вами лично! А некоторые еще болтают и с иронией относятся к аристократам. Когда я увижу своего благоверного, он у меня инт и жутко умный, но в чем-то все мужчины редкостные балбесы, Вы меня понимаете, не правда ли? Так вот, я все ему выложу про Вас и вообще, вот мы и посмотрим, что он тогда скажет!

Дама метнулась в сторону и растворилась в толпе, успев, однако же, послать ошеломленной Ане-Сурии на прощание длинную серию воздушных поцелуев.

– Энергичная дама, – скривился Гольденцвикс. – Она и в самом деле совершала все эти охотничьи подвиги? Врет, небось. Вообще-то, такая дурища может, но чтобы с одной сетью?

– Мы, азерки, девочки специфические. Она же вообще уралочка. Там за Сибором такой невысокий хребет, называется Кремень, за Кремнем сплошные леса и болота на добрых полторы тысячи километров. Урал. Центр этой провинции – Тмутаракань, вотчина барона Айно. Народ там даже по нашим, азерским меркам еще тот. Так что, как это Вам ни странно, можете не сомневаться. Точно не врет, это там в порядке вещей. Мы...

– Ты-то куда с калачным рылом в суконный ряд? Какие такие "мы"? Ишь, размыкалась! Тоже мне, азерочка. Ты вообще не человек. Ты всего-навсего ИОЧ. "Исполняющая обязанности человека", – и, придя в восторг от собственного остроумия, Гольденцвикс нервно хихикнул.

Ана-Сурия ухватила спутника под локоть, подсунулась к самому его лицу и с острым наслаждением спросила:

– Простите, сэ, Вам никогда не приходилось... э-э... садиться на ежа?

– Что? – ошеломился Гольденцвикс.

– Ну, как же? Каждая азерка, даже ИОЧ, знает, что голой задницей ежа пугать себе дороже. А если попробовать испугать золотой задницей?

– Что-о! – Гольденцвикс так резко выдернул свою руку, что Ана-Сурия даже покачнулась. – Врезать бы тебе сейчас в рыло, с-сучара!

– Кому, з-золотко? Я же просто ИО... к счастью, человека, а не задницы, пусть и золотой. И не надо скрежетать зубками. Поломаешь, придется золотые вставлять. И будешь тогда ты у нас бош со всех сторон золотой: и задница, и зубы... говоря по бошски, ты и гольденцвикс, ты и гольденцан – с.

Ана-Сурия резко отвернулась и пошла вперед. Внимание ее все время рассеивалось. Она жадно впитывала в себя настроение и, как бы это сказать, мироощущение толпы. Вхожу в

роль? – удивлялась она себе. Так что объявление увидел, все-таки, Гольденцвикс. Чуть в стороне от больших караванов разнообразнейших средств передвижения, вокруг которых кипела и бурлила жизнь, стояла одинокая пассажирская платформа со светящейся надписью "Город".

Жестко ухватив Ану за руку чуть выше локтя, Гольденцвикс, воровато оглянувшись, показал на нее глазами.

Ана-Сурия кивнула и недовольно дернула рукой, пытаясь освободиться из железной хватки куратора.

– Я вижу, – сказала она недовольно. – Пошли.

– Тише, дура, – зашипел Гольденцвикс. – Это может быть ловушка.

– Какая ловушка, кретин! У тебя совсем крыша поехала? Кому ты нужен, такая... задница?

– Зато ты, лярва, нужна! – рявкнул Гольденцвикс. – Тебя, курву, тут ждут и будут тебе жутко рады.

– Я нужна, – согласилась Ана-Сурия, язвительность Гольденцвиксову презрительно игнорируя. – И отпусти ты, в конце концов, мою руку. Синяков наставишь.

Барон не нашел ничего лучше, чем заявить все с той же язвительностью:

– Эта рука не твоя. Она для тебя слишком хороша.

Ана-Сурия посмотрела на него чуть ли не с жалостью.

– Это не повод ставить на ней синяки. Ты, может, не догадываешься, но мужчины – настоящие мужчины, не педрилы и не садомазы – не любят на женщине таких украшений.

– С-сука! – с чувством выговорил Гольденцвикс, отпуская руку.

Ана-Сурия снова рассеянно кивнула.

– Без сомнения. Мы с тобой как две сестрички, или даже, скорее, подруги и напарницы по ремеслу. Кстати, имей в виду, с этого момента мы всего лишь случайные попутчики и едва знакомы. Ты ведь однажды уже сталкивался с... э... с моим любовником, правильно? Следствие: он тебя знает, и я за компанию с тобой влипнуть не хочу.

Дверь платформы с шумом отъехала в сторону, и чей-то смутно знакомый голос проорал:

– Эй, вы, там! Вы намерены садиться, или почему?

Ана-Сурия и Гольденцвикс, не сговариваясь, подбежали к платформе и нырнули в дверь, причем Гольденцвикс только в последний момент сообразил пропустить даму вперед.

– Боже мой! – возопил все тот же смутно знакомый голос. – Сурия, Вы?.. откуда?.. какими судьбами? Кто это с Вами? Познакомьте нас.

Да, этот человек был ей знаком, хотя и шапочно. Юри. Его звали Юрий Граб, и был он рекламщиком, по азерским меркам, довольно известным.

– Это?.. Мой попутчик, барон... э...

– Барон Гольденцвикс, к вашим услугам, – пролаял Гольденцвикс и чуть заметно наклонил голову в наиаристократичнейшем приветствии.

Юри расплылся в улыбке.

– Ну, разумеется! Ну, естественно! Если возле Сурии есть спутник, то уж никак не ниже... простите, сударь... Сурия, я так понимаю, что во время мятежа Вас в Городе не было? Ага... и даже на Азере не было? Мы так и думали. Тут ходили всякие слухи о похищении, но поскольку у вашего папы никто выкупа так и не потребовал... Правда, Эни Боди тут как-то говорила, что встречала Вас, но я ей, признаться, не поверил.

– Мы встречались, – растерянно сказала Ана-Сурия, разработанная для нее легенда трещала по швам, – но до мятежа, а не после.

– Вот дрянь! – выругался Юрий. – Не может не соврать! Кстати, Вы, может быть, еще не знаете, Ваш брат Виктор нашелся! Да-да. И еще каким героем, кто бы мог подумать! Он с двумя курсантами тут наделал таких подвигов, разоблачил всяческих экономических заговорщиков, отбил целый украденный грузопоезд и все такое. Сто платформ, груженных драгоценностями,

представляете? Так что теперь у Бюллеров никаких неприятностей. И даже наоборот. Ожидаются всяческие милости для вашего семейства от его величества вице-короля.

– Таких грузопоездов не бывает, – сухо перебил его Гольденцвикс. – Обычно число платформ в грузопоезде не превышает двадцати.

– Вам мало двадцати платформ брюликов? – поразился Юри. – Вы эстет, сударь, и где-то даже декадент упадочный. Мы уже практически приехали, друзья мои, то есть, еще каких-нибудь... всего ничего. Вы где остановились, Сурия? Дома? Нет? Напрасно, уверяю Вас, это ничем не грозит. Ваш папа, заметьте, даже входит в Антикризисный комитет вместе с вашими зелеными главарями, так что...

По инструкции, встреч со знакомыми Ане-Сурие следовало искать, уже оглядевшись на Бродвее. Встреча с Юри в космопорте спутала ей все карты. Юри болтал, болтал, перебивая сам себя и не умолкая ни на секунду. Впрочем, это было ей очень кстати: пока она молчала, она ничем не могла себя выдать. Начни он расспрашивать, перестраивать легенду пришлось бы на ходу. Импровизировать пришлось бы, что чревато. Кроме того, он сообщал ей массу весьма полезных сведений.

– А знаете, кто возглавляет Антикризисный комитет? Ни за что не догадаетесь. Стасик Ховрин, вот кто! Каков тихоня? Недаром говорится, что в тихом омуте черти водятся. Он тут единственный оказался такой, что в решительную минуту все возглавил и спас. Уму непостижимо. Именно Стасик тогда на открытой платформе через весь этот ужас прорвался наружу и даже через крысиные стаи с гамадрилами, отыскал курсантов училища санации, вернулся в Город во главе и навел порядок. Многие ли поступили бы так-то? Фетмен, которому все это полагалось по должности, смылся на Лиловой Звезде вместе с той самой Эни Боди, которая сейчас опять уже тут... Чрезвычайный эмиссар Объединенных Компаний, кто бы мог подумать? Бедняга Ольгерд, он ее еще так, помнится, обхаживал. Правда, она сама утверждает, что ее оклеветали, не знаю, не знаю... Да, кстати, Ваш брат все это время был с Ховриным и, как видите, даже отличился с грузопоездом. Там такие люди, по слухам, замешаны, что я лучше помолчу. У папы узнаете, если правда.

– Я Вас так понял, – вмешался Гольденцвикс, – что Вице-король не собирается ликвидировать Город? Меня уверяли, что леди комтесса спит и видит...

– Все здесь решает Рекс, то есть, простите, его вице-королевское величество. А он человек не только умный, но и практичный. Старая Дама передала ему всю полноту власти и ни во что не вмешивается. Люди из Гнезда говорят, что она занимается только своими цветами, и этому обстоятельству до смерти рада. А вице-король не стал Город даже оккупировать. Ему хватает своих проблем на поверхности и вообще. Он подтвердил полномочия Антикризисного комитета и лично Ховрина, и велел наводить порядок. А чтобы они чего не учудили эдакого, определил им в комитет свое доверенное лицо в качестве наблюдателя... точнее – наблюдательницы. Очень красивая женщина, Элизабет Дуна, в Городе ее зовут Эли, за глаза, конечно... – он со значением посмотрел на Ану-Сурию и, не дождавсь реакции, продолжил. – До Вас, конечно, не дотягивает, но тоже оч-чень, оч-чень хороша собой. По слухам, невероятно умная, а твердая такая, что алмаз отдыхает. Правда, злые языки поговаривают, что она очень даже не прочь... – Юри скорчил самую плутоватую физиономию, на которую оказался способен, – ну, Вы понимаете... но я не верю, потому что к нашим сплетникам только попади на язык. И с Ховриным-то у нее шашни, и с Кулаковым, есть в Гнезде такой толстый мозг на тонких ножках, не слышали? Ну, как же, правая рука Рекса, умный, как я не знаю, кто. И еще с ней связывают кучу всяческого народа, в том числе, между нами, Вашего брата и двух его ближайших сотрудников, офицеров санации, с которыми он коммодора Корна гнобил, ох, черт, что это я такое несу, простите, господа, я уже приехал, мне уже надо...

Юри испарился из машины в мгновение ока. Оказалось, что платформа к этому времени совершенно опустела, они оставались в ней вдвоем, и ехали уже по центральному путепроводу шестого уровня. Именно на шестом ей и предстояло поселиться.

– Что касается твоей очаровательно кругленькой задницы, похоже, не так уж она и дорога сэру Азерски. – сказал Гольденцвикс самым хамским тоном, на какой только был способен. – И то сказать, чем одна потаскушка отличается от другой? Плевательницы, так сказать, спермоприемники у всех одинаковые, не все ли равно, в кого опорожняться... что уставилась, сучара? Твоя задача от всех сегодняшних встреч только усложняется. К сожалению, слухи о твоём возвращении дойдут до Азерски слишком быстро, если не через эту шизанутую охотницу, то через придурочного рекламщика-то обязательно. Уж больно любит поговорить. Сейчас мы расстаемся, тебе отседова вытряхиваться. Вот ключ-карта от жилой ячейки – стандартной двухрумной... на мой взгляд, тебе, быдлу, и однорумной хватило бы за глаза, но госпожа Эни Боди другого мнения, против предписания свыше не погрешь. Вот вторая от дизайнерской студии, это на всякий случай. Обживайся и лови момент. Вдруг Азерски и в самом деле приспичит тебя завалить в койку? Вдруг ему захочется после свежатинки-то сплюнуть разнообразия ради в старую плевательницу с чужими окурками внутри?.. да что там с чужими, с замызганными кучей слюнявых ртов! И помни, за тобой всегда будут следить наши глаза. Я всегда буду стоять за твоей спиной, если что – пеняй на себя. Жалко портить такого клона, но одно утешает – больно-то будет тебе. Как связаться со мной ты знаешь. И от мужиков держись подальше, стерва, пришьешь кого-нибудь с поганого своего кайфа и провалишь всю операцию. Да, вот еще что. Пальчиками, пальчиками не блуди. Поцарапаешься ненароком, потаскуха, да и сама отдашь концы. Инструктаж окончен. Все. Вылазь. А я поеду дальше. Где буду жить я, тебе знать, как у вас на помойке говорят, "без надобности".

– Минуточку, дарлинг.

Изумленный Гольденцвикс даже рот открыл от неожиданности.

– Должна же я поблагодарить тебя за все твои труды, – сказала Ана-Сурия и, коротко размахнувшись, отвесила ему смачную, полновесную, оглушительную затрещину. Гольденцвикс, сохраняя на физиономии предельно изумленное выражение, с треском вмазался головой в стенку платформы, Ана-Сурия выскользнула наружу, дверь закрылась, платформа умчалась прочь.

– Ну, что ж, – сказала Ана-Сурия с удовлетворением, – начало положено. Продолжим наши игры.

2

Тримаран неожиданно оказался отличным суденышком. Он был поразительно остойчив даже при сильном боковом ветре, маневрен, послушен и легок в управлении, да и скорость, несмотря на нелепый треугольный парус – а, может, и благодаря ему – развивал более чем приличную. Великолепную скорость он развивал, если по правде. Кувалда – главный его критик и скептик и единственный имевшийся в наличии специалист – вынужден был признать все достоинства суденышка в первые же часы речного путешествия. Все путешественники, за исключением, разве что, Люкса, готовы были выдирать кормило друг у друга из рук, чтобы хоть недолго им поуправлять.

Навес для защиты от дождя у Люкса, однако же, не получился. Мокли путешественники совершенно одинаково, что под навесом, что вне его. Увидев огорченную физиономию Люкса – все чувства тут же отражались у него на лице – Манон поспешила громогласно заявить, что вот если бы они были сейчас в пустыне Негов, навес этот "был бы самое оно"! Утешение получилось какое-то сомнительное, и она смущенно умолкла. Впрочем, дождь постепенно слабел. К полудню он прекратился совсем, и в свои права вступила та самая золотая осень, которой славятся северно-закатные области Франконата и Приозерье.

Судя по растительности, земля по берегам Роны была на редкость плодородна, вода изобиловала рыбой, которую Люкс умудрялся ловить голыми руками. Тем не менее, местность вокруг была совершенно пустынна.

– Почему? – любопытствовал Люкс.

Отвечать на подобные вопросы друзья обычно предоставляли Кувалде.

– Рона течет по самому краю большого северного леса. Еще пара-тройка дней пути и степь – у нас ее называют "Дикое поле" – будет практически рядом. Степь – это викинги. Викинги – это разбой. Так что охотиться тут или рыбачить себе дороже, а уж селиться, так это вообще надо быть психом.

– Значит, расслабляться нам никак нельзя, – тут же сделал вывод из Кувалдиных слов практичный Скаврон. – Давайте-ка мы облачимся в доспехи. А то – неровен час – схлопочет кто-нибудь стрелу в бок.

– А как же Нодь? – забеспокоился Люкс. – У нас у всех доспехи, а ему-то мы и не сковали ничего.

Друзья переглянулись и уставились на Нодя с демонстративным испугом, из-под которого, однако же, так и перли веселые ухмылки. Нодь покосился на озабоченную физиономию Люкса и смутился.

– У меня... это... кхм-кхм... я и себе, короче... вдруг, думаю...

Друзья уже откровенно ржали над – как они полагали – вполне простительной слабостью хорошего человека. Однако Люкс поглядел на них, потом на Нодя, потом снова оглядел друзей, но уже с откровенным неодобрением.

– А вот и ничего подобного, – укоризненно сказал он, – и все-то вы неправильно думаете и истолковываете. Сами, что ли, не видите? Вчувствуйтесь повнимательнее. Он с самого начала хотел с нами. А колебался потому, что боялся. Думал, мы его сочтем обузой и не возьмем, потому что он давно на полюсах и ослабел.

В доспехи облачались в молчании. Всем было не по себе, и, стараясь сгладить неловкость, Манон вдруг боднула Нодя в плечо головой и сказала смущенно:

– Да ладно тебе. Не дуйся. Откуда нам было знать? Если бы мы в тебя и в самом деле могли заглянуть.

Нодь хмыкнул.

– Ага, только мне и не доставало, чтобы в моих мозгах копались, кто ни попадя, как в собственном кошельке.

– Я, кажется, опять сделал что-то не то, – расстроился Люкс. – Извините, Нодь. Я думал, что это обычное дело. И я не знал, что это вам не нравится. Я больше никогда не... то есть я буду стараться, только это иногда получается невольно. У меня пока не выходит помнить об этом постоянно и всегда контролировать ситуацию.

Ночевать остановились на остром безлесом мысу при впадении в Рону какой-то безымянной речушки. Тримаран втащили на берег и, для верности, тщательно привязали к стволам двух мощных папоротников и сосны, под которыми и разбили свой лагерь. Впрочем, вся процедура "разбиения" свелась к сбору валежника и разведению костра. Спать решили, расстелив прямо на земле свои меховые парки, благо предусмотрительная Манон догадалась подсушить мех на ветру еще днем.

Поужинали рыбой, наловленной Люксом. Его способность ловить ее голыми руками уже никого не удивляла. Его способности вообще давно уже перестали друзей удивлять, и не только стараниями Скаврона, но и общими коллективными усилиями. Окажись вдруг, что он умеет летать, и это они бы приняли как должное.

– Ну, мужики, – сказал Скаврон, устраивая в костер здоровенный обломок сосны таким образом, чтобы тот горел, не угасая, и непременно с одного конца, – как дежурить будем? Давайте устанавливать очередь.

– И почему это – мужики? – обиделась Манон. – Меня тут, кажется, вообще уже всерьез не воспринимают?

– Что Вы такое говорите, госпожа? – Скаврон даже руками замахал от избытка чувств.

– Вы единственная женщина среди нас... – энергично поддержал его Нодь. – Мужчины мы, или кто?

– Друзья мои, спасибо, конечно, за заботу, – решительно заявил Люкс, – но я полагаю, что это просто неразумно. Вам лучше выспаться. Силы нужно беречь.

– Стоп, стоп, стоп! – перебивая общий гвалт, вмешался умный Кувалда. – Что значит – "спасибо", Люкс? Речь идет именно что о дежурстве, а не о том, чтобы лично Вам ночью бодрствовать скучно не было... Люкс намылился сидеть всю ночь один, – пояснил Кувалда друзьям, – вот он нам и спасибит.

– Это еще почему? – с редким единодушием завопили все.

– Как это? Я же спал перед самым отлетом, – удивился Люкс бестолковости друзей. – Теперь мне нельзя спать и в эту ночь, и в следующую тоже лучше бы воздержаться. События сегодня были важные. И знания пришли, навыки. Все надо закреплять в памяти. А если уж мне все равно бодрствовать, вам-то отчего не спать? Протуберанцы задницы поджаривают?.. простите, Манон...

– Я не знаю, что это за хрень такая, протуберанцы, может, поджаривают, может, нет, – вмешался Нодь, – но вашему духу нужно поберечь ваше же тело. Нам всем кажется, что Вы не вполне учитываете, что оно у Вас сейчас вполне себе материальное, и может... поломка в нем может произойти, а то и еще что, похуже. Ему надо отдыхать, по-научному, релаксировать. Правильно, Кувалда?

Кувалда в сомнении покачал головой.

– Релаксация – релаксацией, но скоро пойдут обжитые места. Там все может случиться. И времени на восстановление может просто не хватать, если восстанавливаться ему не по своему опыту, а по нашим рассказам.

– Друзья! Нам надо объясниться, – вздохнул Люкс. – Вы, похоже, навоображали обо мне такое, что у меня просто ум за разум заходит, и становится мне даже злобно. Я, конечно, и сам уже вижу, что кое-чем от вас отличаюсь...

– Ага, самую капельку, – буркнула себе под нос Манон, а Скаврон уточнил:

– Не только от нас. Вообще от всех людей.

– Но это не причина, чтобы считать меня черт знает, чем.

– Не черт знает, – снова вмешался упрямый Скаврон, – а бог.

– Вы все с ума посходили, что ли? – рассердился Люкс. Друзья, как по команде, повернулись к Кувалде. Кувалда сморщился. Кувалда вздохнул. Кувалда развел руками и почесал в затылке.

– Я лично в бога не верю, – сказал он, наконец.

– Слава богу, – иронически фыркнул Люкс.

Манон выражение "слава богу", отнесенное к словам "не верю в бога", показалось смешным. Она нервно прыснула, на что Кувалда немедленно скорчил свирепую рожу. Это, в свою очередь, рассмешило остальных.

– Может, тогда вы сами, язви вас в душу, – окончательно рассердился Кувалда и продолжил только после долгих уговоров.

– Тут вот какое дело, Люкс. Во-первых, есть легенда, которая будто бы на тебя... на Вас сшита. А во-вторых, Вы, конечно, вряд ли это помните, но там, на полюсах Вы появились уже не в первый раз.

– Ха-ха-ха, – четко выговорил Люкс, потом пожал плечами и демонстративно покрутил пальцем у виска.

– Напрасно Вы так. Нодь тогда вас видел во фраттории, разговаривал с Вами и даже пытался раздобыть для Вас проводников в долину.

Ошеломленный Люкс повернулся к Нодю. Нодь коротко кивнул головой.

– Это правда. Но я не успел. На Вас тогда напали крошечники и зондера. Они хотели Вас скрутить, но у них не получилось. И тогда они... только Вы не пугайтесь... убили Вас. Вывод делайте сами.

Какое-то время Люкс ошеломленно переваривал эту информацию.

– Неувязка. Богу полагается быть бессмертным, всеведущим и всемогущим. Вывод делайте сами, – передразнил он Нодя.

– Это духу, – нехотя сказал Кувалда. – А в земной ипостаси? В теле? Духу-то, кстати сказать, ничего и не сделалось. Вот он Вы, снова перед нами. Умерло только тело, тогдашнее тело. Что касается всемогущества, то у телесного воплощения оно выражается в способности делать чудеса. Может, поговорим в таком разрезе о Ваших способностях? Опять же насчет всеведения можем продолжить разговор. Мы его тут только что вели. В приложении к доспехам Нодя. Хватит, или еще что-нибудь надо?

– И все равно, должно быть какое-то другое, рациональное объяснение, – не сдавался Люкс.

– Хорошо бы, – вздохнул Кувалда. – Сам ищу. Но пока другой внутренне непротиворечивой гипотезы, которая бы все объясняла, я лично не вижу.

Люкс оглядел друзей. Манон сидела, обхватив руками голову, и молча смотрела на огонь. Нодь со Скавроном пялились на него во все глаза, и выражение этих глаз было такое, что Люкс свирепо нахмурился и засопел.

– Вот что имейте в виду, дорогие друзья. Во всю эту дичь... простите, если задеваю чьи-то чувства... короче, во все это я поверить не могу и не буду, даже как в рабочую гипотезу. Если я вам бог, то вы – что же, мне рабы, что ли? Что ли я сейчас с места в карьер стану вас заставлять жить не так, как вам хочется, а по своим самодурным законам, что мне в голову придут? Да вы с ума сошли! Вы мне друзья, а не рабы! Нет у меня желания никем повелевать, и уж точно я не желаю, чтобы мне поклонялись и униженно молились. Ка-те-го-ри-чес-ки! Сам себя ощущаю махровым атеистом. И если вы не прекратите, я, честное слово, рассержусь и обижусь.

– Пстой, – сказал Скаврон. – Если ты увидишь несправедливость, зло, говоря высокими словами, торжество тьмы над светом, что ты будешь делать? Неважно, по отношению к кому зло, к близким, или вообще. Что?

– Как я могу знать, что буду делать, если не знаю, что увижу и при каких обстоятельствах? – удивился Люкс. – Ну, ты и спросил! Что сочту нужным и смогу, то и буду.

– Вот то-то! – Торжествуяще завопил Скаврон. – И я тоже считаю, что мимо ты не пройдешь, потому я не пойду ни к каким лесным братьям, а пойду я с тобой и стану тебе помогать, что есть сил. И какое, в конце концов, тебе дело, кем я тебя считаю? Ты делаешь мне честь, называя меня другом. Я счастлив и горд и постараюсь, так сказать, соответствовать.

– Все мы счастливы и горды. И мы все стараемся, – сказал Нодь, – я правильно говорю? Манон и Кувалда отозвались одновременно. "Да", сказала Манон. "Конечно", подтвердил Кувалда.

– Только вот что еще Вы должны сделать, дорогой друг, – продолжал Нодь с насторожившей Люкса вкрадчивостью в голосе. – Для нас. Поймите, мы не поклоняемся, не раболепствуем униженно и все такое. Мы просто считаем Вас... хорошо, пусть будет так, добровольно выбираем Вас своим верховным сюзереном. Что значит "зачем"? Как говорит наш о-очень крупный друг Кувалда: "в любом социуме должен наличествовать лидер!" Еще ничего про Вас не зная, один из нас дал Вам имя Люкс, что в переводе на любой темницкий язык, а не только на наш бошский диалект современного языка, заметьте, означает Свет. Но поскольку Вы наш сюзерен, и мы Ваши друзья, а не сервы, это значит, что мы Ваши рыцари. Рыцари Света. Однако тут есть неувязка. Рыцарем нельзя назваться самому. В рыцари надо быть посвященным своим сюзереном. Как? А для этого завтра с первыми лучами солнца мы – каждый – опустимся перед Вами на одно колено, а Вы легонько ударите каждого же палашом плашмя по плечу и скажете: "Нарекаю тебя рыцарем Света. Да здравствует Свет!". Мы ответим: "Да сгинет тьма!".

– Это еще зачем? – подозрительно спросил Люкс.

– Таков обычай, – пожал плечами Скаврон. – Это как бы свяжет нас с Вами взаимной клятвой. На всю жизнь. Если не верите – пожалуйста, можете посмотреть в меня и убедиться. Что касается дежурства... – поспешно зачастил он, уводя разговор в сторону, – то...

– ... то мне все равно не спать, – с горячностью подхватил Люкс. – Отдых, мне обеспечивает Манон, Когда я... когда она... – он густо покраснел, покраснел настолько, что это стало заметно даже в неверном свете костра, – в общем, когда она мне массирует голову, я очень даже отдыхаю и восстанавливаю силы.

– В общем, договариваемся так, – сказал Нодь. – Если Вы, Люкс, почувствуете, что хотите спать, тут же разбудите кого-нибудь из нас. Все равно, кого. Поверьте, Люкс, если то, что мы все тут думаем, правда, самое страшное для Вас заснуть телом при... как бы это сказать... отдельно бодрствующем духе. При всем на то желании ваш дух может не суметь вернуться в тело. Место может оказаться занято.

– Не понял... – насторожился Люкс.

– Мы и сами не все понимаем, – вздохнул Нодь. – Может быть, это все чушь и глупость, но... рисковать-то нельзя.

– Что вы еще тут напридумывали? А ну, выкладывайте дальше, до конца выкладывайте, протуберанцы вам в задницы!

Друзья смущенно переглянулись и снова дружно уставились на Кувалду.

Кувалда помотал головой и опять вздохнул, в который уже раз.

– Свести у вас, паразитов, нет, до печенки достали... Люкс, дорогой, поймите, во мне самом весь мой опыт, все знания, вся моя натура сопротивляется этой идее. Но если все-таки принять это за рабочую гипотезу, все факты без изъятия укладываются в стройную и непротиворечивую картину, тысячу раз обкашлянную доброй дюжиной философских школ. Борьба добра со злом, тело демиурга – ваше тело – как поле их битвы, если напряжетесь, то наверняка

вспомните все и сами. В зле отсутствует творческое начало, зло может только заявиться на все готовенькое, зря, что ли, адепты Темного бога костями ложатся, чтобы Вас схватить? Будь я проклят! Голова кругом идет. Говорю же – сам готов поверить! Хоть бы взять физическую силу. До сих пор я еще не встречал людей, которые смогли бы выстоять против меня один на один в кулачном бою. А с Вами бороться я даже пробовать не буду. Раздолбать целую стаю кенгуров голыми руками! Да у меня и полшанса нет против Вас. А всякие другие умения и способности? А почему при встрече Скар дал Вам имя Люкс, он тогда еще ничего не знал... совпадение? Очень характерное совпадение, согласитесь. Я решил, я тоже пойду с Вами, Марсала никуда не убежит.

– И с какой же целью? – запальчиво спросил Люкс. Присутствующие дружно рассмеялись.

– Да цель свою сейчас Вы один только и не видите. Всем остальным она уже яснее ясного, и темным адептам, и нам, грешным. А сейчас давайте молчать. И спать. Завтра. Все завтра. Спокойной ночи нам всем.

Устраиваясь рядом с Кувалдой, Скаврон тихонько шепнул другу:

– И ты еще говоришь, что нет для тебя веры? Я тебя насквозь вижу. Ты веришь, что Люкс все, что надо, поймет, все, что надо, узнает, во всем разберется, да и поднимет людей против зла, тьмы и поганой сволочной серости. Скажешь, нет?

Кувалда долго возился, устраиваясь поудобнее, ворочался с боку на бок. Наконец, он улегся на спину, заложил руки за голову и буркнул себе под нос, так что Скаврон сказанное еле расслышал:

– Это не вера. Это надежда.

Ночь была тихой. Нет-нет, все, чему полагалось быть, было. И крики ночных птиц, и возня в зарослях, и шумные всплески на реке. Но все удивительным образом гармонировало с этой первой настоящей человеческой ночью в жизни Люкса, с ее тишиной, с ее безумным очарованием и с тем, что чувствовал он сам в этой ночи.

А в нем ... что-то в нем случилось... что-то происходило... очень мощное, значительное. Он испытывал огромный душевный подъем, с которым самым удивительным образом не только не входили в противоречие, но с которым даже сливались – дополняя – и головная боль, и совершенно противоестественная боль в позвоночнике. Его сознание дробилось и распадалось на мелкие подвижные фрагменты, чтобы сливаться в новых, невысказанных сочетаниях, оплывать, разрушаться и воссоздаваться на сотые доли секунды в ускользающих кластерах, юрких, как ртуть. Странные, невыразимо прекрасные мелодии сминались и опадали под напором причудливых образов – зрительных?... возможно, но, может быть, и не вполне – и трансформировавшихся в полную себе противоположность прежде, чем он успевал их осознать или опознать. Хаос усиливался с каждым ударом сердца, каждым толчком пульса в висках, он заполнил всего Люкса, и переполнил, и выплеснулся наружу, и... чьи-то легкие руки легли ему на плечи, чье-то лицо, разгоняя туман перед глазами, приблизилось к его лицу, чьи-то мягкие губы нашли его рот, и прижались, размыкая судорожно стиснутые губы. Это она! Она! Ее лицо, только что нависавшее сзади над плечом, оказалось вдруг где-то внизу, под ним, его тело – обнаженное, могучее и совершенно незащищенное тело – оказалось в плену нежных колец ее рук, ее ног, и – ах! – он провалился в... куда?

В перенасыщенный соляной раствор упал крохотный кристаллик соли. В хаосе прорезался стержень кристаллического дендрита. Центр кристаллизации. Основа нового порядка, сначала ближнего, но стремительно разрастающегося в теле – вперед, назад, во все стороны. Мироздание получило точку опоры. Правда, в плече его сидит клонфильтр. Ему, пусть уже и поврежденному энергетическим разрядом, до сих пор удавалось вовремя распознать и, если не удалить, то подавить зародыш. Но, правда и то, что с каждым разом делать это было все

труднее. Да и вообще, для этой операции нужен сон. Сон и безумие несовместны. Пока длится безумие, сну места нет.

3

На то, чтобы оглядеться и освоиться, Ане-Сурие отводилась ровно неделя и ни днем больше. Времени катастрофически не хватало, его было нужно экономить и всячески уплотнять, поневоле приходилось жалеть, что ты отложенный фантом, а не самый обычный с жидкокристаллическим телом. Тогда можно было бы работать все двадцать четыре часа в сутки и не тратить прорву времени на сон и отдых.

Оказалось, что упорная дрессура Генрика принесла-таки свои плоды. Все ей здесь, на шестом, было привычно и знакомо: места, обстановка и даже люди... да-да, именно так, даже люди. И линия поведения, которую он для нее разработал, и которую вдолбил ей в плоть и фант бесконечными упорными тренировками, была теперь для нее чем-то вроде родной кожи – без боли и крови не отодрать.

Два дела, по словам Генрика, были для нее абсолютно приоритетны. Во-первых, она должна была определить "тихарей", которых Гольденцвикс наверняка приставил к ней для слежки. Во-вторых, ей надо было подыскать себе "аварийное лежбище". Однако пока тихари ей неизвестны, заниматься устройством "лежбища" было бессмысленно даже и пытаться.

Обе ячейки, ключкарты от которых вручил ей Гольденцвикс, оказались выше всяческих похвал. Особенно вторая, снабженная кроме обычного инфора еще и мощнейшим дизайнерским компьютером – сущая зверюга, мощи хватит чуть ли не для копирования человеческого фанта, если человек этот, конечно, не запредельный интуитивист. Этот компьютер умудрялся одновременно поддерживать прямо в ячейке сразу несколько сложнейших фантом-рекламных заготовок, отчего с нею приключился комический казус... то есть, это потом он показался ей до слез смешным, а вот когда в темноте ячейки мощные лапы ухватили ее за бедра и принялись лапать за, так сказать, "все на свете", ей было совсем не до смеха.

Уже на второй день пребывания в Городе Ане-Сурие нестерпимо захотелось пройтись по памятным местам. Как ни смейся сама над собою, но приходилось признать, что замучила ее именно ностальгия. Причем – такая вот странность! – ей с одинаковой силой хотелось как на поверхность, в район космопорта, в родные места Аны, так и в нижние уровни Города, места, близкие Сурие... что было, воля ваша, не вполне понятно. Наверное, влияние тела в отложенном фантоме даже на базе клонбоди было много больше, чем полагали высоколобые теоретики.

Первое, чем ей удалось хоть как-то насладиться, так это, разумеется, Бродвеем. Неприятно одно: шагу не удавалось ступить, чтобы тут же к ней не начинали "клеиться" всякого рода любители спелой клубнички. Оказалось, что жизнь красавицы имеет свои – и многочисленные! – теневые стороны.

Нет, она совсем не была бы против кое-кого из таких любителей. Тем более что вся ее натура настойчиво требовала мужчину. Но ей приходилось все время помнить о своих ноготках, она вынуждена была постоянно сдерживаться и на пушечный выстрел не подпускать к себе мужиков, хотя бы и из боязни засветиться раньше времени... а это было совсем не просто и очень досадно.

Старые знакомые Сурии теперь видели ее либо в кафе, сидящей над хайболом с дринком в одиночестве и в глубоком раздумье... из которого вывести ее было совершенно невозможно никакими усилиями... либо в седле турбоцикла, уносящейся на бешеной скорости черт знает куда, зачем и почему.

Чтобы не засыпаться в первые, наиболее опасные дни пребывания на Азере, Ана-Сурия грубо и резко отшивала от себя всех знакомых, пытавшихся заговорить или в том или ином виде пообщаться. Она с яростью набрасывалась на старых друзей Сурии по зеленому движению, которые пытались привлечь ее к работе по восстановлению Азеры. Но с особенной тща-

тельностью она избегала встреч с кем-нибудь из знакомых с десятого уровня, со всяческими "друзьями дома", которые, как она предвидела, будут с завидным упорством наставлять заблудшую овечку на путь истинный. Свидания с "родными", естественно, в ее планы не входили. Уж они-то точно раскусили бы подделку в единый миг. Ей нужен был только один человек. Только Рекс Азерски, ради которого все и затевалось. Но вот он, как раз, и не предпринимал для встречи никаких шагов. Не доложили ему, или... почему? Оно, конечно, неплохо, пока она была к встрече совершенно не готова, но все-таки? Забыл он меня... то есть, ее, что ли? Очень может быть, что и забыл, раз у него есть теперь эта самая Эли. В то, что "отдыхающий алмаз", по словам Юри, до нее не дотягивает, Ана-Сурия не слишком-то верила.

Все наработки Генрика, Ана-Сурия выполняла самым скрупулезным образом, однако тихари вычисляться не желали. Вначале она подумала, что они с Генриком ошиблись, и никакой слежки за нею никто не устанавливал. Однако по зрелому размышлению Ана-Сурия решила, что в этом случае Гольденцвикс лично измозолил бы ей глаза. А он после памятной оплеухи глаз не казал. Не тот это был человек, чтобы простить и забыть. Отложил, сволоочь, расплату на потом. А раз так, он должен был глаз с нее не спускать, чтобы исключить всякое "вдруг". Нет-нет, слежка была. Просто она была профессиональной и очень качественной. Методам "сбрасывания хвостов" Генрик ее обучил, но, не видя этого хвоста, как она могла быть уверена, что избавилась от него? Она и не пыталась.

Среди прочих советов Генрика был один, как нельзя лучше подходивший к сложившейся ситуации. Генрик советовал поставить тихарей в условия, когда они поневоле вынуждены были бы раскрыться. Для этого ей нужно было постоянно оказываться в малолюдных местах и проводить "фейсконтроль" окружающей публики, фиксируя в памяти всех оказывающихся поблизости людей. Вряд ли этих тихарей к ней приставлено было много, так что рожи, что будут попадаться ей часто, именно им и будут принадлежать.

Совмещая приятное с полезным, она первым делом посетила свой родной поселок на поверхности планеты вблизи космопорта, где жили с незапамятных времен докеры и, вообще, вся портовая обслуга.

Картина, открывшаяся Ане-Сурие, как только платформа пересекла створ шлюза, потрясла ее до глубины души. Разница с тем, что она увидела в день прибытия, была поразительная. Вместо удушливого ржавого тумана ее встретил чистый воздух, которым вполне можно было дышать. Немногочисленные пассажиры платформы даже не стали надевать респираторы... впрочем, наружные карманы, в которых по требованиям техники безопасности эти респираторы следовало держать, у всех до единого явственно оттопыривались. Противный запах в воздухе, конечно же, ощущался, но был вполне терпимым, а персональные газоанализаторы, которыми снабжался каждый человек, покидающий Город и выходящий на поверхность, ни малейшей тревоги не проявляли.

Как ни странно, поселок отнюдь не был совсем заброшен, как она ожидала. Ана-Сурия прошла по улицам, постояла у родного дома, не удержавшись, поздоровалась с родной теткой, с которой во время оно находилась в весьма сложных отношениях, и даже выпила порцию дринка в крошечной кафешке у хорошо знакомого по прежней жизни бармена.

Поселок изменился. Очень. Когда-то он утопал в зелени. Сколько Ана себя помнила, одним из самых трудных и насущных дел его обитателей была борьба с наступающей зеленью. Стоило только зазеваться, как лес врывался в улицы поселка и занимал все не забетонированное пространство внутри городской черты. Впрочем, справедливости ради, следовало отметить, что это была не борьба с зеленью, а попытка отстоять право расти на улицах для иномирных латаний – красивых пальм с широкими разлапистыми листьями на вершинах – по азерской легенде, они были завезены аж с самой Земли еще первыми поселенцами.

Сейчас в поселке не было никакой зелени. О растительности напоминали только черные обугленные стволы деревьев. Впрочем, нет – кое-где из-под земли уже снова пробивалось нечто зеленое и живое.

– Сейчас-то жизнь налаживается, – говорила тетка любознательной незнакомке. – Работы навалом, платят хорошо благодаря комтессе, храни ее все звезды вселенной. А уж как про нее тут врал, вы бы слышали, особенно эти Старкоффы, дурили нам головы, паразиты. Недаром они все смылись с Азеры и эмигрировали, да еще и деньги все с собой утащили. Я так считаю, что кто был против Гнезда, не надо, конечно, хватать их и сажать, тут молодой комт, в смысле, вице-король прав. Но вот имущество ихнее следовало конфисковать для целей раззагаживания поверхности и на нужды пострадавших.

Тетка, естественно, давно уже позабыла, или делала вид, что позабыла, как когда-то в уличных перепалках с пеной у рта отстаивала идею строительства города, а комтессу ругала эгоисткой и жлобкой. Теперь она, конечно же, "всегда говорила", что Город – это жульничество и обман... которые должны быть непременно наказаны.

– Комтесса бы точно это сделала и всем вклепила, но командует у нас сейчас Рекс. А он – мужик, что с мужика взять, мужики отходчивые, не в пример нам, бабам. Он на эти мои слова отвечает в том смысле, что нужно уметь прощать, если человек искренне повинился. Прощеный человек, говорит, из кожи вон вывернется, чтобы все исправить и сделать, как лучше. Не удалось мне его убедить, а жаль.

– Вы с ним разговаривали лично? – удивилась Ана-Сурия.

– Конечно. И не один раз. Мы с ним старые знакомые. Он подростком в космопорте дневал и ночевал, за ним тогда еще племянница моя... девки местные, короче говоря, дуры, все норовили под него пристроиться... простите за вульгарность. Он чуть ли не всех в нашем поселке знает по именам. Даже сейчас, когда тут бывает, разговором со старыми знакомыми не гнушается, хоть и вице-король, и занят выше головы.

Ана-Сурия, изображавшая собой любознательную туристку, сочла необходимым изобразить вежливое недоверие.

– И когда же он прибудет в следующий раз? Я бы не отказалась разочек на него взглянуть.

Тетка снисходительно рассмеялась.

– Ну, кто ж это может знать? Он сюда ездит по делам, и про свои дела никому не докладывает. Вы, я так понимаю, туристка?.. из Старых Миров?.. Интересуетесь посмотреть, кто это так Объединенным Компаниям задницы надрал? Порядков Вы наших здешних не знаете, вот и удивляетесь. А у нас с людьми из Гнезда договориться всегда было не в пример легче, чем с любым мелкотравчатым чинушей из самой занюханной канцелярии при Совете.

Ана-Сурия направилась дальше, с наслаждением играя в "туристку из Старых Миров".

Еще разговаривая с теткой, она обратила внимание на двух зевак, явно не азерцев, пялившихся на все окружающее с восторженным видом завзятых бездельников, дорвавшихся до экзотики. Мужички были на редкость незаметные, способные бесследно раствориться в любой толпе. Собственно говоря, она и в бар зашла не столько выпить, сколько поглядеть, не окажутся ли они рядом и в баре. С удовольствием отметив их появление в дальнем углу у дринкомата, она сделала вид, что тутошняя экзотика ей успела осточертеть, и направилась к транспортной стоянке. Шла она совершенно одна, так что даже засомневалась, не ошиблась ли. Однако парни оказались вместе с нею на одной платформе, возникнув при посадке, будто из-под земли. Сердце Аны-Сурии забило в сладостном предвкушении.

Далеко идущие выводы делать было рано, но имелось еще одно памятное место, которое она очень хотела посетить, и которое – уж обязательно – должно было оказаться пустынное некуда. Это был санаторий при Центре управления перевозками, из которого когда-то ей удалось совершить свой дерзкий побег.

Ана-Сурия справедливо полгала, что вряд ли санатории во время беспорядков продолжали исправно функционировать как пенитенциарные давилки для кишок. Разгулявшиеся люмпены наверняка выпустили подсанационных на свободу. Ей представлялось совершенно очевидным, что для городских властей восстановление санатория, обеспечивавшего грузоперевозки для Объединенных Компаний, совсем не являлось первоочередной задачей. Ана-Сурия решила попробовать, если удастся, проникнуть внутрь – ностальгия заела, что поделаешь! – а заодно и посмотреть, не окажутся ли поблизости во время этой ее прогулки знакомые гнусные рожи тихарей.

Ни турбоцикл, ни любой другой персональный транспорт для ее целей не годился, не та у нее была антисыщичья квалификация, чтобы в движении засечь слежку. Человеку, не имеющему опыта, наблюдать за окружающими удобнее было, не отвлекаясь на управление машиной. Она решила воспользоваться общественным транспортом.

И здесь ей сопутствовала удача. Вначале она заметила одного из своих знакомцев в межшахтном экспрессе. Второго поблизости не оказалось – если это были тихари, то они, возможно, разделились, чтобы наблюдать по очереди и не мозолить объекту слежки глаза. На межуровневых эскалаторах вблизи оказался второй ее знакомец. Ана-Сурия обрадовалась этому обстоятельству чрезвычайно. Во-первых, стало совершенно очевидно, что она в них не ошиблась. А во-вторых, у нее появился шанс определить, сколько тихарей к ней приставлено. Если в какой-то момент окажется, что вблизи нет знакомых рож, это будет означать, что она вычислила не всех своих "опекунов".

В гидропонном экспрессе второго сменил снова первый тихарь, у самой поверхности рядом оказался второй, Ана-Сурия ликовала: это тихари, она их вычислила, и их всего двое. Ее рабовладельцы отнеслись к ней не вполне серьезно, и этим дали шанс на жизнь.

Как и следовало ожидать, тихари за нею на территорию санатория не пошли, расположившись таким образом, чтобы гарантированно перехватить ее при возвращении. Ана-Сурия видела их насквозь: она для этих самодовольных самцов была всего лишь красивой блондинкой, то есть существом тупым по определению, относиться к которому серьезно было просто нерационально. Что она может вернуться другим путем, воспользовавшись санаторными лифтовыми клетями, этим кретинам и в голову не пришло. Еще бы! Для этого она должна была уметь думать, а этой способности они в ней и предположить не хотели.

Вообще-то, во время их упорных тренировок Генрик предостерегал ее от недооценки интеллекта тихарей. Он говорил:

– Ни в коем случае нельзя просто стряхивать их с хвоста. Они тут же поймут, что ты их вычислила, и это создаст тебе массу проблем.

– Но ведь это так приятно – щелкнуть сволочей по носу.

– Да, приятно, – соглашался Генрик. – И только тебе решать, стоит ли минутное удовольствие целой кучи проблем. Во-первых, начальство их вздрючит, отчего их рвение многократно возрастет. Во-вторых, они почувствуют себя оскорбленными, что их провела блондинка, и это тоже создаст тебе дополнительные проблемы. В-третьих, Гольденцвикс к тебе начнет относиться серьезно и в лучшем случае пришлет тихарям подмогу, а в худшем их просто заменит... оно тебе надо все начинать сначала? Ну и, наконец, все заинтересованные лица задумаются: а на кой черт этой мерзавке понадобилось рубить хвосты? Как ты думаешь, к какому выводу они придут?

Он был, как всегда, чертовски убедителен. И Ана-Сурия невольно задалась вопросом, откуда ему, яйцеголовому научнику, известны все эти сыскные премудрости?

Генрика эта ее озадаченность так развеселила, что хохотал он долго и вкусно.

– Ну, ты спросила! Я же говорил тебе, что довелось мне в моей жизни поокаянствовать на ниве киллерства. Как считаешь, много бы я накиллерствовал, не зная повадок санаторов?

Генрик был прав, опять же, как всегда, и его совет – избавление от хвоста должно выглядеть а-абсолютно естественной случайностью – был Аной-Сурией воспринят не только как истина в последней инстанции, но и как руководство к действию.

Ана-Сурия была намерена войти через портал санатория, а выйти назад в Город через порталы ЦУПа – если удастся, разумеется – и посвятить остаток дня обзаведению парочкой надежных лежбищ.

За санаторным порталом ее встретила гробовая тишина. Все внутренние порталы были открыты, все румы, даже кордегардия и помещения канцелярии санатория были абсолютно пусты, биоппы посты, на которых, как она помнила, всегда торчала парочка – другая мордово-ротов, были вертухаями брошены, причем, судя по всему, весьма поспешно.

Ана-Сурия проходила коридор за коридором, заходила в румы, в которые во время оно и одним глазочком не посмела бы заглянуть, нигде не было ни единого человека. Все вокруг носило следы поспешного бегства охраны и последующего чудовищного разгрома, что учили ворвавшиеся толпы люмпов. Все охранные киберсистемы, информационные сети и хранилища информации были основательно и с полным знанием дела разгромлены, в чем Ана-Сурия лично убедилась, попытавшись к ним подключиться. Электронные системы слежения и контроля – в том числе система глобального внутреннего видеонаблюдения (ура!) – были выведены из строя с не меньшей основательностью. Ане-Сурие было очень трудно себе представить, что подобный разгром, уничтоживший все следы информации о содержавшихся здесь подсанационных, мог быть проведен озверевшей толпой бесноватых гидропонщиков. "Впрочем, что это я?.. – удивилась она собственной глупости. – Сами подсанационные и громили. Они-то точно знали, что к чему, где и для чего. Тут и оконтаторенные сиживали. Попробуй-ка их теперь отловить, да засадить обратно. Вспотеешь доказывать, что они – беглые".

Впрочем, когда она добралась до мест бывшего обитания руководства санатория, до "белых румов", то увидела, что некую уборку – пусть и самую поверхностную – тут проводили.

Ана только теперь сообразила, что нынешние городские власти вряд ли могли оставить санатории вообще без охраны, или, хотя бы, без наблюдения, и тут же почувствовала себя неуютно. Место было абсолютно пустынное, и если нарваться на вертухая... черт его знает, что может придти в тупую биоппю башку?

– Опять кого-то принесло на мою голову! Что тебе тут надобно, стервочка? Любопытствуешь, или ищешь чем поживиться?..

Голос был знаком. До жути. Ана-Сурия повернулась, уже зная, кого увидит.

Да. Это была она. Та самая фельдшер-биоппша, Жаба, лесбиянка и садистка, что так издевалась над Аной в последние дни перед побегом.

– Госпожа Бюллер? – в голосе биоппши имело себя быть безмерное удивление, смешанное с испугом. – Простите мне мою дерзость, отсюда то и дело приходится вышибать всяких оглоедов и поодиночке, и группами... но что Вы-то здесь... еще раз простите, Вы, возможно, не знаете? На Вас разослана ориентировка. Ваш брат, папаша, да что там – сам Координатор Ховрин лично требуют разыскать Вас, во что бы то ни стало.

– Ай, да пошли они, – перебила Жабу Ана-Сурия. – Если бы ты только знала, как они все меня достали! Я надеюсь, что мы с тобой найдем общий язык: ты не видела меня, я тебя, и все довольны. Ты, во всяком случае, уж точно останешься довольна.

Жаба растерялась. Глазки у нее бегали, рожа покраснела и приняла потешное умоляющее выражение.

– Но, госпожа Бюллер, и Вы меня поймите. Ориентировку разослала сама полковник Флери, а она будет похуже генерала Жарко. Ей ничего не впарить, она меня как муху! Видеонаблюдение здесь, внутри санатория, не восстановлено, но по периметру вполне себе функционирует. Так что Ваше появление записано. Как ни кинь – всюду клин, или я прозевала, или... и того хуже. Все записи раз в неделю просматриваются внутренней безопасностью седы-

мого уровня, а там сейчас заправляют мальчики этого выскочки Гронкса. С ними не договоришься. Они по молодости, по отсутствию положительного примера и от общей дефективности ума благодарность воспринимают только в виде почетных грамот и прочих умозрительностей, которые по своей идеалистической неосязательности вовсе ничего не дают нам в ощущениях.

Пока Жаба с предельно страдальческим видом изливала из себя эти философические соображения, Ану-Сурию озарила счастливая идея, чуть не заставившая ее завизжать от радости.

– Но и ты меня пойми. Отцу вперлась в башку мысль выдать меня замуж. Меня! – Ана картинно передернулась. – Я при одной мысли о мужике в моей постели впадаю в лютость! Чтобы по моему телу шарили гнусные мужские лапы волосатые? Я от омерзения на месте содохну. Я привыкла к нежному обращению!

Глазки Жабы явственно замаслятели.

– Нет, – продолжала Ана-Сурия с горячностью, как бы не замечая реакции собеседницы, – Нет, нет и нет! Никогда. Ходят вокруг, выпятив грудь, и тем, что считают своими мускулами, выпендриваются... сволочи. Нет у них и в помине женской тонкости чувств, гладкости и нежности женской кожи, грубые, примитивные скоты. Возьмем, например, тебя. Разве у тебя мало силы? Да боже ж мой, ты любого мачо согнешь в бараний рог! – Ана-Сурия обеими руками ухватила за бицепс биопши, – Вон он какой! Вон какой! Да у них нет и тени чего-нибудь подобного. Ты вся состоишь из мышц. Ты просто олицетворение мощи. Представляю себе, как приятно прижаться к такому телу. А кожа! Какая у тебя кожа! Разве у мужиков бывает такая кожа?! – Теперь Ана-Сурия уже вцепилась правой рукой в ладонь Жабы, а самыми кончиками левой медленно и нежно погладила ее запястье и полезла в рукав. Жаба закатила глаза за лоб и забыла дышать. Ана-Сурия тоже изобразила тяжелое дыхание и прижалась к биопше бедром.

– Слушай, – жарко шептала она, всю охальничая пальчиками, – сколько ты тут получаешь? Гроши, небось, какие-нибудь? Бросай-ка ты свою службу и иди ко мне в бодигарды. Платить буду впятеро против твоего оклада, и служба у меня для тебя будет не лишенная приятности. А насчет стероидов не беспокойся, чепуха это, хватит тебе стероидов выше крыши, собственноручно всю задницу исколю.

Жаба, не в силах сказать ни слова, от избытка чувств часто моргала и соглашалась, кивала головой. Она осторожно положила свою лапу на талию собеседницы, потом, решившись, осторожно передвинула ее пониже. Ана-Сурия с готовностью прижалась к ней всем телом и, глядя на биопшу снизу вверх, прошептала жарким шепотом, – Так, говоришь, видеокамеры внутри периметра отключены? Слушай, я всегда мечтала посмотреть... покажи мне ваши карцеры, а? Говорят, это нечто. Они же сейчас пустые, и по путепроводам никто не ездит. Покажи, а?..

– Конечно, госпожа, Вы прямо сейчас хотите?

– Ну, раз уж я все равно тут, зачем откладывать? – удивилась Ана-Сурия и, с наслаждением посмотрев на свои ногти, сунула их прямо под нос биопше. – Красивые у меня ногти, правда?

4

Приняв слева Дордонь, а справа Арну, и без того многоводная Рона превратилась в ту широченную красавицу, которую франконцы с гордостью называют Матерью вод.

Могучее течение и само по себе было достаточно быстрым, а под парусом, да еще при попутном ветре, тримаран мчался со скоростью, приводившей путников в изумление. Исключение составлял, разве что сам Люкс, которому за отсутствием опыта просто не с чем было эту скорость сравнивать.

Лодка скользила вдоль правого крутого берега реки. За рулем сидел Кувалда. Скаврон с Нодем пристроились рядом и ревниво следили за тем, как ловко он управляется с судном. И то сказать – опыт есть опыт, когда лодкой правил Кувалда, шла она ничуть не хуже, чем у самого Люкса. Манон и Люкс перебрались на нос тримарана, где Манон, по уже сложившейся привычке, устроила голову Люкса на своих коленях и осторожно массировала ему виски и переносицу.

Вскоре должны были начаться обжитые места, однако пока еще они плыли среди нетронутой, чуть ли не девственной природы, хотя сказать, что нога человека здесь не ступала, было бы явным преувеличением. Люди тут бывали, и, видимо, достаточно часто. Друзья встречали на берегу кострища, иногда даже и обустроенные. А несколько часов назад между двух островов видели парусную лодку не то рыбаков, не то охотников, при виде тримарана удравшую и спрятавшуюся с быстротой, поразительной для столь неуклюжей на вид посудины.

И берега реки, и острова, встречавшиеся на пути достаточно часто – местность вокруг была холмистая, и полноводная Рона, обтекая холмы, превращала в острова их вершины – так вот, все это сплошь заросло гигантскими деревьями. Такие деревья, по словам Кувалды, нельзя было встретить не только во Франконате или Гегемонате, но даже и в Свенланде, их повсюду давно уже вырубил люди на свои хозяйственные нужды. Земля тут была на редкость плодородна, а климат, пусть и не свенландский курортный, был, тем не менее, вполне себе ничего. Однако места эти до сих пор оставались дикими и необитаемыми. Даже лес здесь не валили, хотя и Франконат, и Свенланд очень нуждались в приозерском корабельном и мачтовом лесе.

Объяснение этому факту было предельно простым: викинги.

Если селиться в Приозерье было равносильно самоубийству, то попытки проводить лесоразработки предпринимались отчаянными головами неоднократно. Вот только удавались эти попытки только тогда, когда власти франконата давали для прикрытия лесорубов воинские отряды, что делало лесоразработки абсолютно нерентабельными. Приозерский лес, можно сказать, пропадал зря, и когда Рона пронесла мимо понимающих людей какие-нибудь плюхнувшиеся в нее от старости необъемные стволы сосен, пальм или стройные звенья хвощей, представлявших собой готовые великолепные трубы, с ними, особенно с франконцами, поголовно знающими в дереве толк, приключалась чуть ли не истерика.

Плавучие бревна, между прочим, в воде случались нередко. Тримаран с его матерчатыми поплавками и сам по себе был сооружением достаточно хрупким, а учитывая поврежденный левый поплавок, можно сказать, чудом держался на воде. Так что способность Люкса безошибочно "радарить" в полной темноте воспринималась друзьями как нешуточное благо, поскольку позволяла не останавливаться на ночлег. Все равно Люкс категорически отказывался спать ночами и отдыхал днем, вот так же устроившись головой на коленях Манон.

Манон по-прежнему действовала на Люкса лучше любых лекарств. Стоило ей положить голову Люкса на свои колени и начать поглаживать ему виски и переносицу, как боль у него тут же стихала, он впадал в дрему, практически спал... почти... и просыпался, насколько друзья могли судить, без существенных прорех в памяти.

Если раньше и были сомнения в целительности для Люкса подобного отдыха, то после первых же дней пути они полностью развеялись. Впрочем, циничный Кувалда склонен был отнести целебные эффекты на счет отнюдь не примитивного массажа, а несколько иных гимнастических упражнений, которым эта пара предавалась каждую удобную минуту... в каком-то мнении и был энергично поддержан практичным Скавроном.

Отношения, которые завязались между Люксом и Манон после памятной первой ночи на Роне, разумеется, никакой тайной для спутников не были, да и быть не могли. Безусловный лидер и непререкаемый авторитет, в каком-то смысле Люкс выглядел – да, в сущности, и был – большим ребенком, для которого Манон стала женщиной во всех возможных смыслах: и любовницей, и подружкой, и даже чуть ли не матерью. Люкс смотрел на нее восторженно – ошалелыми глазами, кидался немедленно исполнять любое ее желание, любой каприз. В сексе она, опытная и зрелая женщина в полном расцвете красоты и женственности, вначале взяла на себя ведущую роль. Впрочем, ученик оказался талантлив. Люкс и в этом смысле развивался настолько стремительно, что вскоре Манон смогла с радостью свалить с себя бремя лидерства. Она отдавалась Люксу так пылко и безоглядно, с такой страстью и откровенной радостью, что и у значительно более опытного мужчины в любовном угаре не возникло бы сомнений в силе ее ответного чувства. Впрочем, судя по всему, остальные на этот счет особо не обманывались. Кувалда смотрел на Манон философски – понимающе. Практичный Скаврон поглядывал не менее философски, однако же, в его взгляде присутствовала изрядная доля одобрения. Что касается Нодя, то его сложившаяся ситуация явно тревожила и огорчала. Выждав удобную минуту, он тихонечко шепнул управлявшему лодкой Кувалде.

– Я что-то не пойму, Манон в жены ему надеется?.. Или как?..

– Думаю, что "или как", – пожал плечами Кувалда и покосился на нос тримарана.

– Спросил бы на правах старого друга. Жалко девочку.

– Спрашивал.

– И что?

– А она мне задала встречный вопрос. Как я полагаю, можно ли простой франконке, кроме длинных ног других достоинств не имеющей, быть женою бога? Богу, она считает, можно отдаваться, но надеяться жить с богом в супружестве – идиотизм... И понять ее можно.

– Женою – оно конечно, – вмешался Скаврон. – Но Манон девочка умная, детей у нее нет, она знает, что делает.

– Не понял?!

– Чего ж тут не понимать?

Нодь посмотрел на Скаврона ошеломленно и перевел вопрошающий взгляд на Кувалду. Кувалда криво усмехнулся и сказал.

– Утверждать не берусь.

– А если он в нее заглянет? – ужаснулся Нодь.

– Без ее позволения – никогда, – уверенно заявил Скаврон. – Да если бы и заглянул? Что она делает такого осудительного? Кто сказал, что человеческая... э-э... женщина не имеет права на сына от бога? Такое и раньше случалось.

И в этот момент Манон с коротким вскриком исчезла из поля их зрения, лодку сильно потрянуло, Люкс оказался уже стоящим на ногах и ревел багамутым ревом:

– К берегу! Живо!

В кулаке у Люкса была зажата красная стрела викингов. Обитаемый мир напомнил о себе самым обескураживающим образом.

Кувалда уже развернул тримаран носом к берегу, выцеливая ближайшую песчаную отмель.

– Манон! Где Манон! – истошно вопил Скаврон, тоже вскочивший на ноги.

– Да тут я, тут, – сдавленно выкрикнула со дна лодки невидимая с кормы Манон, – Люкс, сними с меня колено, ты меня раздавишь!

– Да-да, только ты не вставай... пожалуйста.

Нодь ошеломленно пялился на стрелу, все еще зажатую в его кулаке:

– Ты... поймал?!

Люкс непонимающе перевел взгляд на кулак, кулак непроизвольно сжался, стрела, хрустнула и разломилась сразу на три части. Люкс выбросил ее за борт и брезгливо вытер руки о штаны.

С берега сорвались одна за другой еще две стрелы, обе нацеленные в управлявшего тримараном Кувалду. Стрелок был классный. От первой Кувалде удалось уклониться, но вторая поймала его в броске, гулко шелкнув о нагрудную пластину панциря. Панцирь полностью подтвердил свою славу несравненного защитного оружия, стрела с визгом отлетела в сторону. Но Кувалда на несколько мгновений потерял контроль над тримараном. Тримаран вильнул в сторону, и его многострадальный левый поплавок врезался в торчавшую из воды корягу. Тримаран резко развернуло, из-за чего четвертая стрела настырного стрелка "ушла в молоко". Левый поплавок стремительно уходил под воду, однако отмель была уже рядом, собственно, их уже вынесло на нее, и злополучный левый поплавок тримарана ощутимо цеплялся за песок.

Лицо у Люкса было заострившееся, глаза прикрыты, он резко выбросил руку в сторону Скаврона.

– Арбалет!

Скаврон торопливо сунул в протянутую руку арбалет с уже натянутой тетивой. Люкс поднял руку с зажатым в ней арбалетом, не открывая глаз, повел головой слева направо, тетива арбалетного лука басовито вжикнула, и вниз по косогору с шумом и треском покатилося чье-то – теперь уже, вне всякого сомнения, мертвое – тело.

– Дозорный, – сказал Скаврон и покачал головой. – В этих местах степняки по одному не ходят. Ай-яй-яй, совсем еще мальчишка. Сопляк, опыта нет. Отличиться захотел, дурачок. Но и остальные, я думаю, где-то поблизости.

Кувалда одним рывком вытащил на отмель тримаран и с сокрушенным видом рассматривал разодранный поплавок.

– Хватит корчить жалостные рожи, – рассердился Нодь. – Никто тебя ни в чем не упрекает, да ты и не виноват, правда, Люкс? А торчать нам тут нельзя. Нельзя, чтобы викинги нас нашли. Мы пешком, а они на гиппах, нам от них не отбиться. Нападать надо первыми, врасплох.

– А если их много? – усомнился Скаврон.

– Тогда в дозоре был бы не один этот щенок, – возразил Нодь. – И мы давно уже изображали бы из себя подушечки для иголок. Манон, ты цела? Осторожнее там, как бы еще не стрельнули. Люкс бросил на него бешеный взгляд, сорвался с места и стремительно помчался вверх по косогору.

– За ним, – крикнул Кувалда. – Растягиваемся цепочкой, у каждого в поле зрения должны быть оба соседа. Кто первый заметит викингов, сообщит остальным. Действуем по обстановке. Присматривай за Манон, – шепнул он, пригнувшись к уху Нодя.

Скаврон и Кувалда, стараясь не отставать от Люкса, карабкались вверх по косогору.

– Видишь, как он взбеленился с Нодевых слов, – шепнул Скаврон другу, – а ей... промолчал.

Он повел головой в сторону широченной Люксовой спины и снова зашептал в ухо Кувалды.

– Он же, можно сказать, не то чтобы дрых без задних ног, но уж точно был в полной отключке. И все-таки успел. И проснуться успел, и госпожу на дно уложить, и стрелу поймать. Нет, ты, конечно, можешь сомневаться, а у меня насчет него нету никаких сомнений.

– Ш-ш! – зашипел Люкс, повернувшись к спутникам, и Кувалда со Скавроном, послушно умолкли.

Люкс снова закрыл глаза и медленно повел головой слева направо. Потом оглядел столпившихся за спиной друзей, с особым неудовольствием задержавшись взглядом на Манон, и покосился на стоящего к ней вплотную Нодя.

– Сюда, – сказал он, указывая направление, и первым скользнул в заросли хвощей.

Через несколько минут сумасшедшего бега им открылась обширная поляна. Посередине поляны торчал высокий, выше человеческого роста обломок ствола обгорелого дерева, в который когда-то, видимо, ударила молния. К стволу был привязан человек. Тут же сновали некие личности, деловито ломая и наваливая вокруг привязанного хворост и вообще всяческий сухойстой. Рядом лежало бревно – скорее всего, верхняя часть того же самого пораженного молнией дерева, на котором примостился, командую, покрикивая и вообще распоряжаясь, средних лет викинг, одетый с варварской роскошью. Сапоги на нем были снятые с гегемонатского малинового гвардейца. Штаны с пуфами раньше принадлежали франконскому придворному шаркуну. Кафтан на скрабьем меху был явно сдрючен с франконского же купчика, а шляпа с перьями и рубаха с жабойным воротником – черт знает, почему, пышный кружевной воротник получил такое неблагозвучное название – вообще были женскими, и происхождение свое вели, скорее всего, из Бразила. Был это, по всей видимости, ярл, один из властителей Великой Степи, а то и – поднимай выше – сам племенной конунг.

Эти, на поляне, ничуть не таились и шумели как багамуты. То ли надеялись на дозорных, то ли – что вероятнее – просто считали себя круче кенгуров. Было их здесь поболее десятка, и компания была странная до помрачения ума. Кроме длинноусых разбойников в нее входило еще несколько особей совсем другого сорта, ожидать появления которых в одной компании с удальцами из Дикого поля было, кажем так, крайне маловероятно.

Длинные до земли грязно-серого цвета рысы, препоясанные веревкой, глубокие капюшоны, не позволяющие рассмотреть лица... так вот они какие, кромешники. Впрочем, у одного, в отличие от прочих совсем не суетливого, капюшон был отброшен на спину, открывая на всеобщее обозрение скрабьеобразную рожу типичного свена. Этот присел на бревно рядом с ярлом и, насколько можно было рассмотреть на таком расстоянии, перебирал в руках четки, благостно поглядывая на четверку ободранных, и избитых пленников, явных купцов, понуро стоявших перед ним на коленях.

Пленник, которого честная компания деловито собиралась поджарить, был человеком совершенно другого рода. Как ни странно, был он тоже викингом, хотя и не имел еще длинных висячих усов – не выросли, вероятно, по причине крайней молодости. В происходящем безобразии он принимал посильное участие, громогласно, обстоятельно и – главное! – очень изобретательно излагая расфуфыренному викингу свое мнение о его генеалогии, сексуальных пристрастиях самого викинга, его родительницы и прочих членов почтенного викингского семейства. Особенно он налегал на постельные достоинства дочки. Если верить воплям привязанного крикуна, с сексуальным образованием юной благонаправленной девицы у ее высокоблагородного супруга в первую брачную ночь не возникнет ни малейших проблем... когда таковой отыщется, конечно, поскольку нынешний жених, экая досада, получил стрелу в пах, и бабы ему теперь вследствие этого прискорбного события оказались без надобности на всю оставшуюся жизнь.

– Я сам оттачивал ее мастерство! – орал юный нахал на всю поляну. – Я работал и старался! А она вся в тебя, она способная! Твоя дочурка теперь по части всяческих постельных изощрений не то, что свенскую гулену, но и любую франконскую шлюху бордельную за пояс заткнет, будь та хоть бы и из самого Арля!

Расфуфыренный, не выдержав оскорблений, выхватил нож. И если бы не кромешник с четками, привязанный добился бы своего – столь желанной легкой смерти. Монах с неожиданным проворством вцепился в расфуфыренного.

– Стойте, стойте, друг мой, он этого и добивается.

– Я не буду его убивать, – орал расфуфыренный. – Я ему отрежу эти его причиндалы, которыми он блудил, и его поганый язык заодно!

– А языком я, по-твоему, что ли не блудил? – глумился и улюлюкал привязанный. – Еще как! И дочка твоя старалась изо всех сил! Нету на наших с нею телах такого местечка, которым бы мы всласть не наблудились для взаимных удовольствий и утех нас обоих, можешь не сомневаться, уж это-то точно!

Расфуфыренный рвался из рук монаха, но тот держал его мертвой хваткой.

– Друг мой, он просто истечет кровью, – рассудительствовал кромешник. – Нет-нет, не нужно торопиться. Он орет от наглости, а надо, чтобы от боли.

– Они хотят сжечь человека живьем? Я правильно понимаю? – повернулся Люкс к друзьям и, не дожидаясь ответа и уже не прячась, неторопливо направился к главарям бандитов, на ходу вытаскивая палаш из ножен. Скаврон с Кувалдой переглянулись и двинулись следом, причем Кувалда со вздохом тоже обнажил оружие, а Скаврон принялся с лихорадочной поспешностью менять в верхнем луке арбалета обычную стрелу на разрывную – врагов было слишком много. Слева из кустов доносилось громкое фырканье гиппов и азартные вопли, там очевидно шаршили купеческий обоз. Нодя с Манон, повинувшись властному жесту Люкса, ломанули напрямик сквозь заросли в ту сторону.

Кромешники и викинги побросали хворост и уставились на непонятно откуда явившихся чужаков.

– Это что еще за чудо природы, друг мой? – картинно удивился монах – Я полагаю, эти идиоты пришли составить компанию нашему жаркóму?

Расфуфыренный викинг плотоядно облизнулся и поманил Люкса пальцем.

– Цып-цып-цып...

– Вам нравится причинять людям боль, сэр? Я правильно понимаю? – Люкс не напрягал голоса, но слышно его было великолепно, причем во всех концах обширной поляны. – Ну, что ж. Сейчас больно будет Вам.

– Взять их! – взревел расфуфыренный.

Более опасными Скаврону показались кромешники, и именно по ним он выпустил из арбалета разрывной болт. Болт прошел первого кромешника насквозь, причем, не причинив ему, по видимости, ни малейшего вреда. Однако, угодив во второго, он почему-то взорвался со страшным грохотом и совершенно противоестественным эффектом.

Во-первых, всех находившихся поблизости бандитов разметало взрывом в разные стороны. А во-вторых, к паническому ужасу уцелевших, фигуры кромешников вдруг странно оплыли, вздулись уродливыми пузырями, лопнули и растеклись по земле бесформенными кляксами вязкой, быстро испаряющейся жидкости. Уцелевшие викинги с воплями ужаса кинулись наутек, ломаясь сквозь кусты как стадо перепуганных багамутов. Спустя несколько мгновений за кустами к стремительно удаляющимся воплям степняков примешался разъяренный рев Нодя и азартный визг Манон.

Впрочем, убежать удалось не всем. На пути у расфуфыренного вождя, как и следовало ожидать, оказался Люкс, сгребший его за грудь левой рукой. Он оторвал викинга от земли и встряхнул с такой силой, что у бедняги чуть не отвалилась голова.

– Так значит, Вы любите делать людям больно?.. Ну, так сейчас я покажу Вам, что это нехорошо.

Монах, оказавшийся у Люкса за спиной, сунул руку в карман рясы и выдернул оттуда матовый цилиндр. Из открытого конца цилиндра выскочила раздвоенная молния, двумя изло-

манными ослепительно яркими зигзагами коснулась земли и, следуя движению руки, заскользила по траве, превращая ее в белый, рассыпающийся прах.

– Люкс, сзади! Сзади! – истошно вопил набегающий Кувалда, с ужасом видя, что не успевает. Кромешник вскинул руку и наискосок полоснул Люкса молниями по спине. В ту же секунду Кувалда в немыслимом прыжке обрушился на него, сминая, давя и заламывая руки. "Живьем, бери сволочь, живьем", – откуда-то сбоку ревел Скаврон, а вокруг Люкса вдруг закрутилось, как вода в водовороте, сверкающее облако, громыхнул оглушительный разряд и викинг, вспыхнув в его руках ослепительным белым светом, подобно задетой лучом траве рассыпался в прах.

5

Да. Именно так дело и обстояло. В Ахероне объект найден не был. Нет, что объект тут был, это сомнений не вызывало. Стража, пусть и пьяная до потери пульса, при одном его имени начинала пугающе трезветь, но несла при этом такое, что проще было поверить в ее коллективное помешательство, чем в рассказни. Самым мерзким было то, что перепроверить рассказы стражи не представлялось возможным – бушевавшая над Ахероном буря разогнала всех жителей по их собственным норам, так что пришельцев, кроме стражников, ни одна живая душа так и не видела.

Клонфильтр по-прежнему слал какие-то ублюдочные сигналы, совсем не похожие на фрагменты абортированного сознания. Но – что характерно – шли эти сигналы отнюдь не с полюсов, а снизу, из Приозерья, а то и вовсе из междуречья Роны и Фуги – сущий бред по любым разумным меркам, сбрендил вся высоколобная аппаратура, не иначе.

ЦПТМ в полном составе пребывал в состоянии постоянного ужаса, поскольку его сотрудники совершенно не понимали, что же они должны делать. Зам по режиму и Внутренняя безопасность паниковали, поскольку проигнорировали сигналы яйцеголовых о предосудительных с любой точки зрения поступках трассовиков. Трассовики во главе с Графенбергером в толк взять не могли, куда подевался объект, и пребывать изволили в широчайшем диапазоне, так сказать, отрицательных эмоций – от полного ступора до зверской, совершенно неподконтрольной разуму ярости. Все понимали, что "большой бемс" отнюдь не за горами.

Известие о том, что в Приозерье кто-то снова шарахнул из бластера, погнало сквозь "сферы" сущую волну цунами.

Связать этот факт с таинственным совещанием, которое затеял у себя сэр Главный научный актуализатор, было совсем не трудно. Поскольку все следили за всеми, вызов к Генрику яйцеголовых, приписанных к ЦПТМ и находившихся там в момент получения сигнала, а также руководителя службы внешнего наблюдения над Трассой и Фетмена, взбудоражил всех прочих заинтересованных лиц до трудно передаваемого состояния.

Не успели вызванные появиться в командер-руме – "аквариуме", плававшем под потолком гигантского зала научных операционистов, как эти самые "заинтересованные лица" со всех сторон весьма решительно в оный "аквариум" и полезли. То, что Фетмен, как в былые времена, заявился в сопровождении своей великанши, никого не удивило, хотя все думали, что она не опивается в столице, а давно уже на полюсах. Но вот что Графенбергер ввалился в сопровождении аббата Изегрима, которому по любому раскладу надлежало носа с Трассы не казать, вот это было, и в самом деле, удивительно. Для полноты картины не хватало, разве что, самого "его темной светлости" сэра Советника. Однако, как понимал Генрик, дело это было наживное, лабораторные сексоты коим – уж будьте покойны! – всенепременно должны были озаботиться.

Внизу в операционном руме царил мертвая тишина и какое-то вязкое удушливое напряжение. Каждый яйцеголовый сидел, пялясь в экраны собственного инфора. Ничего прочего они, естественно, своего высоколобого внимания не удостаивали. Да и то сказать – пусть бы только попробовали! Работали, сволочи, в поте лица. На малых экранах их инфоров, с калейдоскопической быстротой сменяя друг друга, мелькали какие-то цифры, формулы, цветные графики и прочие яйцеголовые премудрости. А большие мониторы каждого инфора, коим надлежало показывать сам объект номер один в режиме "онлайн", демонстрировали то же самое, что и огромный панорамный голограф, зависший в торце зала перед аквариумом, а именно пустой(!) черный(!) экран(!)... вот так.

На всех сбежавшихся в аквариум это действовало самым деморализующим образом, а если учесть, что они и без того готовы были вцепиться друг другу в горло, следовало признать, что к деловому сотрудничеству обстановка аквариума не располагала.

– Может, выключите, наконец, это безобразие, черт Вас побери совсем! – нервно тыча в экран крючковатым пальцем, завопил, не выдержав, наконец, этой пытки, сэр Внутренняя Безопасность. – Мы и так все прекрасно знаем, что никакой связи с объектом у нас не имеется.

– И рад бы оказать Вам любезность, сэр, – со всей возможной ядовитостью немедленно отреагировал Генрик, – да не могу. Не имею права.

– А вдруг картинка появится? – визгливо поддержал начальство Карл Виддер. – А? Что тогда?.. Вдруг эти идиоты из службы внешнего наблюдения все-таки объект найдут?

– Еще один умник на мою голову, – вздохнул ВБ. – Откуда тут появиться картинке? От сырости?

– Извините! – с запальчивой энергичностью замахал пухлыми ладошками Фетмен. – Что значит – от сырости? Я, по-вашему, зря старался, добывал беспилотники, то, сё?.. Не надо, господа! Трасса снабжена всем необходимым! В избытке! И я не виноват, что кое-кто не умеет всем этим богатством с толком распорядиться.

– Если верить сигналу от клонфилтра, объект давно уже находится внизу где-то в междуречьи Роны и Фуги, – заорал начальник службы внешнего наблюдения. А вы знаете, какая это площадь? Вы хоть понимаете, сколько надо беспилотников, чтобы ее перекрыть? Их все надо туда направить, а кто бы мне позволил убрать их с полюсов? Ах, Вы не знаете? Вот и помалкивайте в тряпочку.

– И сколько? – вопил Фетмен. – Сколько вам надо еще аппаратов, чтобы перекрыть все это ваше промежречье? Пять? Десять? Их есть у вас, уважаемые, а понадобится – заказывайте еще, достанем хоть пятьдесят!

– Мой бог! – картинно схватился за голову Генрик. – Сэр Фетмен! А то Вы не знаете, с кем имеете дело? Если Вы будете дожидаться от них заявок, непременно угодите в какую-нибудь гнусную историю. Заказывайте, не дожидаясь, пока еще не поздно, а то эти жуки Вас же еще и обвиноватят.

– Спасу нет от дилетантов! – изо всех сил изображая презрительность и пренебрежение, сплюнул Графенбергер через нижнюю губу. – Мы попали в нынешнее затруднительное положение потому, что наблюдения с орбиты были невозможны по погодным условиям, а аппараты сопровождения служба воздушного наблюдения, поддавшись панике, потеряла еще на полюсах.

– Что бы вы делали на нашем месте, интересно, – вскинулся руководитель службы воздушного наблюдения, – если бы получали приказы от своего прямого начальства отправлять аппараты, невзирая на бурю... а начальство – это вы и есть, между прочим?

– Ты имеешь в виду, что бы я делал в случае несогласия? Потребовал бы письменный приказ и выполнил его, разумеется, – хладнокровно ответил Графенбергер, – но тотчас написал и направил бы высшему руководству докладную со своим прогнозом развития ситуации. И при этом был бы готов ответить головой как за ошибку в прогнозе, так и за правильный прогноз, разумеется... Именно это я сейчас и делаю.

– Здесь и у меня? – злобно ощерился Генрик. – Я одного не могу понять, какого рожна вы все сюда приперлись? Я, извините, звал только сэра Наместника. Ну, Безопасность еще куда ни шло. А все остальные мне, извините, без надобности. Вам здесь нечего делать, господа! Приперлись, набились в командер-рум, орут, мешают работать. Па-автаряю! Я никого из вас не звал, вы все мне тут нахрен не нужны, уматывайте отсюда, да поживее, не путайтесь под ногами.

– Ну, нет, дорогой мой, – сэр Графенбергер источал мед пополам с ядом. – Вас с вашими выдающимися способностями по части подсовывания начальству материалов для оргвыводов в адрес других людей... при полном отсутствии объективных данных, заметьте... вот именно... Вас, уважаемый сэр, никак нельзя выпускать из поля зрения. Смотрите, что происходит, господа! – обратился он к остальным. – А заодно поглядите, как все это истолковывается нашим

уважаемым актуализатором от науки. Итак, дела на Трассе идут наперекосяк, кое-кто, не будем показывать пальцем, кто именно, уже заранее присматривает кандидатуру в козлы отпущения, и при этом...

– А Вы-то чем занимаетесь, уважаемый? – со всем отпущенным природой на его долю сарказмом осведомился Фетмен. Графенбергер дернул носом, но сдержался, пренебрег и продолжал, оставив реплику Фетмена без внимания.

– ... и при этом господин научный актуализатор истолковывает факты заранее в самом неблагоприятном смысле. Отвечайте прямо, господин яйцеголовый, Вы считаете, что объект вышел из повиновения, не правда ли? Что ж Вы молчите? Отвечайте прямо! Да или нет? Вы так считаете?

Генрик презрительно сплюнул ему под ноги прямо на пол собственного командер-рума.

– Я, может быть, и яйцеголовый, но она, голова, у меня, по крайней мере, наличествует, в отличие от кое-кого другого. И я ничего по этому поводу не считаю. Это не мое дело. Мое дело анализировать поступающие сигналы и докладывать, если с ними что-нибудь не так. Именно этим я пытаюсь заниматься и сейчас, а мне мешают.

– А вот я считаю! Я считаю! У объекта не работает клонфильтр, вот что я считаю! Он толком не функционирует, сэр научный актуализатор!

– Очень даже может быть. При том, что рядом с объектом кто-то уже во второй раз шмаляет из бластера, а ваши службы, вместо того, чтобы делать свое дело и в темпе изъять объект с Трассы, занимаются интриганством, и если бы только против меня! Они интригуют и против сэра Наместника!

Фетмен подпрыгнул на месте и впился в Графенбергера яростным взглядом.

– Ты что такое несешь?! – ревел Графенбергер раненым багамутом.

– А с чего бы иначе твой Изегрим так спешил опередить в Ахероне наместникову капитаншу? Почему он сейчас торчит в моем командер-руме, а не разбирается на Трассе кто и в кого там стрелял из бластера?.. Ах, так это в твою бедненькую группу захвата кто-то стрелял из бластера? Ай-яй-яй!.. ай-яй-яй!.. Хотел бы я посмотреть, как этот самый "кто-то" стрелял бы в Фетменову Брунгильду. Твои люди фактически сорвали ей операцию, причем из чистейшего интриганства, а теперь ищут, на кого бы свалить вину. Вот и весь вывод, который может сделать моя яйцеголовая высоколобость! И скажи спасибо, что моего мнения по этому поводу не спрашивают... пока!

– Клонфильтр твой поганый не работает, вот и вся недолга. А ты все валишь с большой головы!

– Твоим гоблинам уже декаду назад полагалось изъять объект с Трассы и предоставить в лабораторию. Вот когда они, наконец-то, это сделают, тогда и определим, что это за странная поломка такая, при которой клонфильтр умудряется обдолбиться о своем функционировании, и о том, что находится объект внизу, в Приозерье. А ты говоришь, что этого не может быть, потому что не может быть никогда, и ловишь его на полюсах, где его, между нами, девочками, давным-давно – тю-тю, нетути. Кстати сказать, разрушения клонфильтра от энергетических разрядов ни с чем не перепутаешь... так что подожди, посмотрим, пусть только объект в наши руки попадет. У тебя все еще впереди, милейший.

– Господа силовики! – Графенбергер изо всех сил старался взять себя в руки. – Сэр научный актуализатор изо всех сил вбивает между нами клин, и, надо сознаться, довольно ловко! Он самым превратным образом истолковал действия моего полномочного представителя на Трассе аббата Изегрима. Ничего такого, что ему приписывают, аббат делать не хотел. Он и не думал о захвате объекта, тем более что объекта в Ахероне не оказалось. Объект исчез. Телеметрических данных объект не передает давным-давно, и я совсем не уверен, что из-за магнитных бурь. Господин научный актуализатор, а за ним следом и чуть ли не все остальные, все вы смотрите на объект как на сверхчеловека, вооруженного силой, свойствами и умениями

ями самого, так сказать, суперменистого супермена из телетаксера. Вы смотрите на него снизу вверх, да еще из положения лежа на брюхе. Но можно поглядеть на всю картину и под другим углом зрения.

– Это под каким же? – раздался в руме негромкий, чуть тягучий, никому ничего хорошего не обещающий голос, и в рум вступил неспешным прогулочным шагом – руки за спиной и нос в потолок – его темная светлость сэр Советник от Информации. Как и следовало ожидать, господу сексоты не даром ели свой хлеб.

– Ну-с, продолжим наши игры, – под собственный свой красивый нос пробурчал сэр Советник, устраиваясь поудобнее в кресле начальника лаборатории, которое тут же с весьма похвальной поспешностью покинул Генрик. – Итак, что это еще за необычный угол зрения? Впрочем, постойте. Этим мы займемся чуть позже. А пока, сэр научный актуализатор, объясните-ка мне, как это Вы набрались такой наглости, чтобы собирать у себя подобные совещания?

– А я ничего и не собирал! Я и не думал собирать, а вовсе даже и наоборот! Я говорил – идите к чертовой бабушке отсюда, не мешайте работать. А они все орут и лезут, лезут и орут, и мешают, что характерно.

Советник тонко улыбнулся.

– Ты хочешь уверить меня, что не в силах выставить из лаборатории нежелательных вторгантов? Или я не помню, как ты вышибал отсюда Гольденцвикса? Ты кому пудришь мозги?

– Ваша светлость! Да, я... да, ой... Вон их сколько тут набилось, ваша светлость, да поодиночке они у меня и пикнуть не успели бы. Я сюда позвал сэра Наместника. И Безопасность мне нужна, хотя звать ее к себе я и, так сказать, не приглашал. У меня сумасшедшей важности дело по поводу сигналов, ваша светлость, а эти мне тут работать не дают и мешают.

– Ладно. Твои объяснения приняты. Послушаем теперь сэра Графенбергера.

Советник повернулся к начальнику Трассы и улыбнулся ему самым людоедским образом.

Однако Графенбергер отнюдь не собирался сдаваться.

– Давайте просто попробуем рассмотреть существо дела беспристрастно и со всей возможной объективностью, – сказал он.

Сэр Советник безмерно удивился и даже покопался указательным перстом в собственном затылке.

– Э-э... – сказал он, с трудом приводя в порядок мысли, в панике разбежавшиеся от столь необыкновенно сплетенных словес. – Ну, да. С беспристрастностью! Объективной! Конечно – конечно.

Графенбергер, похоже, закусил удила.

– Вы поглядите, что происходит, – в ажитации вопил он. – Излагаю факты. Объект десантирован на полюса в период осенних бурь. Почему – вопрос особый, касаться которого мы с вами не будем. Это данность. Обстоятельства сложились так, что возможности контроля за объектом отсутствуют. Мы и о том, что объект еще функционирует, знаем только по редким сигналам клонфилтра, пеленговать которые бессмысленно за явной чушью и бредом самого, так называемого, "факта" его работы. Но главное совсем не в этом, господу совещанты. Да, сэры. Па-автаряю. Вы смотрите на объект как на сверхчеловека, вооруженного силой, свойствами и умениями самого, так сказать, суперменистого супермена из всех телетаксерных суперменов, и именно что, как я уже сказал, из положения "на брюхе".

– А Вы так, разумеется, сверху вниз, – перебил Графенбергера Генрик, но сэр Советник зыркнул на него так свирепо, что Генрик тут же и прикусил язык.

– Вы истолковываете факты заранее в самом неблагоприятном смысле, – продолжал Графенбергер. – Обстоятельства сложились так, что возможности контроля за объектом... э... как я уже тут раньше неоднократно говорил, ограничены. Однако я надеюсь, все наладится, как только прекратится магнитная буря.

– Вы забываете, что вторая модель просто вырезала из плеча клонфилтр. Ножом! – осторожно косясь на Советника, вякнул юный Карл.

– А вы бы там в своих лабораториях вживили его объекту в голову, голову-то себе резать никто не будет, – сказал Графенбергер с выражением бесконечного презрения на физиономии и повернулся к Советнику. – Наверное... э-э... не будем отвлекаться, и я, с Вашего позволения, продолжу?

Советник медленно кивнул.

– Итак, факты в том виде, в каком мы их имеем. Вначале операция развивалась почти по плану. Новшества, введенные в файловую систему фанга, позволили объекту значительно быстрее приспособиться к обстановке.

Генрик насторожился, ему очень не понравилась вкрадчивость, появившаяся в голосе Графенбергера... или это разыграла мнительность?.. может, показалось?.. впрочем, неважно. В любом случае, следовало быть настороже.

– Объект приспособлялся к обстановке с опережением по отношению к модели номер три, причем это опережение все время наращивалось. Судя по анализу удаленных из него фрагментов, связные и вполне себе логичные мыслительные процессы возникли в его мозгу в первый же день функционирования. В третьей модели это произошло только к концу следующего дня. А у четвертой модели к этому времени появились уже отвлеченные мысли.

Графенбергер оглядел присутствующих и твердо выдержал пристальный взгляд Генрика.

– И это несмотря на клонфилтр.

– Почему "несмотря"? – картинно удивился Генрик. – Клонфилтр и должен способствовать адаптации модели к окружающей среде, а вовсе не мешать. Что он и делает, судя по Вашим словам, сэ-эр, вполне себе успешно.

– Разумеется, сэ-эр, я, видимо, не совсем удачно выразился.

– Совсем неудачно, сэ-эр, вы уж постарайтесь в другой раз. Кстати, сэ-эр, вживление клонфилтра в голову объекта совершенно невозможно по очень банальной причине. В Вашу голову вживить можно запросто хоть десять штук, а в его нельзя. У него там нет пустот, все занято мозгом.

Советник, пресекая пикировку, хлопнул ладонью. Графенбергер встрепенулся, поспешно отвернулся от Генрика и, откашлявшись, продолжил.

– Э-э... Объект вскрыл один за другим три тайника. Ни один не пропустил, заметьте, не то, что раньше. Это позволило ему, во-первых, быстро восстанавливать силы, во-вторых, блокировать простудное воздействие холода, – это все за счет питательно-лечебных таблеток, и, в-третьих, вооружиться. До сих пор все хорошо. А вот дальше пошло не то чтобы наперекосяк, но не вполне по актуализированному плану. Ветер достиг ураганной силы, таким образом, объект лишился прикрытия с воздуха. Но в функции воздушных аппаратов в зоне операции входило также и отгонять от объекта кенгуров. В это время полюса накрыла магнитная буря и заблокировала передачу телеметрических данных. Связь с объектом была утеряна. Неблагоприятное стечение обстоятельств, господа.

А ведь культуристка опять оказалась права, – подумал Генрик. – Она предлагала направить по параллельному маршруту группу сопровождения. Снимать с маршрута модель, конечно, было нельзя, но хоть от кенгуров прикрыли бы. Графенбергер, между тем, продолжал, выражение лица имея самое похоронное.

– Ценой гибели последних аппаратов было установлено, что объект подвергся атаке кенгуров. В схватке с хищниками он хотя и вышел победителем, но, вероятнее всего, был сильно ранен и не вполне контролировал свои действия. Во всяком случае, он утратил кинжал и термостат. Что происходит дальше? Он почти не движется. Весь его путь в течение ... ну, пусть и не известного нам, но, судя по всему, достаточно длительного времени исчисляется считанными километрами. Оно и понятно: он ранен, он голоден, он замерзает. И вдруг все изменя-

ется самым удивительным образом. Мы получаем телеметрические данные, и оказывается, что он движется, во-первых, с огромной скоростью, чуть ли не со скоростью ветра, сэры, обратите на это внимание, а во-вторых, он отклонился от маршрута, вбитого в его психику в качестве безусловной доминанты. А вот этого, сэры, не может быть, потому что именно не может быть никогда! Далее. Магнитная буря разыгрывается, так сказать, вообще. Телеметрия опять накрылась этим самым... простите... Но если продлить по карте маршрут нашего торопыги, то он упрется в Ахерон. Туда немедленно направляется группа... э-э... наблюдения, но – увы – никого не обнаруживает, кроме запертых в камеры вертухаев.

– И тут же происходит таинственный, необъяснимый и весьма даже странный бластерный разряд, – ввернул Генрик, и, перехвативши сердитый взгляд начальства, торопливо добавил: – Я всего лишь хотел бы уточнить, кто в кого стрелял?

– Вертухаи подтверждают, что объект тут был, узников освободил, их запер, а сам куда-то делся, – продолжал Графенбергер. – Причем, такая странность: вертухаи, видите ли, не знают, сколько времени сидят под замком – они, видите ли, вусмерть пьяны, счет времени ими потерян. Тем не менее, мы им верим, ищем объект на полюсах, теряем время. На полюса прибывают биопы из группы захвата госпожи капитана, а телеметрический сигнал тут же вдруг и обнаруживается, но не на полюсах, а в долине. Причем сигнал показывает, что объект не на юг движется, а плывет-себе по Роне в сторону Дикого Поля. Между тем, доминанта требовала бы от него если и плыть, то не по Роне, а по Фуге, ее русло проходит гораздо южнее. И при вот таком наборе фактов и фактиков кое-кто умудряется сделать вывод, что, как и предыдущая, четвертая модель объекта обзавелась преданными соратниками, и даже полностью свободной волей.

Графенбергер поглядел на Генрика и ухмыльнулся с подчеркнутым высокомерным пренебрежением.

– По-твоему, это невозможно? – спросил Советник.

– Допустим, что это так. Но как, в таком случае, объект оказался внизу, и какого черта он не идет на юг, а плывет, к Дикому Полю?

– Твои объяснения?

– Мне придется начать издалека. Всем известно, что викинги совершают свои набеги на Свенланд и, особенно, закатные области Франконата, невзирая на время года. Летом – ладно, это они верхом. Но зимой-то степь засыпана снегом. Как же они передвигаются по степи зимой? Для "не темняков" поясняю, что викинги это наши степняки, попросту говоря, дикари. Разбойники.

Глаза сэра Графенбергера горели нездоровым блеском, физиономия была предельно вдохновенная. Он поднял кверху указующий перст и победительно оглядел совещантов.

Генрик громко зевнул и сказал, обращаясь к Советнику: "Вы позволите?", после чего заговорил напористо, резко и крайне неуважительно.

– Все уже давно поняли, к чему Вы клоните. И о том, как передвигаются зимой степняки, мы все тоже имеем представление. Нет на Темной такого студиозуса, который не гонял бы на лыжах под парусом. Вы ответьте, пожалуйста, на три вопроса. Первый: за каким чертом степняки поперлись на полюса, не за объектом же?

– За костью!

– Ерунда! Ответ не принимается за нецелесообразностью предлагаемого решения. Кость они шарашат у контрабандистов внизу – и проще, и эффективней. Ну, а на кой черт им понадобился объект? Зачем они волокут его на себе чуть ли не тысячу километров?

– Чтобы продать как раба.

– Чушь! Ответ не принимается за явной нелепостью. Никакой раб, даже самый выдающийся, не оправдает таких усилий.

– Хорошо-хорошо, скажи тогда нам ты, как объект мог попасть на Рону? На крылышках слетел?

– А как викинги могли попасть на полюса? На крылышках взлетели?

– Значит, там есть путь, о котором мы не знаем. Тоннель какой-нибудь.

Генрик рассмеялся.

– Ну, вот Вы, сэ-эр, сами и ответили на собственный вопрос.

– Но это полная ерунда! – не выдержал Фетмен. – Как Вы выражаетесь, ответ не принимается за откровенной глупостью, нет там никакого тоннеля. А если бы был, то по нему летом пошла бы вода, а зимой все льдом бы заросло к раздолбанной бабушке.

Советник хлопнул по столу ладонью. Все умолкли.

– Что там происходит, твое мнение? – обратился он к Генрику.

– Думаю, что положение крайне серьезное. Крайне! Эти господа, – он дернул подбородком в сторону Графенбергера, – оставили объект в бурю без прикрытия и малейшей подстраховки. Он вынужден был не спать. Во-о-бще. Иначе бы его там просто сожрали. Ну, а когда он потерял нож и термостат – тушите свет, полный амбец. С такого стресса у него, небось, и вообще позвоночник спиралью Бруно закрутился (– во, даю! –). Если это так, то клонфильтр не абортирует неообразования сознания. Он на это просто не рассчитан, для правильного функционирования ему нужен сон объекта. И еще мне не нравятся все эти странные бластерные разряды возле него. Кто стрелял? В кого стрелял? Нет-нет, я ничего не спрашиваю. Если мне не полагается знать, то и не надо... но все-таки о клонфильтре-то стрелявшим следовало бы подумать. Так его и разрушить к чертовой бабушке ничего не стоит.

– Что рекомендуешь? – нетерпеливо перебил Советник.

– Я твержу – и пишу! – об этом силовикам черт знает, сколько времени, ваша светлость, но все бестолку. Надо немедленно и любой ценой изъять объект с Трассы и абортировать ему сознание здесь, в стационаре. Подчеркиваю – немедленно, а то поздно будет.

– Как его найти? – завопил Графенбергер. – Ты, умник, может, подскажешь?

– И подскажу. Почему же нет? Где следующий странный бластерный разряд случится, там и будет объект. И ваши мальчишки, кстати сказать, тоже будут там. Всенепременно и обязательно, иначе откуда бы там взяться бластерным выстрелам?

Советник смотрел на него немигающим взглядом, и под этим взглядом Генрик невольно занервничал. Наконец, Советник спросил:

– Как его брать?

– А вот этого у меня спрашивать не надо, – замахал руками Генрик. – Я не специалист. У Вашей светлости хватает профессионалов. Вот, хоть у нее спросите, – и он ткнул пальцем в культуристку. – Она до сих пор, как правило, всегда была... в общем, она санатор-профессионал, а я – простой яйцеголовый, мое дело думать, а не всяких там отлавливать, каждый должен нести свой портфель.

Советник повернулся к капитан-санаторше и вопросительно поднял бровь. Капитанша побледнела, однако, невзирая на печальный опыт, четко отрапортовала:

– Силовикам нечего делать на полюсах. Они должны быть немедленно переброшены в верховья Роны. Со всей возможной скоростью. Флаттерами, нехрен время терять. И не надо на меня коситься, господа теологи. Сами-то вы на чем шмыгаете то и дело туда и обратно, да и меня на чем возили? Я готова немедленно отправиться на полюса за своими людьми. Люди Изегрима должны объект немедленно найти и обложить. Если мои поспеют раньше, группу захвата надо будет делать смешанной. Изегримовы люди в ней совершенно необходимы, они знают обстановку, мои нет. Теперь о бластерных разрядах. Сэр актуализатор совершенно прав, реакция на разряд должна быть немедленной. На захват идти всей массой, никого не жалеть. Группу захвата вооружить помимо штатного оружия реактивными иглометами с оптическими прицелами. Иглы должны быть парализующими, мгновенного действия. Группа захвата не должна

ввязываться ни в какие сомнительные рукопашные. Надо просто утыкать иглами всех подряд, забрать парализованный объект и доставить его в лабораторию сэра актуализатора.

Графенбергер негромко хихикнул и прошептал, но так, чтобы культуристка это непременно услышала:

– Госпожа капитан боится, что объект подпортит ее смазливую рожу, вот и заботится о снайперках.

– Уважаемый сэ-эр изволили позабыть, – со всем доступным ему сарказмом сказал Генрик, не понижая голоса, – что объект не так давно уделал голыми руками целую стаю кенгуров. А вот госпожа капитан об этом помнит и правильно делает... А что будет со спутниками объекта, кстати сказать?

– Это кого-нибудь интересует? – насторожилась культуристка.

По руму прошелестел смешок.

– Сильно подозреваю, что это заинтересует Его Величие.

– Предложение принимается с одной поправкой, – сказал Советник, – флаттеры использовать, но по минимуму. Полеты вблизи объекта запрещены лично Его Величием. Что касается спутников объекта, их тоже доставить в лабораторию по возможности живыми.

– Ну-с, а теперь ты, – Советник ткнул пальцем в мгновенно побледневшего Генрика. – Ты тут несколько раз осторожненько провякал, что лазерные разряды возле объекта были странными. Так и что такое ты имел в виду? Что в них было такого странного?

– Видите ли, ваша светлость, обычно эхо разрыва бластерной корпускулы выглядит так: сначала мощный разряд, а за ним более или менее длинный угасающий шлейф вторичных гармоник, наведенных разрядов и все такое. Так вот, тут все происходит наоборот. Сначала шлейф, а потом уже разряд.

– И что это означает с точки зрения высокоумной яйцеголовости? – ядовито встрял Графенбергер.

– Да уж бравым силовикам, возможно, и лучше знать, что это означает. Мы-то просто головы себе чуть ли не вывихнули, а потом взяли, да и проделали такой эксперимент. Взяли обычную запись бластерного разряда, перезаписали наоборот, да и прокрутили. С конца в начало. И получился у нас сигнал точь в точь, как тот, что силовики передали нам на анализ. Я никого не обвиняю, ваша светлость, что кое-кто тут намерено пудрит всем мозги, но дуболомы и есть дуболомы, может, перепутали как-нибудь начало записи с концом?

Советник задумался, взгляд его ушел в себя, в руме повисло тяжелое молчание, прервать которое не решался никто.

Ну, вот и все, – думал Советник, – приехали. В четвертой модели – это было уже совершенно очевидно – полным ходом организовывается новая самостоятельная личность. Проект "Полигон" с треском провалился. Правда, пока это ясно только двоим из здесь присутствующих, ему самому и этой гнусной крысе, этому глазастому лемуру, которого он, Советник, собственными руками двигал наверх, и которого сейчас этими же самыми руками более всего на свете хотелось придушить. Однако в самое ближайшее время это станет ясно всем и – что главное – самому проклятому Его темному Величию Дохлой Гниде. О том, какие отсюда проистекут последствия, без содрогания и подумать было невозможно. Хорошо еще, что в подготовке информационной поддержки переворота и прочих старнетных делах все шло без сучка и задоринки, за теми делами труп следил лично. Но что могло вдруг втемяшиться в трупову башку, этого предвидеть было нельзя. Кризис мог наступить в любой момент и... хорошо, что пока еще контроль над ситуацией не был потерян окончательно. Перед ним, информантом, было аж целых три дороги, на каждой из которых он мог попытаться спасти свою драгоценную шкуру.

Во-первых, он мог исчезнуть. Призрак ротации, витавший над его головой, давно уже заставил его проложить дорожку для собственного экстренного исчезновения. Смущало здесь только два обстоятельства: до сих пор не было известно ни об одном таком успешном случае

дезертирства с самого верха, да вот еще и Лысый куда-то запропастился. А именно Лысый был ответственен у сэра Советника за эту сторону его подпольной деятельности.

Во-вторых, он мог переметнуться к врагам уважаемого дохлого трупа. Таких врагов было два: Азерски и Верховный Санатор. Но и обе эти дороги для сэра Советника отнюдь не были усыпаны цветами. Азерски самому бы от трупа отбиться, ему не до беглых Советников. Да и предложить новоиспеченному величеству взамен за спасение было нечего. Другое дело Санатор. Санатору можно сдать заговор кандидата во вселенские боги, однако поверит ли он тебе? Вся фишка была в этом. Ишь, ты, – скажет, – умник сыскался! Ты намекаешь, – скажет, – что я у себя в ведомстве ситуацией не владею?! Да и подходы к Санатору нужны такие, чтобы шли мимо его зама-заговорщика, а их еще и отыскивать вспотеешь.

Во всяком случае, сидеть на Темной и хлопать ушами по щекам было абсолютно бессмысленно, ничего хорошего из этого получиться не могло. Советник энергично тряхнул головой.

– Мне придется на какое-то время покинуть вас, сэры. Помимо Полигона есть еще и другие дела, которые должен делать Информант Его Величия. Общее ведение дел на планете я поручаю сэрам Фетмену и Флаю. Инструкциям следовать скрупулезно, уважаемые мои, но не забывать и о разумной инициативе. Сэру Графенбергеру заниматься только Трассой. Исполнение обязанностей генерала ордена временно, до подтверждения этого распоряжения канцелярией Его Величия, ты, – Советник ткнул пальцем в Графенбергера, – сдашь своему заместителю. Есть у меня ба-альшой соблазн назначить комиссию по расследованию твоей деятельности, да не время еще, пожалуй, к сожалению. Не время. Сэр Фетмен! Сэр Флай! Не думайте, что Трасса вас не касается. Она и за вами тоже, имейте в виду. Графенбергеру не мешать, но руки держать на пульсе. Смотрите у меня, если что. Работайте, сукины дети, работайте.

В воздухе отчетливо запахло жареным, – подумал Генрик и невесело усмехнулся. Про себя.

6

Из кустов доносились горестные вопли купцов, которые первым делом, даже не поблагодарив своих избавителей, кинулись "ревизовать" обоз.

Викинги бежали в совершенной панике, бросив на месте не только добычу, но и собственных "заводных" – запасных, то есть – гиппов, что было, как единодушно убеждали Люкса спутники, делом совершенно неслыханным. Перепугаться для этого они должны были до полусмерти... что, собственно, и произошло. Впрочем, удивляться этому обстоятельству не приходилось. Когда на твоих глазах племенной вождь стораает и обращается в пепел в руках как с неба свалившегося гиганта, а твои союзники на твоих же глазах вдруг превращаются в лужи мерзкой жидкости, что это, как ни самое запредельное колдовство? А от колдовства палашом не отмахаться. Тут разумному человеку остается одно – "делать ноги" с предельной скоростью, и черт с ними, с добычей и гиппами, это есть дело наживное, а жизнь – она одна. Вот так-то.

Нодь с Манон уже успели прибрать гиппов к рукам, и теперь истошными воплями подзывали к себе Люкса. Самые красивые кони были, увы, далеко не самыми мощными. Всего их было десять штук, не какие-нибудь степные дички, отменные экземпляры со свенландских племенных заводов, и это было хорошо, потому что даже этим огромным зверюгам тащить на своих хребтах Люкса и Кувалду будет совсем не пара пустяков. Люкс тотчас ловко – откуда только умение взялось? – взлетел в седло и пустил коня с места в карьер, благо местность позволяла.

Ну, что ж, о верховых конях теперь можно было не волноваться, раздобыть оставалось рабочую скотину под выюки. Верховые гиппы под выюками не ходят, а кость-то не бросишь.

Пока Кувалда освобождал пленника, Скаврон нещадно костерил друга, и в выражениях при этом совсем не стеснялся.

– Ах ты, оглобля такая, дубина ты стоеросовая и пень! Я тебе кричал, чтобы ты брал монаха живьем, так нет же! Свернул языку шею, и как нам теперь узнать, скажи на милость, что это за странный такой вдруг наметился союз и дружба между орденскими людьми и викингами?

– Так ведь он, паразит, нацелился в Люкса со спины чертовым кнутом! – оправдывался Кувалда.

– И что из того? – ярился Скаврон. – Тебе, дубине, сколько раз рассказывали, что не берет чертов кнут костяной доспех. Как мы теперь узнаем такую важную тайну про союз степи и ордена? У этого мальчишки? Так он и сам наверняка знает меньше нашего, кто ж рядовому палашнику доверит государственное дело?

– Сам ты рядовой палашник! – неожиданно обиделся юный викинг. – А я прошлогодний абсолютный олимпийоникон, вот так вот! – парень задрал левый рукав и гордо продемонстрировал на предплечье татуировку в виде так называемого "мальтийского креста", высшего знака отличия олимпийоников. – А что касается орденских монахов, то они, кроме конунга, ни с кем в степи не общаются. Так что шиш бы вы чего у ярла узнали, он и сам ничего не знал.

– Смотри-ка, – не без уважения сказал Кувалда, разглядывая татуировку. – И в самом деле, абсолютный олимпийоникон. Это, видишь ли, – повернулся он к Скаврону, – обычай такой в степи. По осени, перед тем, как разойтись на зимовье, роды собираются в междуречье Итиля и Жиронды и устраивают большой спортивный смотр молодняка. Соревнования такие называются олимпиада, а самих участников зовут олимпийониками. Скачки, бег, борьба, стрельба из лука, палашный бой, кулачный бой и еще много чего. Победители называются олимпийониконами, и становятся эти парни командным резервом конунга, верховного правителя степи. А чтобы стать абсолютным олимпийониконком надо выиграть больше половины состязаний, и во всех остальных не получить ниже третьего места. Так что абсолютных олимпийоников в степи

можно пересчитать по пальцам, известны они поименно чуть ли не с начала времен. Барды о них песни слагают. Как звать-то тебя, парень?

Викинг нахмурился.

– Истинное имя кроме семьи и ярла не должен знать никто. А прозвище мое как раз Олимпионикон, сокращенно Оле.

– Ну, парень, – вмешался в разговор, подошедший к собеседникам Нодь, – история твоя, в общем-то, понятная. Слюбился ты с дочкою ярла, но почему же он ее за тебя не отдал, за абсолютного олимпионикона? Ты у конунга на виду, и будущее тебя ждало самое радужное.

– Она красивая, – хмуро сказал юный викинг. – И сначала папашка совсем не возражал, даже наоборот. Но когда на нее положил глаз Сигурд, а он третий в старшей ветви рода Бьернов, я тут же и стал неугодный. Сигурд конунгу внучатый племянник. Так что, сами понимаете, все при нем для молодой жены. И не надо дожидаться, пока твой муж добьется славы, добычи и положения при владыке. Дочка захудалого ярла захудалого рода, став его женой, попадает сразу на самый верх. Что с того, что как воин он пустое место? Это даже лучше – нету риска остаться молодой вдовой.

– Вон оно как, – присвистнул Кувалда. – Значит, вас не силой разлучили, а она от тебя отказалась вполне-себе добровольно? То-то, я гляжу, ты ее в словах своих совсем не щадил, я было даже плохо о тебе подумал. Извини.

Юный викинг скрипнул зубами, и глаза его подозрительно заблестели. Однако же, справившись с собой, он продолжал.

– Я думал, что ее неволей за Сигурда выдают. Предложил вместе бежать во Франконат. У Франкона в Арле викинги в гвардии служат испокон веков. В гвардейской конной але дядя мой в десятниках, да и без него абсолютного олимпионикона взяли бы с радостью даже в кавалергарды. Так вот и узнал я, чего она стоит, эта самая женская любовь до гроба.

– Женщины бывают разные, – строго сказал Нодь, оглянувшись на Манон. Юный викинг, все так же глядя в сторону, криво ухмыльнулся и пожал плечами.

– Это правда, – покивал головой Кувалда. – Но Оле с того не легче.

– Ну, а дальше что? – полюбопытствовал Скаврон. – Я знаю, что у вас на свадьбах бывает такая охрана, что любо-дорого. Засаду ты на жениха устроил, чтобы стрелу ему в пах всадить?

– Зачем засаду? Никаких засад. Ворвался на пир на полном скаку и одной стрелой как бритвой срезал ему погремешку.

– Как же они тебя, такого ловкого, взяли? – не без враждебности осведомилась Манон.

– От погони я не отрывался специально. Уж очень хотелось, чтобы кое-кто догнал меня на прицельный выстрел. Вперед толком не смотрел, только назад, вот и впоролся в стоянку купеческую. А эти идиоты коня стрелами подшибли. Хороший был гипп, подарок конунга за абсолютное олимпиониконство. Жалко – до не могу. А самого меня скрутили, наваясь скопом, прежде чем на ноги сумел подняться. Прямо вот так и преподнесли меня ярлу в подарок, идиоты... да и себя тоже. Если бы не вы, и они стали бы добычей, пожгли бы и их. Или порубали.

– Сейчас Люкс подъедет и решит, как с тобой быть, – задумчиво сказал Кувалда и тут же торопливо добавил, – ты не подумай чего, на свободу твою никто не посягает. Я имею в виду насчет гиппа для тебя. Думаю, дадим мы тебе коня. Не лучшего, естественно, но дадим. А вот куда ты теперь пойдешь? Во франконскую кавалергардскую алу?

– Какая свобода, какая ала? – удивился юный викинг. – Ваш ярл спас меня от смерти и, главное, от позора. Моя жизнь теперь принадлежит ему три года, это закон степи. И я обязан служить верой и правдой и не щадя себя.

– Ни больше, ни меньше, – язвительно хмыкнула Манон.

– Больше – это, пожалуйста, – пожал плечами юный викинг. – А вот меньше, только если повезет, и я сам спасу ему жизнь. Кстати, вы, мужики, не надейтесь, что сквалыги-купцы дадут

вам гиппов под вьюки в благодарность. У них даже поговорка такая есть: оказанная услуга не оплачивается. Про то, что вы их спасли, они уже успели позабыть, зуб даю.

Юный викинг оказался тысячу раз прав. Купцы не были бы купцами, если бы и тут не принялись торговаться. Их старшина вертелся, как свежепойманный гарм на веревке, хватался за голову, хватался за сердце и чуть ли не проливал горячие слезы оттого, что вынужден отказать своим благодетелям в их совершенно понятной и даже где-то законной просьбе.

– Ах, милостивцы! – взвопливал и причитал он. – У нас нет ни одной лишней рабочей скотины. Конечно же, мы очень высоко ценим, что вы, пусть и случайно, оказали нам столь, так сказать, неопенимую услугу. Но мы отвечаем головой перед пославшим нас торговым цехом за каждый самый маленький тючок товара, который везем.

– Вот что, господа хорошие, – не выдержал, в конце концов, Скаврон. – Видывал я сквалыг, но таких... Вы что, свои жизни и все достатки, что мы вам сохранили, центе дешевле пары – тройки рабочих гиппих? Добро бы, мы у вас просили дорогих верховых коней, но мы же просим дешевую рабочую скотину.

– Ради бога не считайте нас неблагодарными животными, не помнящими оказанных им благодеяний, – купеческий старшина просто корчился и содрогался от раскаяний и сожалений. – Мы готовы заплатить вам... конечно, в разумных пределах. Ну, скажем, по пять ойронов за каждого спасенного человека, и по три ойрона за каждого вьючного гиппа. Отдать или даже продать вам гиппов никак невозможно. Вот, разве что, если бы такие великие воины, как вы, согласились поступить к нам на службу в качестве охранников, тогда мы, поднапрягшись, согласились бы, наверное, на такой отчаянный риск – отдать гиппов в качестве оплаты.

Скаврон с Кувалдой дружно встрепенулись и уставились друг на друга.

– А? – спросил Скаврон.

– Ну... – протянул Кувалда.

– Так ведь все равно по пути, – сказал Скаврон.

– Это, конечно, верно... – протянул Кувалда, и оба они все с той же удивительной синхронностью посмотрели на Оле – пронизателен, умен и опытен парень не по годам.

– Не надо, – жестко сказал юный викинг, в голосе Оле звенела настоящая сталь.

– А ты чего лезешь не в свои дела? – злобно накинулись на викинга купцы. – Жалко, не успели тебя сжечь твои дорогие родичи. Не слушайте его, добрые люди, мы вам еще и провизии подкинем, да и кость вашу можем перекупить по хорошей цене.

– Во-первых, я понял так, что вы спешите, а они повиснут у вас на ногах, как гири, – хладнокровно игнорируя купеческие вопли, продолжал викинг, – у нас повиснут, я хотел сказать. Ну, а во-вторых, я сейчас сделаю так, что они не только дадут нам гиппов под вьюки, но и умолять будут, чтобы мы их взяли.

– Эй, эй, ты это что такое удумал? – насторожился купеческий старшина. Прочие купчики разом умолкли и глядели на юного викинга кто не без испуга, а кто и с откровенным ужасом.

– Вас мне спасибить не за что, вовсе даже наоборот. Спасители у нас общие, только у вас, жмотов, оказанная услуга не оплачивается. Так я вам хочу помочь не взять на душу греха неблагодарности. Вот ты, как звать тебя?.. Скар?.. Спутники твои, я вижу, народ все больше умственный, а то и благолепный, ты же человек земной, свой ты человек, и сразу ты все поймешь, как говорится, с полунамека. Основная поклажа у наших купцов в больших таких мягких тюках. Так вот возьми ты, Скар, ножик и взрежь-ка ты один такой тючок...

Глазки у купеческого старшины забегали, морда стала до приторности умильной, а голосок предательски задрожал.

– Д-ой, ну, что вы! Если вы спешите, так разве мы что? Мы со всем нашим удовольствием для своих спасителей и благодетелей всегда и во всем!

Купцы подхватили Скаврона под руки и потащили выбирать гиппов. Купеческий старшина забегал вперед, искательно заглядывал кузнецу в лицо и старательно раздвигал на его пути кусты, дабы не хлестнула уважаемого господина по личику какая-нибудь дерзкая веточка.

– Так они травку везут? – догадалась Манон.

– А иначе кой черт принес бы купеческий караван в такое время года на границу со степью? – пожал плечами юный викинг. – Поплатиться за это дело можно жестоко, если перехватит их конная франконская стража. Но и выгода при удаче такая, что их даже виселица не пугает.

– Ты, как я понимаю, при вашем владыке, извини, не знаю его благолепного имени и звания... короче, ключник ты, – шипел, между тем, старшина на ухо Скаврону. – Нам бы с тобою обсудить еще одно дельце. Обоюдовыгодное. И нам, и вам надо переправляться на тот берег Роны. Ваша лодка, как мы понимаем, накрылась медным тазом, и переправляться вам не на чем. А у нас есть плоты. Неподалеку. Но переправа место опасное, вот ведь какое дело. В этих местах степные шарашат чаще всего именно что на переправах. А нас, купцов, грабят далеко не всегда случайно набежавшие. Бывает, того же рода мальчишки, что с тобою сделку заключил, тут тебя и подстерегут. Пока ты на их земле – ни-ни, это свято, а вот как только ты с их земли убрался, следи в оба. Рейсов через реку придется делать несколько, а я совсем не уверен, что степняки не выследили место, где мы припрятали плоты. Волей-неволей охранять придется оба берега. Вы нам охрану, мы вам место на плотях. А на той стороне разбежимся в разные стороны, ни мы вас, ни вы нас отродясь не видали, и знать друг друга не знаем. Все мы люди, все человеки, у кого травка, у кого кость, кто на этом свете без греха?

7

На счастье, в кордегардии санатория после разгрома была расчищена и даже как-то обустроена не только комната отдыха, но и отремонтирован ионный душ. А поскольку столь желанная Ане-Сурие встреча прошла, как это принято говорить, "на высшем уровне", все работы в помещении теперь требовалось проводить заново. Даже верхняя одежда Аны-Сурии, предусмотрительно положенная ею в сторонке, оказалась заляпана кровью.

Несмотря на то, что ионный душ основательно "обламывал кайф", Ане-Сурие, чтобы отчиститься от крови, пришлось самой дважды пройти стандартную процедуру и несколько раз на полной мощности обработать одежду. Но и после этого ей никак не удавалось обрести прежний утренний облик беспечной любопытной туристочки. Скорее уж, она походила на ночную бабочку, ставшую жертвой группового насилия.

Дело было сделано, санаторий можно было со спокойной душой покидать. И все бы ничего, да вот тут Ане-Сурие – признаться, несколько запоздало! – пришло в голову соображение, заставившее ее похолодеть. Черт побери, как говаривал незабвенный Советник от науки, где была ее голова? Ведь Жаба на чистойшей космолингве говорила ей, что не работает только внутренняя система видеонаблюдения. Внешняя-то в полном порядке! Она работает! Работает! И, следовательно, уже зафиксировала, в каком виде она, Ана-Сурия, в санаторий вошла, а теперь ей предстоит зафиксировать, в каком виде она отсюда выйдет.

Экзотическая смерть Жабы, разумеется, не оставит равнодушной местную санацию. Расследование будет самым тщательным, похоже, она нагроулила себе на шею немалые проблемы и поставила на грань срыва свою основную цель. Самое досадное, что Генрик предостерегал ее от подобных эскапад – так нет же! Вляпалась все-таки в дерьмо по самую шею.

Ана-Сурия медленно брела к отсекам в лифтовые клетки, ведущие в ЦУП, и лихорадочно искала выход из положения.

Выходов просматривалось два.

Первый: замаскироваться. Замаскироваться так, чтобы оказаться на видеозаписи совершенно неузнаваемой. Идея была хороша, вот только как ее осуществить, Ана-Сурия не знала. Кроме того, раз уж она в санаторий вошла, значит, где-то должна и выйти, верно? Поиски начнутся. Сопоставления.

Второй тоже включал в себя элемент маскировки, но абсолютно не требовал от нее анонимности. Наоборот! Она должна была оставаться подчеркнута узнаваемой, самой собой. Взбалмошная девочка с шестого, решившая на часок-другой вообразить себя подсанационной санаторкой, да заодно и прихватить для похвастать среди подруг и любовников ши-икарный сувенир – настоящую полосатую санаторную робу.

А вот это, пожалуй, могло бы и сработать. Надо было только поскорее обзавестись этой самой полосатой робой, натянуть ее поверх собственной одежды – собственную одежду ей еще предстояло потом собственноручно уничтожить – и... вперед!

Ана-Сурия решила сделать небольшой крюк до склада санаторной одежды, справедливо рассудив, что уж этот-то склад ни один самый дурной люмпен грабить не станет, так что соответствующий маскарадный костюм она там отыщет с легкостью, тем более что электронные замки порталов для нее проблемы не составляют.

Место, где был расположен этот склад, было ей хорошо известно. Склады находились в нижних уровнях санатория в туннелине, примыкающем к кордегардии отделения биопов, что охраняли шахты лифтовых клеток. Именно сюда, в третий от начала туннелина портал водили в свое время вертухайши санаторок – управленок для получения одежды.

Как ни странно, эти отсеки санатория разгромлены были менее всего. Впрочем, что ж тут странного? Расположены они были на отшибе, грабежом и погромами занимался народ

пришлый, которому план санатория был, естественно, неизвестен. Что касается тутошних подсанационных, они были заняты разгромом баз данных и прочих информационных премудростей. Тутошним было не до складов – уничтожить, стереть информацию о себе, да и смыться поскорее подобру-поздорову. Впрочем, это соображение, безусловно верное в целом, могло допускать и некие частности.

Ана-Сурия, знающая санаторий как свои пять пальцев, добралась до места очень быстро. Разумеется, вероятность обнаружения останков Жабы до смены караула была невелика, но – береженого, как говаривали у них в порту ее детства, и звезды берегут.

Она даже перешла было на бег, но металлические прутья пола подняли такой грохот, что Ана-Сурия тут же свою избыточную прыть пресекла, сочтя проявлением избыточной же гласности и, вообще, вопиющим волюнтаризмом. Однако сам момент перехода на шаг совпал с еще одним событием, настолько грозным и знаковым, что событие это заставило Ана-Сурию круто изменить всю манеру ее дальнейшего поведения.

Она споткнулась.

Значение имело, разумеется, не столько само событие, сколько предмет, его вызвавший, а именно блок биопьего шоколада, застрявший между двух прутьев настила.

Приехали.

Шоколад этот – приличная дрянь по ее теперешним понятиям – был, однако же, любимым... во всяком случае, самым доступным лакомством ее босоногого детства. Собственно, это был, конечно, не шоколад, а всего лишь напоминающая его сладкая субстанция. Его выменивали и перекупали у биопов, которые пожирали эту дрянь килограммами. Наряду с уколами, она обеспечивала им быстрое наращивание мышечной массы.

Упаковка блока была основательно разодрана, сквозь прорехи проблескивала жирная коричневая ничуть не окисленная масса. Ана-Сурия вздохнула.

А с чего она, Ана-Сурия решила, что грабежи остались в прошлом? Даже и сегодня уцелевшие склады санаториев, до которых у Городских властей не доходили руки, для энергичных предпринимателей... нет, предприниматели – это не то слово, предприимщиков... нет, опять не то, в общем, для всяких энергичных человек, для сбегавших подсанационных, да и для самих вертухаев-биопов это же, так сказать, кладезь неограниченных возможностей. И предприимщикам этим самым лишние глаза тут совсем ни к чему.

Ана осторожно заглянула в туннелин. Вроде бы пусто. Она скользнула к нужному portalу, наложила руки на замок, напряглась и... портал раскрылся. Ана проскользнула внутрь.

На ее счастье, коробки с брюками стояли с краю. Она быстро надела их на себя, пролезла вглубь, отыскала и поверх куцего своего платишка напялила подходящего размера робу и, нацепивши на голову полосатую шапочку, почему-то носившую у санаторок смешное имя "скуфья", попыталась рассмотреть себя в прилаженный тут биопшами охранницами осколок примитивного стеклянного зеркала, правда, довольно крупный.

– Ну, чего вертис-си, сучара, – будто продолжая собой этот импровизированный "вечер воспоминаний" раздался вдруг от входа опять-таки до жути знакомый голос. Ана вскинулась... – так и есть! – загораживая корявым телом выход из рума в проеме портала торчала, подбоченясь и радостно скалясь в предвкушении, та самая ветеранша санаторных батальи и зачинщица драк, с которой она имела столкновение перед побегом.

– Ххараша ты ххарашааа, да слишкаам адееетааа, сичас будим раздиваать сучку через еетаа! – взывла ветеранша дурным голосом и вдруг, круто прервав свои музыкальные изыски, заорала голосом вполне уже нормальным: – Братва! Вали сюдой! Я тут такой кадр изловила! Пальчики облизывать – самое оно!

Не помня себя от страха и ярости, Ана в единый миг перемахнула через ящики, и ветеранша во второй раз в жизни испытала на своей голове знаменитый "докерский" удар – вдоль

тела снизу вверх кулаком в подбородок... причем, следует признать, что на этот раз удар был нанесен, может быть и менее умелой, но зато значительно более сильной, тренированной рукой.

Тело ветеранши вначале дернулось вверх, чтобы тут же кулем смятых тряпок – мешком дерма, как подумалось Ане – рухнуть под ноги набегавшим поделщикам.

Не теряя ни одной драгоценной секунды, Ана круто развернулась и помчалась к лифтовым клетям.

Ей в полной мере удалось воспользоваться той форой во времени, что она получила, пока поделщики поднимали и приводили в чувство свою товарку. Впрочем, они не затратили на этот процесс так уж много времени – череп-то у мадам был, без сомнения, не просто ударопрочный, нет, оплеухоустойчивый.

Во всяком случае, не успела занятая Аной клеть двинуться вниз, как весь вестибюль заполнился грохотом металлического пола и возмущенными воплями разъяренной братвы. Братва была вполне способна запустить соседние клетки, так что считать себя спасенной было несколько рановато и, вообще, это был бы тот самый сплошной и махровый волюнтаризм, почвы под собой не имеющий.

Ана застегнула на груди робу и мысленно самым тщательным образом проиграла все свои дальнейшие действия, самым узким местом в которых было время, потребное на открывание выходного портала изнутри. Все подобные порталы открывались с некоторой задержкой во времени, так что "братва" получала реальный шанс ее догнать. Грохот клеток, наверняка забитых преследователями, и их истошные вопли доносились до нее вполне себе отчетливо. Нельзя было исключить и наличия у подонков оружия.

Ана мчалась изо всех сил, пустив на полный мах свои – свои? – длинные тренированные ноги. Преследователи отставали метров на двадцать – тридцать, и шансов догнать ее до створа портала у них не было ни малейших. Да и в спину ей из какого-нибудь игломета никто не палил.

Когда впереди замаячил створ портала, сердце Аны не дало такого для себя привычного длинного сбоя, оно просто чуть не выскочило из груди от радости. Мембрана портала была полностью раскрыта, и в створе его два юных разнополых существа запечатляли себя на фоне столь предосудительного места на цифровую галокамеру – селфи, всенепременно для сегодняшних друзей, а может быть, и будущего совместного потомства.

Ана, впрочем, пожалуй, уже и Ана-Сурия, вихрем налетела на юных "нарушантов", и, ухвативши их за руки, с воплем: "Скорей, бежим, где ваша машина?", поволокла спотыкающихся "нарушантов" за собой.

Когда "нарушанты" сообразили, что им грозит, они включились в процесс "дера" с весьма похвальными энергией и энтузиазмом. Время, однако, было упущено и фора значительно потеряна. Преследователи значительно сократили отставание, по каковому случаю азартно орали и улюлюкали. Машина – моденстар кабриолет – по счастью, оказалась рядом, за углом, Все трое ввалились в нее, причем Ана-Сурия умудрилась оказаться на водительском месте, Машина рванула прямо на набегавших преследователей, заставив их всех брызнуть в разные стороны, и, набирая скорость, исчезла в ближайшем магистральном тоннеле.

– Смотри-ка, Ван, а девушка сделала это! А ты – невозможно, невозможно! Вот тебе и невозможно.

– Ты, дорогая, забываешь, что с девушкой случилось бы, не окажись портал открытым, и не будь в портале нас, – возразил рассудительный Ван. – Спроси-ка у нее, захотела бы она повторить это приключение?

– Ни за что на свете, – содрогнулась, все еще находящаяся "под впечатлением" Ана-Сурия.

– Вот видишь, – укоризненно сказал рассудительный Ван.

– Во всяком случае, я-то смогу теперь сголографироваться в санаторной робе, ведь Вы мне потом позволите, правда?.. А ты – фиг тебе. Вот так вот, рассудительный мой!

Глава третья

1

Как оказалось, купцы не зря боялись переправы. Засада была, и избежать ее удалось исключительно благодаря юному викингу. Когда их "караван" пришел в бухточку, в которой были припрятаны купеческие "плавсредства", Оле нахмурился, покрутился вокруг, разглядывая нечто, абсолютно неразличимое остальными, пробормотал "я сейчас", и исчез.

В скором времени он появился снова, но уже не один, а в сопровождении нескольких степняков, старший из которых по варварской роскоши одеяния ничуть не уступал сторевавшему ярлу, и, увидев которого, купцы пришли в неопишное волнение.

Разряженный оценивающе оглядел Люкса с друзьями и, не обращая никакого внимания на купцов, обратился к Оле.

– Значит, полагаешь, не договоримся?

Оле отрицательно покачал головой.

– У Господина одно слово, и он его уже дал.

– Как у тебя, олимпийоникона, появился господин?

– Светлый спас мне жизнь и честь, и теперь они мне не принадлежат.

– Но он уже приходил сюда с полюсов?.. Нет-нет, я ни о чем не спрашиваю. Просто степь полна слухами, и о твоём господине мне, конечно, известно. Люди достойные доверия видели его смерть.

– Как видишь, он жив, и он тут.

– Он и вправду так хорош в бою?

– У тебя нет даже полшанса. С ярлом Кнутом кроме дружины были еще орденские монахи с чертовыми кнутами. Твой дядя при осаде Сегалы пришел на выручку брату моего деда. В нашем роду помнят добро. А у меня свой интерес в этом деле. Ты не захочешь потерять честь перед своими воинами и не отступишься. А я должен сражаться на его стороне. Мой род проклянет меня за твою смерть, и пути назад в Степь у меня уже не будет.

Разряженный в задумчивости покрутил головой.

– Что ж, Оле сын Карла внук славного Баядра, так распорядилась судьба. Похоже, нет у нас другого достойного выхода, кроме как скрестить оружие.

– Есть. Подожди минутку.

Оле подошел к Люксу и, не глядя на купцов, сбившихся в кучку возле стремени Люкса, показал рукой на степняков и громко, так чтобы всем наверняка было хорошо слышно, сказал:

– Господин, я знаю этих людей и дорожу дружбой с ними. Позволь мне все уладить, не прибегая к оружию?

Люкс, подыгрывая, оглядел степняков, повернул голову к Кувалде и поднял бровь. Кувалда с важным видом кивнул. Люкс повернулся к Скаврону, тот тоже утвердительно покивал головой, правда, слегка помедлив. Люкс повернулся к Оле.

– Прощу как о милости, – торопливо добавил тот.

– Хорошо, – отрывисто сказал Люкс и тотчас рявкнул на купцовых работников, – что стоите? Кто за вас будет готовить переправу?

Прислужников как ветром сдуло, под приказами хозяев так-то не бегали.

Оле отвел купцов в сторонку.

– Вам решать, – сказал он с явственной угрозой в голосе. – У викингов нет ни одного шанса, но им проще погибнуть, чем потерять лицо. Они и погибнут, но тогда вся Степь станет

вашиими кровниками. Все будут знать, что вы загнали их в западню, и выйти из нее с честью не дали.

– Они сами загнали себя в западню! – запальчиво прошипел купеческий старшина. – Сами товар продали, а сами пришли грабить.

– Это обычаев не нарушает, – холодно сказал Оле. – Вы сейчас можете откупиться, как это у вас говорят, за символическую плату. И все будут довольны – и они, и вы, и мы. Вам решать. Только я бы согласился на вашем месте. Ярла с его дружиной мы, конечно, покрошим в лапшу, но вам дорога в степь будет заказана навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.